ДЖОН ШЕРЛИ

И ПРИШЕЛ ГОРОД

УЛЬТРА.КУЛЬТУРА
У-ФАКТОРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

John Shirley. City Come A Walkin (1996)

Перед нами Сан-Франциско не очень отдаленного будущего. В этой реальности на людей надежды уже нет. Тотальная глобализация привела к власти подонков, которые стремятся подменить свободу суррогатом из секса, музыки и наркотиков. И тогда на помощь приходит сам Город. Он повсюду – и нигде. Действовать во спасение человечества он поручает двум Избранным: Коулу, владельцу клуба, и Кэтц, радикальной рокерше. Разумеется, не обходится без любви – в стиле «панк». Но общение с Городом – тяжкое испытание для психики. Похоже, один из них не выдержит…

- Ширли Джон
  - ВХОД
  - Р-РАЗ!
  - ДВА-А!
  - ТЭ-РИ-И!
  - ЧЕТ-ТЫ-Ы-ЫРЕ!
  - ПЯ-А-АТЬ!
  - ШЕС-СТЬ!
  - СЕ-ЕМЬ!
  - ВО-ОСЕМЬ!
  - ДЕ-Э-ВЯТЬ!
  - ДЕС-СЯ-А-АТЬ!
  - ВЫХОД
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Ширли Джон
И ПРИШЕЛ ГОРОД

ВХОД

Девушка в студийном павильоне поправила на голове наушники и сделала знак звукооператору. Отделенный стеклом аппаратной, тот кивнул и нажал кнопку воспроизведения записанного материала. Она предпочитала слушать в наушниках.

Первая композиция – жесткий импровизационный рок (стиль, претенциозно именуемый *ангст-рок*[1]*)* – была записана недели три назад. Девушка была ведущей вокалисткой группы. Записи этого сета еще никто не прослушивал; надо было вначале собрать деньги и расплатиться за студийное время. Контракта на альбом у нее еще не было. Да и будет ли вообще?

Ее звали Соня Пфлюг; сценический псевдоним – Кэтц Вэйлен. Теперь все называли ее Кэтц, даже в семье. Несколько минут она сосредоточенно прослушивала запись, все заметнее чему-то хмурясь. Наконец она заерзала на своем стульчике – как будто неуютно ей было в этом студийном павильоне, на жестком пластиковом сиденье. Что-то ее раздражало, и раздражало все сильнее. Слушая фонограмму, она медленно покачивала головой. Наконец Кэтц нервно постучала по стеклу, отделяющему павильон от аппаратной, и звукооператор нажал «стоп».

Она переключила тумблер и заговорила по внутренней связи:

– Там какой-то голос слышно на заднем плане! Хотя мы никаких наложений не делали. Причем ни на кого из группы не похож. Вообще непонятно, что он там такое несет. Что еще за хрень! Голос… Да чего ты там плечами пожимаешь! А? Не надо мне лапшу вешать! Наверно, радио или еще какая лажа проникает через изоляцию. Так что, если мы хотим, чтобы она на запись не попала, надо ее вычислить, засечь как-то. На какой частоте, все такое… Чего ты мне башкой машешь – здесь же воздух, на хрен, рябит от волн: тут тебе и радио, и телефоны, и микроволновки – и все незаметно проходит через нас… Типа «бездуховность, бля, в эфире», как старые мудрые люди говорят. Какой-нибудь там мудлон со своими дебильными новостями или реклама пивная прямо в фонограмму лезет. Что – нет? Да я его *слышу!* В буквальном смысле. Ну-ка, смикшируй его – выведи повторно, чтобы лучше было слышно. Хочу вычислить, что это там – радио или еще что; может, номера какие-нибудь услышим… Ну просто весь сет из-за него псу под хвост. Ну как? Слышно теперь? Так… я…

Она снова надела наушники, дав знак оператору включить воспроизведение.

И голос на фонограмме, теперь ясно различимый на фоне

музыкального буйства, произнес: «Привет, Кэтц». И хохотнул, с какой-то сумасшедшинкой. «Надеюсь, ты меня узнаёшь. У других *наших* это получается с переменным успехом – делать так, чтобы их голоса доносились до вашего мира. У мертвых нет голосовых связок. По крайней мере, в *вашем* понимании, потому что из *вашего…»* – голос поперхнулся смехом с едва уловимым оттенком истерии. Знакомый голос…

«… Извини. Стоит мне подумать об этом самом "понимании", как меня невольно пробивает смех из-за того, что произошло. Из-за того, какими я вижу вещи сейчас. И какими я видел их *тогда.* До Великой Чистки. Прежде чем увидел Всеохватный Разум. Он объемлет нас всех. Впрочем, мне необходимо фокусироваться на тебе. Я хожу неподалеку… я сказал «хожу»? Да, именно так, потому что у меня *есть* тело – *там,* где я сейчас пребываю. Хотя в твоем понимании его нет. Фокусировка… Я вынужден входить в определенное состояние, чтобы поддерживать с тобой связь, потому что… я вынужден вести рассказ с позиции… м-м… *твоего* мира. Я все блуждал и размышлял об этом целыми днями, сводя картину воедино, возвращаясь посмотреть на себя – я имею в виду, назад по оси Времени… (Ну зачем этот словесный туман?) Посмотреть на себя, пройтись по всей шкале. Отчетливо все рассмотреть. Мне на это дана уйма времени, потому что я буду соприкасаться с вашим миром еще сорок – в *моем* исчислении – лет. Я в вашем мире почти нахожусь, но все-таки не полностью, слегка обособленно. Я держусь к нему вплотную из-за Города и тех, кто здесь со мной. Я им всем оказываю помощь. Они все взаимосвязаны, так или иначе, на одной линии. Совокупный разум каждого города сообщается посредством единой, общей пуповины… Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес… хотя последний настолько распылен, раздроблен на осколки, хищный… Все города, *все* физически связаны. Он невыразимо уродлив и прелестен, этот ментальный резервуар… Кэтц, а ты красива. Кажется, я никогда тебе этого не говорил. Ты красивая. Я всегда хотел тебе это сказать. Просто боялся, что ты рассмеешься и назовешь меня занудой или слепцом. Ты бы точно подняла меня на смех. Но теперь все изменилось. И я могу откровенно сказать, что люблю тебя.

И еще – почему я поступил именно так, как поступил. Почему отпустил тебя в Чикаго. Я знал, что ты общаешься с разумом Чикаго. На каком-то уровне я заранее знал, *что* именно произойдет. Отныне я просто выполняю определенную функцию, Кэтц.

Бог мой, Кэтц, как же ты все-таки красива! Ведь я вижу тебя изнутри: твое, и только твое энергетическое поле; ту сокровенную

точку, где – интересно, как бы ее назвать? – теплится огонек твоего сознания. Я различаю ее – ну, как можно различать слабо светящуюся дужку в лампе.

Надеюсь, что ты узнаёшь мой голос. Я использую своего рода импульс, создающий определенные звуковые волны – надеюсь, похожие на мой голос. Что-то вроде чревовещания между разными измерениями. Ты слышишь меня? Это я, Стью! Кто же еще, а?»

Сдернув с себя наушники, Кэтц махнула звукооператору. Тот остановил фонограмму. Она сидела с побелевшим лицом, уставясь на пульт. Затем встала, подошла к своей сумке и, достав флакончик с успокоительным, после глубокого вдоха пригубила. *«Это и вправду он»*, – стучало у нее в голове.

Возвратившись, непослушными руками снова надела наушники. Минуту она сидела в нерешительности, собираясь с силами. Наконец дала знать звукооператору, чтобы тот снова включил запись.

«Кэтц, я хочу, чтобы ты меня поняла. Почему я не мог отправиться с тобой. Почему позволил Городу сделать то, что он сделал.

Смешно сказать, но время для меня теперь ничего не значит. Как только лабиринт изучен, по нему можно следовать в любом направлении. Можно стоять рядом и наблюдать сцену собственного рождения. Невидимый, я стоял возле больничной койки своей матери и смотрел, как появляюсь на свет! Наблюдал за тем, как расту. Вернулся назад, чтобы отсмотреть повторно. Вникнуть, взглянуть на все объективно. И хочу рассказать тебе все как было, от начала до конца, даром что по большей части ты сама при этом присутствовала. Надеюсь, я уложусь во время твоей записи. Думаю начать с той ночи в клубе – точнее, второй ночи твоего тура по Сан-Франциско. Ты только что возвратилась из Чикаго. В ночь, когда я попросил тебя "прозондировать" парня, которого хотел нанять вышибалой. Сейчас я как раз вхожу в нужное состояние. Я это чувствую. Третье лицо… Да-да, я – третье, стороннее лицо».

Он хохотнул. Кэтц поморщилась; сумасшедшинка в голосе все-таки была.

«Это было, кажется, 10 мая 2008 года. В старом добром Сан-Франциско… Или чем он был тогда – до перемен, до Чистки, до… ну да ладно. Смешно: в сущности, так недавно по моему теперешнему временному отсчету я находился в эпицентре взрыва. Непосредственно при акции возмездия… Помещение вокруг меня взорвалось – а мне хоть бы что. Даже понравилось. Уходил оттуда с ощущением, будто только что искупался в

бушующем море.

Всё, сфокусировался… Пошел обратный отсчет… Эллис-стрит. Клуб "Анестезия". *Мой* клуб – неважно, что про него говорили. Как его тогда расписала пресса:

"…одна "звезда", если вы ищете эстетическую, душевную обстановку, и "пять" – если вам по сердцу дикий шум, потасовки, буйная эксцентрика, шлюхи и безудержный китч". Да ну ее на хер, эту прессу. Это был мой клуб, и я его любил…»

Кэтц слушала, а внутри у нее все словно таяло; на лбу выступили бисеринки пота. Где-то там, позади бесплотного голоса, завывала, билась и чугунно грохотала ангст-роком ее группа – оголтелый металл, быстрый и яростный, словно громовое эхо ворвавшегося на станцию поезда подземки.

Голос на пленке вел рассказ.

Р-РАЗ!

Была суббота, десять вечера – из чего следует, что клуб был набит под завязку. Не просто битком, а уже слегка разбухал. Народ разве что из окон не выдавливался. Что Стюарту Коулу было вполне по душе. Жизнь клуба напрямую зависела от дохода, приносимого этим вечерним субботним разгулом. Но значило это, и что надо нанимать и, главное, оплачивать (ох, подумать только!) *троих* вышибал на эту ночь. А Коул нашел только одного, да и то уже переработавшего, бедолагу со сбитыми костяшками. Коул искал еще двоих и уже успел получить отбой от двух каратистов, бывшего «зеленого берета» и одной глыбообразной лесбиянки. Всем, как видно, своя морда дорога: «Анестезия» – то еще место.

Весь в мыслях о вышибалах, Коул смешивал коктейль «Ржавый гвоздь», когда взгляд его случайно остановился на человеке в зеркальных очках. Примерно так глаз выхватывает среди волн бакен из-за его неподвижности: твердый предмет в жидкой среде. Все толпы текучи, полны течений и завихрений. Человек – существо мягкое, по большей части состоит из воды, поэтому движущаяся людская масса создает впечатление скорее колыхания, чем дерганья. Этот же человек двигался подобно ледоколу – жестко и неумолимо, но при этом со свойственной ему отрешенной грациозностью. Он не был массивным или чересчур жестким, но было в нем что-то несгибаемое. Прочность.

Идеальный вышибала.

Хотя, если присмотреться, богатством незнакомец не отличался: черное полупальто в двух местах было порвано, без пояса, а побуревшая, низко надвинутая широкополая шляпа частично уже утратила форму. Зеркальные же очки выглядели новехонькими, отражая крутящиеся блики старомодного стробоскопа над танцплощадкой. *«Может, переодетый фараон?»* – подумалось Коулу. Или еще хуже, *активист.* Эти грозились своими приемчиками – спецрейдами, облавами и так далее – повычистить всех проституток, а уж их-то в клубе хватало.

У незнакомца было квадратное лицо – бледное и без изъяна, но грубое, все равно что мраморная глыба, которой вода и ветер постепенно придали сходство с человеком. Подбородок с ямочкой выдавался вперед дальше, чем толстый приплюснутый нос. Курчавые волосы отливали иссиня-черным металлическим блеском. Сложения среднего, рост метр восемьдесят или чуть выше. И вместе с тем такое грозное самодовольство в этой нарочито прямой, незыблемой осанке, что просто не по себе.

«Смотри, кого нанимаешь…», – напомнил себе Коул, приглядываясь. В Сан-Франциско с любым уличным маньяком в игры не поиграешь; это должен быть *правильный* маньяк.

Поэтому, разглядывая человека, Коул ни на что особо и не рассчитывал. Он перепоручил смешивать коктейли Биллу Уоллаху и под предлогом, что хочет проверить сценическое оборудование, прошел к сцене: оттуда обзор был лучше.

Со сцены он и продолжил наблюдение, совершенно бессмысленно поправляя провода и регулируя микрофонные стойки. Человек в зеркальных очках бесстрастным созерцателем застыл в затенении у сигаретного автомата, не смешиваясь с толпой. Жаль, что глаз не различить. Взгляд Коула то и дело возвращался к губам незнакомца. Бесцветные, сжатые в тонкую полоску – и совершенно неподвижные. Ни единого шевеления. На сцену подошла Кэтц, спросить, все ли в порядке с аппаратурой – к чему, например, без толку теребить гитарный ремень?

– Да я типа так, подгоняю. Слушай, Кэтц… ты не могла бы приглядеться вон к тому парню, около сигаретного автомата? Да, в зеркальных очках. Он или что-нибудь выкинет, или он стопроцентный вышибала. Пусть или то, или это, но мне надо знать. Не хочу к нему подходить насчет работы, пока не увижу, что он годится; а то, чего доброго, нарвусь на переодетого «крота»…

Кэтц, пожав плечами, кивнула, от чего каре посеребренных волос легкой кисеей колыхнулось вокруг ее лица молодой волчицы; золотистые глаза чуть сузились, как обычно бывает, когда она думает задать вопрос. Коул поспешно качнул головой и возвратился за стойку, ждать докладную Кэтц.

Группа постепенно подтянулась на сцену, и Коул, дождавшись, когда музыканты накинут гитарные ремни и подключатся, вырубил дискотечную фанеру и проорал в радиомикрофон: «Ля-а-ади и гениталь-мены – КЭТЦ ВЭЙЛЕН!» Половина площадки протяжно застонала, другая разразилась одобрительным ревом. По бару пошел выжидательный ропот; даже те, кто Кэтц недолюбливал, были вдоволь о ней наслышаны.

Кэтц, подстраивая гитару, наклонилась и прошептала что-то официантке, которая, кивнув, одной ей известными тропами двинулась сквозь полчища загребущих лап в направлении Коула.

– Кэтц сказала тебе передать, что у нее «отчет в песенных текстах». Это она, блин, о чем?

– Потом скажу, – ответил Коул, вовсе не думая ни о чем ей потом рассказывать.

Разносчица дежурными движениями заполнила поднос разноцветием напитков и пошла обносить скотный двор пойлом.

«Отчет в текстах?» Коул ощутил знакомый трепет. Он был одним из немногих, кто различал в текстах Кэтц слова. Может, потому, что они знают друг друга столько лет? Возможно. Но главное – из-за существующей между ними духовной близости. Многие и не догадывались, что свои тексты Кэтц импровизирует. Просто берет и сочиняет на ходу. Каждый вечер они разные. Иногда даже в рифму.

Группа подготовилась, настроилась, подключилась и ждала момента.

Ангст-роковый квинтет, в котором Кэтц – душа и тело. Чуть зажмурившись в тот момент, когда вспыхнули огни подсветки, она легонько постучала по микрофону – работает ли – и рявкнула на зал: «Ма-ал-чать!»

На памяти Коула Кэтц была единственным исполнителем, кому удавалось добиваться результата таким способом.

В ту ночь толпа была особенно шумной: смех, взвизгивание, крушатся стаканы, летают по залу пластиковые бутылки. И так час от часу, по нарастающей – к полуночи толпа уже гудела на собственном заводе так, что сотрясались стены. За одним исключением: Кэтц, эта худенькая узкобедрая женщина, велела всем молчать.

И они смолкли.

Было похоже на чудо: в зале воцарилась тишина. Ну, разве что отдельное покашливание, или смешок, или щелчок зажигалки. Тут и там в задымленном помещении в предвкушении живой музыки замерцали косяки. Толпа на танцплощадке чутко замерла, готовясь ринуться в гибкие песенные ритмы.

Затишье было мнимым, и все ожидали, когда оно закончится. Ожидание оказалось более чем оправдано, когда группа разразилась первыми тактами. Лавина фазированного звука хлынула в зал, и лидер-гитара выдала неистовый вступительный пассаж – эдакая несмазанная лебедка, с визгом вздымающая тонну покореженного металлолома.

Низкий рокот баса скрепил эту металлическую терку в единый боевой механизм, как болты гусеницу несущегося танка. Отставив в сторону свою ритм-гитару, Кэтц принялась петь. Коул, сосредоточенно нахмурясь, успевал сквозь грохот расшифровывать ее исступленное скрежетание:

Вы, дешевые подонки, вороватые дельцы, -
Вы все в упадке, в таком упадке.
Все вы, воющие стервы и несвежие самцы, -
Вы все в осадке, в сплошном осадке.
Сутенеры, жизнь живущие в обнимку с плутовством, -

Вы так мне гадки, так мне гадки.
Как только улица вас терпит над собой -
Такой отстой!
Устала улица от вас, ее от вас тошнит -
От всех, кто пилит в «шевроле» и в подворотнях ссыт.
От ненависти ночь бела, а полдень потемнел -
Но город сам в себя придет, и грянет передел -
Настанет передел!

Лидер-гитара ушла в длительное соло – эквивалент юности на языке электричества. Кэтц картинно заходилась в танце мотылька, жестоко сгорающего в огне свечи. Вот она припечатала по заду басиста и, изображая руками барабанные брейки, с беззвучным хохотом высоко подпрыгнула; развернувшись в воздухе, успела на обратном пути приложиться и к гитаристу; шлепая себя руками по коленям, приземлилась прямиком на сцену и пошла, изгибая шею, трясти плечами и бедрами в двойной провокации – причем не сбиваясь с общего темпа.

Ударные с басом сделали драматичную паузу, а Кэтц завораживающе уставилась на публику, распахнув свои и без того большущие глаза; разметавшиеся платиновые пряди пристали к вспотевшему лбу. Без тени неуверенности на лице она кивнула на человека в зеркальных очках, при этом пропев:

Город пришел взять свое, взять свое -
Индусов с аватарами,
Кэтц с ее гитарами,
Зевс в обличье лебедя
Ледой овладел,
Иногда мир обретает очертания богов,
Иногда боги принимают форму людей,
Иной раз боги идут по земле в облике смертных,
А нынче ночью явился Город
И человека схватил за ворот…

Кэтц вопила, уже не всегда попадая в ноты и едва поспевая за разогнавшимся ритмом, так что толпа не улавливала, что она такое говорит. Но ей это нравилось. Потому что чувствовалось: как бы эта деваха ни блажила, поет она от сердца.

Песня разворачивалась, обретая размах, подобно боевым действиям; зеркальный шар под потолком разбрасывал колкие отблески света, со свистом летали пластиковые бутылки сквозь слоистые завесы дыма, а Кэтц цепко смотрела на Коула (он же

тоскливо ерзал: эх, ну почему мне сорок два, и «бемоль» вон уже обозначился) и бойко вещала в микрофон: «А эта часть песни – эй, самцы-молодцы, вы меня слышите-э-э-э?», и толпа ответно взревывала со счастливой яростью. «Ага! Ребята-подонята, эта часть песни – типа история в десяти частях, вроде как десять глав в книге. Я буду называть по отдельности каждую главу, а вы сами будете догадываться, о чем конкретно речь, воображая невидимую архитектуру музыки, – если не будете, мудачины, отвлекаться, – поэтому все, блин, внимание-э-э!» Она сделала глубокий вдох; группа сделала паузу, отчего в толпе возник секундный штиль, и после Кэтц нараспев выкрикнула:

«Р-РАЗ!» – Лидер-гитара выдает замысловатый риф, и Коул видит себя на улице вместе с человеком в зеркальных очках.

«ДВА-А!» – Жестко вступает бас, и сами собой нанизываются образы зеркальноглазого на телеэкране.

«Тэ-РИ-И!» – Грохот барабанов создает картину людей в штатском, вслепую палящих со сцены в толпу на рок-концерте.

«ЧЕТ-ТЫ-Ы-ЫРЕ!» – Синтезатор высверливает мозг высокочастотными вибрациями, и вот уже видно, как Кэтц и Коул валяются окровавленные на деревянном полу, окруженные хохочущей оравой.

«ПЯ-А-АТЬ!» – Гитарный рисунок соткал зыбкое видение: Коул и Кэтц занимаются любовью.

«ШЕ-С-СТЬ!» – Бас совместно с гитарой создают контрастную зарисовку: Коул лежит на кровати, а Кэтц рядом собирает чемоданы.

«СЕ-ЕМЬ!» – Барабаны словно клацают затвором: вот Коул делает невольный шаг назад, а близкий друг захлопывает дверь прямо перед его лицом.

«ВО-ОСЕМЬ!» – От звука клавишных высвечивается картина: Коула затаскивают в тюремную камеру.

«ДЕ-Э-ВЯТЬ!» – Коул видит себя перед зеркалом: он почему-то голый, стоит, протирая глаза.

«ДЕС-СЯ-А-АТЬ!» – Все инструменты сливаются воедино, одним громовым аккордом насылая видение: Коул зависает посреди взрыва…

И тут композиция разом оборвалась. Коул неожиданно для себя помчался в туалет.

Облегчившись, почувствовал себя более-менее сносно. Смешал себе коктейль, чтобы зыбкое, рассеивающее видение как-то рассосалось. «Зачем она мне все это показала?»

Коул возвратился за стойку и занялся работой – своего рода йога для успокоения. Кэтц со своей группой ринулась в очередную песню, как в атаку.

Незнакомец в зеркальных очках задумчиво созерцал сцену – единственный во всем помещении, кто не реагировал на музыку никак. Бармены, те и то пристукивали пальцами в такт. Он же просто оцепенело смотрел. И не двигался.

Коул присматривал за баром, ублажая это неутолимое стозевное чудище, кое-как ограждаемое деревянным прилавком, – он заливал напитки в его глотку, а неисчислимые зевы шумно требовали еще и еще… Размещенные вдоль стойки в равных интервалах друг от друга машинки «Интерфонда» любезно всасывали подаваемые клиентурой карточки, показывали, есть ли средства на его или ее счету, в мгновение ока переводили деньги со счета владельца на счет получателя, фиксируя номер трансфера на цифровом дисплее…

Обычно как минимум один раз за ночь кто-нибудь, вместо того чтобы предъявить карточку «Интерфонда», хлестко стегал о прилавок наличностью. На этот раз – какой-то старикан с седой немытой гривой и слезящимися мутно-голубыми глазами.

– А денежка где, дедуля? – вежливо осведомился Коул. – В смысле настоящая денежка. Карточка МТФ.

– Ёбтыть, да вот же реальные бабки, какая еще там на 'уй карточка, хрень вся эта…

– Да, да, я тебя, безусловно, понимаю, отче, только мы за нал ничего не продаем, вообще никто больше не продает. Даже орешки к пиву. Всё – кофе там, ликер, да что угодно, – на все надо иметь карточку МТФ… Вообще не представляю, как вы, народ, еще умудряетесь коптить по жизни; во всем городе, наверно, магазина три еще осталось, где обслуживают за нал. Моментальный Трансфер Фондов…

– Да ну, на 'уй! – прорычал старикан и, облизнув сухие губы, неуклюже сгреб деньги. – Да и музон здесь какой-то хероватый… – И тронулся к выходу.

– Извини, дедуля, – печальным голосом проводил его Коул. «Да-а, кое-кто из них так и не смог приспособиться».

Остальная часть выступления буквально просвистела мимо, настолько Коул был занят. Затем Кэтц объявила перерыв и ненадолго покинула сцену. Коул опять включил «фанеру» и смешал для Кэтц коктейль. Свой двойной сухой мартини она хлопнула одним завораживающим залпом; Коул налил еще на два. Кэтц была изрядно взвинчена, руки чуть подрагивали – как всегда после выступления, ввергающего в легкую лихорадку.

– Ну что, слышал? – спросила она. Склонившись над стойкой, Коул поместил локти на прилавок, подпер подбородок ладонями и спросил:

– И какой же, интересно, вывод я должен сделать из этой

галиматьи?

– А я-то считала, что ты даже студентом неплохо разбирался в поэзии, Стью, – насмешливо заметила Кэтц.

– Ну и? Я жду доклад, доверять парню или нет должность вышибалы, а ты мне: «Нынче го-ород придет», или как там его.

– Ты уловил психические флюиды, которые я тебе посылала?

– Ну уловил… только что-то не понял.

– Н-да, да и я тоже. Ты хочешь знать, доверять ли парню? – Она нервно рассмеялась. – Значит, «парень», ты его так называешь? «Доверяю», говоришь? Да боже ты мой! Ты мог бы доверить ему нянчиться с твоими детишками, если б они у тебя были, или распоряжаться всеми твоими деньгами, или в самом деле дежурить у тебя на дверях. Он бы делал это, если б согласился. Только он на это не пойдет. Ему не до этого – у него есть дела, причем отпущена на них только одна ночь… Кстати, это не просто один человек. До тебя доходит? Это он: Город! Собственной персоной. Спящая его часть, которая спит и бодрствует разом, во всей совокупности. Вникаешь, чудила? Гештальт всего места, весь этот гребаный город в теле одного человека! Иногда мир обретает очертания богов, а эти боги принимают форму людей. Иногда. Как на этот раз. Тот человек – это весь Город целиком, причем, учти, это не какая-нибудь метафора.

Все это она произнесла без тени иронии. Скажи это кто-нибудь другой, Коул состроил бы дурашливую мину. Никто с первого взгляда не воспринимает человека так, будто провел с ним всю жизнь. Исключение составляла только Кэтц. У нее был дар. Кто-то из Университета Дьюка предлагал ей однажды немалые деньги, чтобы она вернулась на юг и прошла ряд тестов на ясновидение. Но Кэтц отказалась. Она видит только избирательно, когда интуиция подсказывает, что настал нужный момент. Поэтому Коул знал, что суждениям Кэтц можно доверять – они были следствием ее дара. Поэтому он понял, что это за незнакомец. И ему сделалось неуютно.

Кэтц пошла обратно на сцену. Внезапно как-то очень душно стало в клубе «Анестезия». Сизая завеса сигаретного дыма с ощутимой привонью травки, мириады запахов от разгоряченных тел буквально стискивали горло; невозможно было дышать. Коул передал эстафету за стойкой Биллу, а сам выбрался наружу.

Он стоял на тротуаре, глубоко вдыхая бодряще-свежий воздух весенней ночи.

На месте тоже не стоялось; прилив энергии заставлял невольно расхаживать перед входом в клуб туда и сюда.

Да и вышел он не только подышать. Надо было заодно кое в

чем убедиться.

Коул оглядел окружающий его город.

Движение было достаточно оживленным – в этот час в основном охотники до «легких» девочек и кочующие стайки подростков. С шумом проносясь, резко сигналили автомобили (фары у многих защищены сетками); юнцы выкрикивали из окон на ходу что-то неразборчивое. Кто-то между делом запустил в Коула бутылкой, бабахнувшей о кирпичную стену справа. «Козлы», – процедил он машинально. Бетонные скалы многоэтажек были усеяны разноцветием огней – голубоватые (там, где включен телевизор) затененных гостиных, бесхитростно-белые санузлов, пестрые – там, где идут вечеринки. Плотоядно-розовым светились порносалоны, а легкий ветерок лениво поигрывал грязным конфетти над решеткой водостока.

– Братан, не подвыручишь?

Взгляд выхватил из темноты алкаша, жмущегося возле углового автомата МТФ. Коул сделал два шага и, вставив в автомат карточку, выбил два доллара. Теперь алкашу – или любому, кто вставит свою карточку следом, – можно было их скачать: сумма, которой хватит на бутылку какой-нибудь гадости.

Алкаш скачал себе два бакса и мелкими шажками удалился. Коул, насупившись, сунул руки в карманы брюк. Легкий ветерок слегка колыхал его рабочий фартук. От дешевой забегаловки на углу доносился прогорклый запах кухни, затхлого вина и еще более затхлой пиццы (три пятьдесят за ломтик). На тротуаре маячило несколько зазывал, шлюх, парочка «отмороженных» панков и еще какая-то женщина выгуливала пуделя, держа руку в поясной сумочке (вполне возможно, на пушечке).

Из клуба по-прежнему долетало глухое уханье «фанеры». Кэтц еще не начала второе отделение. Он улыбнулся, припоминая их спор насчет сущности дискомузыки. Она утверждала, что все это – тотальная компьютеризация плюс оболванивание с психотропной обработкой, именно поэтому она уживается при любом правящем режиме, что в конечном итоге делает ее орудием подавления, эдаким социально-обезболивающим снотворным, которое помогает держать всех в узде. Рок-н-ролл эпохи отстоя. А Коул со смехом отвечал, что всякая популярная музыка отражает сущность эпохи или претендует считаться ее частью, и он своим клубом управляет, максимально следуя предпочтениям заказчиков – даже среди официанток два раза в год устраивает опрос, какую музыку они хотели бы слышать между живыми выступлениями, и все в основном отвечают: диско. В общем-то, поэтому и удается время от времени зазывать необычные группы радикалов вроде Кэтц Вэйлен – ведь в других

областях приходится идти на компромисс. И еще: другие группы, которые сюда приглашают, – это обычные расхожие составы, играющие то, что в моде. Кэтц же огрызалась, что он потворствует фашиствующему менталитету, и добавляла при этом: «Если до конца разобраться, мальчик мой, то ты конформист. Подстилка общественного вкуса. А я – индивидуалистка». После чего Коул пускался в возражения, и спор выходил на очередной, энный по счету круг, под стать дискомузыке.

«Фанера» оборвалась, когда в микрофон что-то пронзительно провопила Кэтц – ее усиленный аппаратурой голос отрикошетил в оба уличных пролета, заставив шлюх захохотать, а уличную отморозь вскинуться: «Да вырубите вы этот музон!»

Волны оголтелого рока разносились по улице, сотрясая фонари – Коул лично в этом убедился, приложившись к одному ладонью: железный столб от басов буквально гудел. Чувствуя необходимость на время укрыться от шума, а заодно и от косвенных обвинений в непозволительно громком пении Кэтц (а нынче ночью дело пахло именно этим), Коул потихоньку побрел от клуба в сторону. Держа руки в карманах, он смещался к югу, время от времени останавливаясь под фонарями перетереть с полузнакомыми дилерами и праздношатающимися, в общем-то, ни о чем… Просто дружеский кивок и что-нибудь вроде: «Ну, как оно?» – «Да так, ничего, если б еще бабки водились…» Потом его остановил Марио и стал парить, как ему скоро засветит «чумовое бабло» за счет модельного бизнеса, потому что баба у него разродилась такими, знаешь, джинсами без задней части, с прозрачной тканью на все ягодицы – осталось только найти инвестора и реально подчистить дебет. Коул вслух заметил: «Тебе всегда нравилось созерцать жопу, Марио». Остальные заржали – филиппинцы с Мишн-стрит, ищущие приключений. Коул раздал несколько сигарет, попутно отклонив предложение Марио о спонсорстве убойного, по его выражению, предприятия. Пришлось наспех придумать, что деньги куда-то там уже вложены, и продолжить свой путь.

Остановился переговорить и с чернокожим хозяином порномагазинчика, дожидавшимся, когда уйдет последний, один-единственный посетитель. Поглазел с вежливым интересом на последние поступления, где фигурки совокупляющихся в многочисленных позах из-за расстояния напоминали мясистые буквицы какого-нибудь причудливого алфавита. Чуть призадумавшись, заподозрил себя в том, что, не исключено, наведался к этому порнушнику, чтобы при виде трехмерных актов оплодотворения ощутить какой-нибудь – пусть хоть самый небольшой – жизненный подъем. Прислушался: происходит ли

что-нибудь внутри. Ничего – никакого подъема; хоть бы какая-то эрекция… Оба скромно посмеялись над грудой лежалых книжек, которые торговец (у него, судя по всему, были какие-то проблемы со ступней) заговорщически продемонстрировал Коулу в задней комнате. Как выяснилось, порнороманы никто больше не читает. Одни только журналы, трехмерки и фильмы, да еще мульти-стимуляторы. «Держу тут у себя всю эту срань уже лет пять – думал, продам, – сетовал клерк, ковыляя обратно в зал. – Хер-то. Сожгу весь хлам на обогрев, если тепло в этом году отключат. По теплу ограничения ввели – просто пиздос какой-то».

Коул согласился и снова вышел в паутину улиц. По дороге он набрел на трех чернокожих путан; одна из них, не знакомая с Коулом, дежурно его окликнула: «Алё, познакомиться не желаем?» Остальные две шутки ради приблизились с видом, что хотят его обаять; пришлось притворяться, что он не в силах устоять перед их чарами.

– Но вы слишком мало берете с клиента, миледи! Только за одну такую чудо-ногу я обычно вношу семьсот баксов предоплаты, не торгуясь! Но я не пойду на это исключительно из любви к вам: налоговики вас задолбят.

– Ёрш твою медь! Коул, да я тебе за халявный кир прямо в твоем крысятнике отдамся.

– В крысятниках бухла не подают-с, мадам.

– Я хотела сказать: в вашем фешенебельном питейном заведении, монсеньор.

– О-о! «Монсеньор», «фешенебельное заведение»… Подтягивайся часикам к двенадцати – плесну бренди и еще чего-нибудь, за теплые слова.

Все трое быстро переориентировались на хвалебные оды в адрес клуба.

– Я читала интервью того мудилы в «Гурмане». Нет, я правда твою фотку видела в журнале!

– В каком именно?

– Типа в «Обозрении».

– Правда-правда, она постоянно всю эту хрень читает, – подтвердила одна из троицы, деловито запаливая косячок.

– Статья про то, какой ты у нас разносторонний, дорогуша ты наш Коул. Ты там еще здорово проехался насчет этих «кротов»-активистов – до сих пор, наверно, зубами скрежещут.

– Интересно, что я мог такого сказать? Не припомню. Какой-то крендель задавал мне вопросы, а я на них отвечал, а потом и вообще забыл. Не надо было, наверно, давать им то интервью.

– Ты говорил, что активисты работали в связке с местным криминалом. Они хотели взять под свою крышу проституток, а

профсоюз путан им этого не дал. Тогда они наняли бандюганов, чтобы те не давали проституткам и сутенерам спуску: типа под видом протеста насчет морального облика, а сами просто хотели срубить с них денег за свою крышу…

– Мать твою, а ведь и *вправду,* – встрял кто-то со стороны. Коул не заметил, кто именно: в эту минуту его одолевало нешуточное беспокойство. Ведь эти самые *активисты* взорвали зажигательную бомбу в одном из оклендских клубов за то, что туда пускают девиц легкого поведения…

– Ладно, дорогуши, увидимся позже, – озадаченно пробормотал Коул и двинулся дальше, пиная на пути валяющийся мусор из перевернутого бака. На носок ботинка ему шустро взбежал таракан величиной с мышонка; Коул сердито сбросил насекомое, угодившее прямехонько в лобовое стекло припаркованной к обочине новенькой малолитражки.

Дойдя до первого же «кубика» (гибрид телефонной будки и газетного киоска), он опустился на металлический стульчак, сунул в щель автомата МТФ-карточку и набрал код «Журналы». Директория тех из них, что имелись в продаже, высветилась над телефоном на видеоэкране. Он выбрал «Обозрение» за май 2008-го. Появилось содержание по страницам; он нажал на нужную.

> *ТРИ НОЧНЫХ КЛУБА. ТРИ ЛИЧНОСТИ*
>
> *Я выбрал три ночи и составил разговор с тремя владельцами клубов, увидев таким образом три различные грани одного и того же города. В пятницу это был Билл Расситер, владелец фешенебельного «Карлтона» на…*

Коул, поморщившись, нажал на кнопку убыстренного просмотра, пока не вышел на ту часть, где говорилось о клубе «Анестезия».

> *… специфическое чувство юмора Стюарта Коула наглядно проявляется, прежде всего, в названии клуба, а потом в его интерьере. Все мы, безусловно, ходим в бары для своего рода анестезии: разбавить свою боль алкоголем, развлечься живой музыкой, иногда и смешаться с толпой. Цветом стен и внутренним убранством клуб смотрится (точнее, смотрелся, – прежде чем меблировка по большей части оказалась переломана, а декор изуродован вандалами) как большая больничная палата. Средний ряд столиков представляет собой больничные койки, где вместо матрацев помещены столешницы; тут и там вдоль стен стоят медицинские*

стеллажи и шкафчики; по стенам развешены капельницы, графики состояния пациентов. Но конечно, весь этот эффект – в том числе и отталкивающе-белые стены – теряется, когда гаснет свет и на маленькую сцену врывается какая-нибудь группа.

Стью Коул – человек средних лет, хотя выглядит старше: видимо, возрастной отпечаток накладывают тяжелые времена и череда нелегких занятий, через которые ему пришлось пройти. Волос у него редеет, а доброжелательное выражение лица не может скрыть тени постоянного беспокойства, сквозящего в глазах…

Коул угрюмо хмыкнул и перемахнул дальше, непосредственно на интервью.

«Обозрение»: *Десять лет назад вы прибыли сюда из Нью-Йорка…*

Коул: *Да, в Нью-Йорке я прожил восемь лет. Хотя родился на Западном побережье, рос в основном в Окленде и Беркли. К тем местам у меня сильная привязанность. Но о Сан-Франциско я грезил – в буквальном смысле! – даже когда уже шесть лет как жил в Нью-Йорке. Может, по этой причине я и вернулся.*

«Обозрение»: *Чем вы занимались, когда жили в Нью-Йорке?*

Коул: *Слишком общий вопрос. Если иметь в виду, чем зарабатывал, то… начинал, в общем-то, мальчиком по вызову.*

«Обозрение»: *Получается, проституировали?*

Коул: *Получается, так. Вы же хотели, чтобы это было откровенное интервью, верно? Обслуживал в основном гомосексуалистов в летах, но попадались и парочки – мужчины с женщинами. Геем в буквальном смысле я не был, но за плату приходилось ублажать и таким образом. В общем, картина достаточно неприглядная. Я плюнул на все это после того, как один поганец бросил меня на привокзальной площади в Куинси, прямо под дождем. Просто выпихнул из машины, когда я натягивал штаны. После этого я подал на вступительный экзамен, продолжил образование.*

«Обозрение»: *И закончили с отличием, насколько мне известно, но отказались от диплома бакалавра. Почему?*

Коул: *У меня было ощущение, что ученая степень – это что-то надуманное и, в общем-то, бессмысленное, ну разве что дающее возможность отмежеваться от*

«среднего человека». Я же от него отмежевываться не хотел. Я всегда чувствовал в себе, как бы это сказать… какую-то обособленность от людей, и как раз от этого меня тянуло в их среду все больше. Видимо, поэтому я… я всю жизнь выискивал для себя такое место, где мог бы сказать: всё, вот это моё. Мне нужна была своего рода семья. Со своими родителями близости у меня не было никогда. От сестры последняя весть поступала… уже не помню когда. Поэтому все, что у меня есть, – это мой клуб и мой… в общем, весь этот чертов ***город,*** *на самом деле.*

«Обозрение»: *Просто удивительно, насколько у постоянных жителей Сан-Франциско развито чувство принадлежности своему городу; у некоторых оно поистине фанатичное.*

Коул: *Я тоже из их числа. Фанатик – но не в смысле «Не доставайся же ты никому!». Очень многих беспокоит, что город заполонили туристы. Для меня же они просто часть интерьера. Город зависит от них. В каком-то отношении этот город уникален, настолько в нем все спрессовано. Я имею в виду, он весь как бы сжат в кулак: основная его часть расположена на этом миниатюрном полуострове, и еще вверх-вниз по этим крутым холмам. А поэтому всякие латинские и афроамериканские общины, а вместе с ними и китайские, и японские, и голубые (а уж эти повсюду), и арабы с индусами, и средней руки белые – все постоянно живут друг с другом бок о бок, и все эти «гетто» буквально накладываются одно на другое. Отсюда, я думаю, столь ярко выраженное чувство сообщества…*

«Обозрение»: *Я улавливаю некоторую напряженность в вашей речи. Такое ощущение, что вы будто балансируете на грани между уличным жаргоном и речью образованного человека…*

Коул *(со смехом): Что ж, образование образованию рознь. Как я для себя уяснил, образование, данное улицей, более полезно. Хотя да, смешение получается довольно забавное. Мне доводилось встречать сотни тех, кого пресса именует «людьми дна», а также множество художников, фотографов… Похоже, я постоянно тянусь за наиболее полным ощущением этого города. Всех различных его частей. Похоже, оттого и все эти займы брал десять лет назад, и в долгах увязал «по самое не могу», чтобы выровнять нейтральную площадку для*

контакта с городом как единым целым. Клуб этот одно время ничем не отличался от других. Но мне нужна была перемена. Вы бы удивились, узнав, какие разные люди к нам сюда приходят. Тут вам и вуайеристы, и неопанки, и трансвеститы, и артисты, и механики, и самые что ни на есть клерки в пиджаках, и явные «отморозки»…

«Обозрение»: *Но вы, мне кажется, сами специально все это провоцируете. Мультимедийные шоу, клоуны-импровизаторы, исполнители соул, рок-группы, джаз-бэнды, кавер-группы… А теперь вот Кэтц Вэйлен…*

Коул: *Что же, мы с Кэтц знакомы уже достаточно давно. Подобные ей должны появляться хотя бы один раз на пороге очередного десятилетия – глоток свежего воздуха. В шестидесятых это были Боб Дилан, Лу Рид и Хендрикс, в семидесятых – Пэти Смит, в восьмидесятых – Джонни Роттен…*

«Обозрение»: *Вы что, ставите ее с ними на одну планку?*

«Ублюдок ты сопливый», – пробормотал Коул, продолжая читать.

Коул: *А почему бы и нет, дружище. Ей…*

«Обозрение»: *Несколько лет назад вы, помнится, увлеклись городской политикой, а потом как-то ушли на дно.*

Коул: *Ах да, я действительно подготовил несколько обращений, рассылал их по инстанциям, несколькореферендумов провел, написал ряд статей, участвовал в предвыборном штабе… Не сказать, чтобы много.*

«Обозрение»: *Тем не менее, ходили упорные слухи, что вы собираетесь баллотироваться в члены комиссии…*

Коул: *Я рассматривал такую возможность. Но понял, что шансов маловато. Хотя, конечно же, мне не все равно, что происходит в городе, какую политику проводят его власти – не только в области индустрии развлечений, само собой. Я же здесь обитаю, в конце концов. Поэтому проблемы города – мои проблемы.*

«Обозрение»: *А ведь вас раскритиковали в пух и прах, когда вы пытались набрать голоса – я имею в виду, в поддержку закона, позволяющего малому бизнесу продолжать использовать наличность.*

Коул: *Все это БЭМовское*[2] *лобби наводит на людей страх.*

«Обозрение»: *Что еще за страх?*

Коул: *Страх перед мощью Организации. Она на всех нас накидывает узду, потому что может контролировать наши средства ведения бизнеса. А это опасная ситуация. Представьте, что оргпреступность, – это я так, к примеру, – через это лобби получает контроль над МТФ. Поскольку все платежи осуществляются электронным способом, а электронику можно контролировать на дистанции, они могут пользоваться или присваивать… Ну да ладно, не будем вдаваться.*

«Обозрение»: *Насколько мне известно, ваш клуб – один из тех, который получил предупреждение от активистов правопорядка.*

Коул: *Как же. Они приклеили мне его на дверь; часа два отскребал. Только они не правы: я не «потворствую» проституции. Равно как и не порицаю. Люди есть люди, проституция среди них была и будет всегда. Теперь, когда она уже наполовину легализована – как и курение марихуаны – за счет соответствующего профсоюза, от этого выиграли все. Этот новоявленный пуританизм абсурден, честное слово. Более того, подозрителен.*

«Обозрение»: *«Подозрителен»? Что вы имеете в виду?*

Коул: *Я имею в виду, что эти ребята очень неплохо организованы. Бьют по порокам, которые приносят колоссальные доходы, – игорный бизнес, проституция, – но не нападают на новые, субсидируемые правительством программы: на спецтарифы за психотропные препараты, на доплату от наркуш за инъекции, на надбавки за скорость для любителей чересчур быстрой езды, – потому что все это в их руках. Мне думается, они работают на кого-то, кто делает на пороках большие деньги, и хотят заработать еще больше…*

Экран погас; вместо текста высветилась надпись: «ВНЕСИТЕ ЕЩЕ $1 МТФ ЗА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ 10 МИН.». Коул пожал плечами и покинул кабинку. С задумчивым видом он побрел назад к клубу. Шум из дверей встречных баров плавно поднимался и так же плавно опадал, по мере того как он удалялся.

Ночь веяла мягким теплом. Шаг за шагом Коул приближался к «Анестезии». Усиленный аппаратурой голос Кэтц громогласным эхом отлетал от близстоящих зданий. Подумалось о ментальных

вспышках, которые она ему нынче посылала. По спине пробежал невольный холодок.

Он приостановился у дверей в клуб, в то время как группа смолкла, давая Кэтц возможность продекламировать одно из ее стихотворений. Коул прислушался к городу, фильтруя шумы. Смотрел, отсортировывая впечатления. То, что он искал, находилось здесь. Присутствие города, многослойный узор его образов во всем единстве и многообразии, невидимая взаимосвязь между битым стеклом в канализации и антенной лимузина, между вонью выблеванного вина и ароматом цветочных лавочек на свежем воздухе… присутствие, не заметить которое мог только глупец. Поскольку, проникнувшись этим присутствием, ты можешь безошибочно предугадать, что за углом притаилась смертельная опасность или что в твоей квартире вот-вот вспыхнет пожар. Неизвестно почему ты в последний момент вдруг ринешься к выходу – и лишь назавтра удивленно спохватишься, узнав о происшествии из газет. И это присутствие ощущалось сейчас. Если только незнакомец был тем, за кого приняла его Кэтц…

И тут до Коула дошло. Присутствие было здесь, снаружи. Сама же сущность – чувство своенравного разума, подпитывающее немолчный шум живущего города, – сущность эта была почти полностью приглушена. Она как бы сходилась в одной точке. Видимость на улице была невнятной. Потому что сущность Города находилась внутри, воплощенная в человеке, который находился в его, Коула, клубе. Там, внутри, он стоял в видавшей виды бурой шляпе и зеркальных очках.

Коул кивнул сам себе.

Я искал нейтральную территорию для общения с городом как с единым целым…

Коул вошел в клуб.

Вон он, стоит. Человека в зеркальных очках Коул выцепил сразу.

Кэтц стояла рядом и что-то ему говорила – непринужденно, будто со старым приятелем. Коул стал протискиваться сквозь толпу, не спуская с незнакомца глаз. Ему мучительно хотелось с ним говорить, хотя совершенно непонятно о чем.

Остановившись в нескольких шагах, Коул стоял и смотрел на свое отражение, двоящееся в двух зеркальных стеклышках. Кэтц говорила негромко, склонясь к уху незнакомца; бесконечные повторы дискоритмов упорно не давали расслышать ее голос. Ум Коула будоражил вихрь вопросов, которые иначе как тупыми назвать было нельзя. Но все равно хотелось спросить: «Город, а Город, куда ты задевал Перл, мою сестру? Она алкоголичка, и я

не видел ее уже восемь месяцев. Наверно, она умерла или где-то в Окленде. Окленд – еще не смерть, но уж точно кома». Или: «Город, а Город, как бы мне подобрать квартиру получше, чем эта моя двухкомнатка на отшибе возле Мишн?» Или: «Город, почему получилось, что мой лучший друг погиб на загородном шоссе под колесами самосвала? Тебе чем-то не по нраву те, кто путешествует автостопом?» Но ничего из этого Коул не произнес. Он не отрываясь гляделся в стекла зеркальных очков, и его почему-то тянуло плакать. Он снял с себя фартук и с силой швырнул его под ноги – хватит уже на сегодня!

К Городу подошла официантка и заговорила. Диско на секунду приткнулось, так что Коул расслышал: «Те вон люди, за пятым столиком, хотят поднести вам стаканчик, сэр». Город кивнул и двинулся за ней сквозь чащобу курток, плащёвок и леггинсов в тюремную полоску в направлении пятого столика, где сидела компания пижонов с постными лицами, изнывая в надежде, что будет над кем посмеяться. Одеты они были в полупрозрачные костюмы из ахового пластика, с трассирующей прострочкой сине-розового неона.

От четверки сидящих Город отделяло метров пятнадцать; на глазах у Коула он ненадолго исчез в толпе. Скрылись в ее гуще шляпа и потрепанное полупальто. Наружу он проявился секунд через десять, но уже в блескучей кольчужной жилетке, прозрачном костюме плетеного пластика, атласных желтых леггинсах, без шляпы и в шипастых кожаных ботасах «а-ля ниггер»; из прежнего облачения остались только зеркальные очки в черной металлической оправе.

Кэтц была права. Город разгуливал среди людей.

Кэтц стояла чуть сзади, слушая, как он что-то вещает этому застольному квартету. Мимика Города не различалась, но, судя по завороженным лицам, обращался он к ним. Кэтц над чем-то смеялась. Коул направился к столику; однако чем ближе он подходил, тем громче почему-то бубнила дискомузыка – даром что он удалялся от динамиков…

Обыкновенно, работая за стойкой, грохота извергающихся на танцплощадку шестифутовых колонок он не слышал; приноровился их как-то от себя блокировать. Любой слушающий полуторачасовую кольцовку из дископесен (причем одну и ту же) мало-мальски внимательно неизбежно впадет в буйство или отупение. Бьющий в темя беспрестанный машинный ритм, бездушная встряска эмоций, гипнотическая неумолимость тысяч вариаций свербящих спецэффектов – поистине закольцованная форма паранойи.

Но на тот момент Коул именно вслушивался. Музыка как-то

придвигала его к Городу.

Чем ближе становился столик номер пять (пижоны уже повскакали с мест и что-то орали), тем громче музыка пульсировала в ушах под заклинания вокалиста: *«ПУСТЬ-ВСЕ-КРУЖИТ-И-КРУЖИТ-ЦЕЛЫЙ-ДЕНЬ / СЛУШАЙ-КАК-БРИТВА-ШУРШИТ-О-РЕМЕНЬ / ПУСТЬ-ВСЕ-КРУ-ЖИТ-И-КРУЖИТ-ЦЕЛЫЙ-ДЕНЬ / ЗВУК-ОН-КАК-БРИТ-ВА-ШИПИТ-О-РЕМЕНЬ / ПУСТЬ-ВСЕ-КРУЖИТ…»*

Это были единственные слова во всей композиции (сочиненной компьютером, как и сама музыка), которые идут и идут по кругу вплоть до постепенного затухания песни.

Вот уже и столик. Город к этому моменту закончил свой монолог. Теперь он молча смотрел, как один из загруженных им пижонов, выудив из-за голенища миниатюрный стилет, неспешным движением пристроил его своему расфуфыренному товарищу в мерцающее люрексом подреберье. От такого внезапного подарка тот, громко вякнув, обмяк и завалился на спину, упав еще на одного члена компании, который в данный момент пытался овладеть спутницей «метателя ножиков». Женщина, извиваясь, исступленно колотила насильника по голове и плечам пластиковой бутылкой. Толпа (включая Кэтц) заинтересованно наблюдала за происходящим. Вышибала Рич с устало-раздраженным видом выволок тела наружу под общее улюлюканье.

Город обернулся к Коулу. Модных прибамбасов на нем больше не было – черный костюм, белая сорочка и синий галстук в полоску, в точности как у Коула. Город направился к дверям, Коул – за ним, не раздумывая ни минуты. Кэтц махнула своим музыкантам – дескать, всё, теперь гоняйте инструменталы – и поспешила вслед за Коулом.

В тот момент, когда Город ступил на тротуар, дружно врезались друг в друга пять машин – как будто сам транспортный поток покорно застыл перед ним в коленопреклонении из покореженного металла. У Коула мимо головы пролетел обломок хромированного бампера и звонко жахнул о кирпичную стену. Ночь была насыщена яростной и безумной наэлектризованностью городских улиц. Удостоив аварию мимолетного взгляда, Город величаво кивнул и повернул восвояси. Перешагнув через перемазанных кровью пижонов, которые все еще шумно возились на тротуаре, Кэтц и Коул тронулись за Городом буквально по пятам, только чуть левее, вполглаза за ним послеживая.

Позади, намертво вмявшись друг в друга сплющенными носами, в тесном соитии застыли дизельный внедорожник, психоделически-желтый «стомпер», раритетный «Форд-фалкон»

золотистого цвета, роскошный красавец белый «линкольн» и божья коровка «фольксваген» – своеобразная пентаграмма из гнутого металла, разодранной резины, вдребезги разбитого стекла, пламенеющего бензина и истекающей багровой плоти.

А вслед за Городом, словно сочась у него откуда-то из-за пазухи, по-прежнему бубнило диско – та самая кольцовка. Бездумно и беспрестанно, словно некая аудио-схема городских кварталов.

Сотканный компьютером машинный долбеж гулко отражался от кирпичных стен, дребезжал в витринах магазинов. Коул тяжело вздохнул. А Кэтц так наоборот – чего-то там подсвистывала, бойко подскакивала и время от времени лихо футболила попадающиеся навстречу мятые жестянки.

– Слушай, – тихонько спросил он у Кэтц, которая что-то себе нахмыкивала, шмыгая туда-сюда молнией на своей кожаной куртке, – а что он такое этим балаганщикам сказал, что они накинулись друг на друга?

Она хихикнула.

– Он рассказал этому, с ножом, как его лучший друг – ну, тот, которого он потом пырнул, – трахается с его женой. И тот, с ножом, пырнул лучшего своего друга, потому что друг этот был его любовником и, как я поняла, должен был трахаться только с ним и ни с кем другим; а тут получается, что он трахает его жену – это же прямая измена!

– Уяснил. Ну, а насильник?

– Насильник? Это был брат того, которого пырнули. Всю свою жизнь он желал свою сестру. И тут Город возьми и открой ему правду – что сестра путается с его старшим братом, а он сам вызывает у нее рвотный рефлекс; тем не менее, она всю дорогу пудрила ему мозги и кайфовала от того, что вот он ее хочет, а она его к себе на дух не подпускает.

– И они все это восприняли за чистую монету. И ни в едином его слове не усомнились.

– Да, ни в едином. С ним не поспоришь – он как боеголовка в полете. А что, ты бы усомнился?

– Нет. Вот он я, разве не видно? Слушай, а куда мы идем? И почему он нынче ночью здесь? Почему он вообще среди нас? И каким образом?

– Он желает познать себя изнутри, с изнанки. Стремление вполне естественное. Как бы пробует себя на ощупь – проверяет рефлексы, разведывает, прикидывает на вкус; в общем, доказывает, что существует. Каким образом? Коллективное бессознательное завладело человеком и преобразило его. Он его *воплощает* – подводит кризисы к их логическому концу, обнуляет

жизненные коллизии за счет того, что «чему быть, того не миновать».

– Кэтц, своими загадками ты меня изводишь. Тебе просто нравится, когда у меня мозги набекрень.

– "Я встрече рад, знакомы мы.
Неужто не узнали?
Да, в том и суть моя, чтоб вы
хлопали глазами" [3]

Субботняя ночь была в самом разгаре. Пешеходы целеустремленно торопились по своим делам, ничего, кроме этой мысленной цели, перед собой не видя – ни дать ни взять ослики, трусящие за маячащей впереди морковкой. Поэтому никто и не замечал, что у грохочущего своими дискодецибеллами Города нет при себе ни магнитофона, ни даже плейера.

В отдалении жесткие контуры улицы плавно переходили в мишурную панораму преломляющихся огней неоновых вывесок, реклам, светофоров, глянцевито поблескивающего металла; подрагивающее зарево света просеивалось сквозь призрачную завесу смога с примесью угарного газа и пара из канализационных люков.

Теплый бриз смешивал запахи барбекю и мусорных баков. Коул почувствовал, что нездоров.

И еще – что нервы на взводе. Город перед глазами казался неестественно, до выпуклости ярким; все эти звуки – свист мальчишек, немолчное гудение транспорта, визг тормозов – были нестерпимо громкими.

Головная боль и тошнота навалились сообща, вызывая общий упадок сил. Но более всего хотелось загасить эту чудовищную дискомузыку… Однако при этом Коулу и в голову не приходило просто прекратить следовать за Городом.

Они поравнялись с Чайна-тауном – половина вывесок превратилась теперь в ребусы, неоновые загадки. Склон становился круче, и боль все ощутимее пульсировала в висках. На перевале ненадолго остановились, чтобы полюбоваться раскинувшимся горизонтом. В зеркальных очках Города отразилась зыбкая диаграмма бесчисленных огоньков; его чуть приоткрывшиеся губы неслышно выдохнули какое-то слово.

Слева донеслось эхо звонкого мальчишеского смеха. Город повернул туда, в темную боковую улочку, где у задних дверей китайских лавок грудами лежал мусор и воняло рыбой и гнилыми овощами.

С десяток кварталов прошли молча и быстро, пока Чайна-таун не остался позади, а дорога круто не пошла под уклон

(приходилось даже притормаживать) через фешенебельный жилой квартал высоких, несколько надменных особняков в викторианском стиле, стоящих друг к другу впритирку.

Город внезапно остановился и повернулся к веренице домов слева. Оголтелое диско понизилось до шепота.

И тут двери сразу трех домов, стоящих рядом, с шумом распахнулись. Из них опрометью выскочили пятеро – две супружеские пары из ближних и одна старуха из того, что подальше. Метнувшись вниз по деревянным ступеням, они на ходу образовали полукруг и с раскрасневшимися лицами сбежались туда, где под уличным фонарем стоял Город, а также Коул с Кэтц. Коул уставился на Город, по-прежнему не веря глазам: на том были теперь чопорная серая тройка и дорогие, до блеска начищенные туфли.

Обеим парам было под шестьдесят; судя по всему, люди довольно состоятельные. У первых были продолговатые нордические лица, темные волосы с проседью (мужчина даже успел прихватить стильный узкий галстук, который сейчас с демонстративной невозмутимостью завязывал). Вторая пара была как была – в пижаме и халате: лысый приземистый мужчина шумно дышал, отчего щеточка его усов забавно топорщилась, тапочки нервозно шлепали по тротуару; его жена, не успевшая снять сеточку со своих пегих волос, цепко смотрела на Город сквозь толстые стекла очков. Пятой была старуха в тапочках и белом халате, из-под которого торчала синяя комбинация; на голове – сеточка, украшенная капроновыми розочками. В правой руке она сжимала фонарик, в левой – небольшой никелированный пистолет. Темные круги и морщины вокруг глаз придавали ее взгляду горечь. Первой заговорила, собственно, она:

– Какая еще тревога? – Она обернулась и оглядела свой дом с таким видом, будто ожидала увидеть его в объятиях пламени. – Мне показалось… – Она выглядела растерянной.

– Что значит «показалось»? – с дрожью в голосе перебила женщина в халате. – Мы слышали, кто-то крикнул: «Тревога! Бегите все на улицу!» – да так, черт побери, громко, я думала, барабанные перепонки лопнут. Господи, я уж подумала, что служба антитеррора…

– Да-да, мы тоже слышали, – подтвердил пожилой мужчина с чуть заметным немецким акцентом. – Официальный такой голос: «Внимание! Всем на улицу!»

Повернувшись, они как один впились взглядами в Город, ожидая разъяснений.

– Вы хотите сегодня увидеть ваших детей?

Коул впервые услышал, чтобы Город говорил. Голос был

холодный, но зычный. Лицо снова изменилось: тот же массивный подбородок, только нос теперь с ярко выраженной горбинкой, а уголки губ брюзгливо опущены – эдакий обремененный собственным авторитетом чинуша. Очки те же, зеркальные. С деловым, официозным видом он полез во внутренний карман и извлек оттуда черную книжицу удостоверения, которую предъявил в развернутом виде: «ДПСФ (Департамент полиции Сан-Франциско). Отдел по борьбе за нравственность».

– Наших… детей? – переспросила старуха с плохо скрытой надеждой в голосе.

– Да. Если последуете сейчас. Оружие и фонарик оставьте в почтовом ящике, и пойдемте.

– Прямо *сейчас,* среди ночи? – осведомилась матрона в черном пеньюаре недовольным тоном.

Город кивнул. И указал на улицу позади себя.

Коул повернулся и оторопело увидел два такси с ярко зажженными фарами и открытыми наготове дверями – даже не слышно было, как подъехали. Лица обоих шоферов скрывала тень.

Спорить было не о чем. Все расселись по такси. Старуха – в ту же машину, что и Коул, на переднее сиденье. Обе пары сели в заднюю машину. Дискомузыка Города, зажатого между Коулом и Кэтц сзади, звучала тихо и отдаленно. Старуха, похоже, не слышала ее вообще.

Кэтц пристроилась справа от Города. Тот прижал Коула к двери. Рука Коула, невольно притиснутая к боку Города, лежала словно на глыбе холодного гранита. Чугунной балкой ощущался его локоть, что вжался Коулу в бедро. Город сидел отрешенно, пристально глядя вперед. Впервые его очки были видны так близко.

Дужки, как оказалось, вовсе не доходили до его ушей – отходя от оправы буквально на сантиметр, они вживлялись прямо в кожу на висках, срастаясь с костью. Темные зеркальные линзы полностью вплавились в кожу вокруг глазниц, лишая возможности заглянуть под очки хотя бы сбоку. Создавалось впечатление, что глаз под ними нет вовсе. Не было и перемычки между линзами – она была будто пересажена под кожу, непосредственно в хрящ переносицы. Зеркальные очки были частью его черепа.

Куда ехать, шоферу никто не сказал. И сам он за все время не произнес ни слова. Как будто знал, куда именно нужно следовать. Коул с трудом различал силуэт его головы. Не был включен и счетчик: на нем значился «ноль».

Мимо ровной чередой проносились скудные островки света

от уличных фонарей. Машина – бразильский «сабо», работающий на спирту из сахарного тростника, – неслась по асфальту с едва различимым урчанием. Старуха на переднем сиденье сдавленно плакала; Коул слышал, как она бормочет: «Мари…»

Такси встали друг за другом у тротуара, и все выбрались наружу.

Это была Гайд-стрит (всего в нескольких кварталах от клуба «Анестезия») в районе Тендерлойн, прибежище проституток.

Не дожидаясь оплаты, автомобили укатили. Мужчина с усиками, запахнувшись в халат, проводил их удивленным взглядом. Его замешательство переросло в страх, когда он понял, что полицейский в зеркальных очках бесследно исчез, оставив его среди ночи стоять на углу улицы, в пижаме, да еще в обществе проституток, подозрительных подростков и этого вот субъекта с девицей.

Коул похлопал его по плечу, стараясь придать своему лицу обнадеживающее выражение. Надо бы что-нибудь объяснить… Впрочем, что объяснять-то? Что тот вон афроамериканец в зеркальных очках и бейсболке задом наперед, назидательно беседующий с чернокожим юнцом, и есть тот самый «полицейский», который их сюда привез? И что он вовсе не полицейский, а человек, который на самом деле не человек, а просто Кэтц посчитала, что он – Город? Бред.

Вместо этого Коул с оживленным видом осведомился:

– Ваше имя, сэр?

– Честер Джонс. И учтите заранее: я член коллегии адвокатов, и если тут что-то…

– Ради бога, что мы все здесь делаем? – перебил его мужчина в темном костюме.

Мельком взглянув, Коул увидел, что Город вместе с юнцом подался в подъезд обшарпанной многоэтажки. Оставалось рассчитывать только на собственные силы.

– Я, мгм… Дюбуа, агент полиции, – понес он отсебятину. – Внештатный. И мы здесь затем, чтобы… – Его охватила нерешительность. Действительно, *зачем?* – Мы здесь затем, чтобы восстановить ваши отношения с детьми! – осталось отчеканить ему.

– Мой Рой! Вы его видели? – подала голос супруга адвоката. – Рой Джонс. Такой… Рослый такой, светленький мальчик…

– «Мой Рой, мой Рой!» – глумливо хихикая, заверещали стоявшие поблизости шлюхи. Негритянка в белом с блестками парике в порыве солидарности шлепнула по ладони белую размалеванную деваху в темном парике; обе почти одновременно сымитировали сложенные в молитвенной позе ладони миссис

Джонс: – «Рё-ё-й-й! Ма-альчик мё-ё-й-й!»

Не обращая на них внимания, к Коулу обратилась вторая женщина, в черном пеньюаре:

– Люсиль Шмидт! Вы не видели ее? – Глаза женщины умоляли.

– За ней, э-э… обязательно присмотрят, мэм, – ответил Коул, не зная, что еще сказать. Он отвел в сторонку Кэтц.

– Слушай, ты хоть как-нибудь просканируй для меня эту лажу. У тебя есть хоть какие-то догадки, что он думает с ними делать? Если, скажем, их дети сблядовались, тогда что хорошего…

– Он собирается примирить их с родителями. При любом исходе. Или они вернутся к своим родителям и они во всем меж собой разберутся, или же закончат свои семейные отношения по-другому – просто их порвут. Для него непринципиально, потому что в любом случае вопрос будет закрыт. Он просто вносит коррективы – не вставая ни на чью сторону. Шлюхи – это часть города; против них конкретно он ничего не имеет.

– Ага, но ты сама представляешь, чтобы проститутка – даже начинающая – могла бы вот так взять и вернуться в лоно семьи, за одну-то ночь? Тем более на глазах у всех остальных! Когда я сам промышлял по вызову, у нас…

– Блин, а помнишь, как ты чалился тогда у тех паскуд на Пятьдесят третьей, в Нью-Йорке? Разве ты тогда не чувствовал себя таким обосранным, в такой грязи, что, появись в ту минуту твои родители – ну, когда ты готов был волком взвыть, – ты бы к ним вернулся? Что, разве не так?

– Да, безусловно… Бывало, и не раз. И если бы тогда мой старик подгадал… Я понял, о чем ты. И видимо, Город знает, какой момент самый подходящий.

Кэтц кивком указала на крыльцо многоэтажки; там по ступеням спускался Город, сопровождая идущую впереди девочку-подростка.

– Мам? Ты-то какого фига здесь? – приблизившись, растерянно спросила девчушка – небольшого роста пухленькая блондинка в штанах и блузке в обтяжку. С косичками, почти без косметики; эдакая девчонка-второкурсница, лакомое блюдо для клиентов.

Отца она полоснула взглядом. Мать кинулась навстречу и обняла свою Люсиль, которая в объятиях расслабилась и, виновато зыркнув в сторону стоящих неподалеку шлюх, томно закатила глаза: мол, надо же, и здесь достали!… Однако минуту спустя она уже сама не отпускала мать от себя. Она плакала и сквозь слезы с ненавистью шептала хохочущим девицам: «Чтоб вы

сгинули, твари!» Отец застыл рядом в неловкой позе – не зная, как бы это взглянуть на дочь построже, – когда Город (на этот раз снова в обличии полицейского в штатском) обратился к мистеру Шмидту:

– Не становитесь в позу уязвленной добродетели. В июне 2002-го вы заплатили пять тысяч долларов молодому человеку в синем «шевроле». Вы помните, за что вы отдали эти деньги?

Шмидт посмотрел Городу в лицо. Перед неумолимым лицом всего города Сан-Франциско, воплощенного в едином человеке, отрицания были бессмысленны.

Лицо Шмидта – до этого момента непроницаемый барельеф назидательности, монумент негодования против поступков дочери – начало исходить слезами. Он судорожно обхватил руками свою жену и дочь.

Мистер и миссис Джонс молча стояли под фонарем, взявшись за руки.

– Не скажете же вы, что наш мальчик тоже здесь… – начал было мистер Джонс.

– Не совсем здесь. Он в том баре, – указал Город в сторону клуба «Задний проход», что на полквартала севернее. – Кочует по ночным заведениям, торгуя собой за наркоту. Он сейчас как раз там. Идите, найдите его… – Вытянув руку, Город чуть тронул Джонса за плечо. Тот сильно вздрогнул и притянул к себе жену.

– Мне как-то странно, – проговорил он, потирая задетое место. – Как будто в меня что-то *вошло*…

– Рой не будет противиться: с вами моя *воля*. Просто обнимите его, и он к вам пойдет. Он созрел для того, чтобы сдаться. Прикоснитесь к нему и ничего не говорите, и не вздумайте его осуждать.

– Я не могу отправиться туда, как какая-то уличная шпана, – запротестовал Джонс. – Особенно в таком виде. Я адвокат, причем крупного предприятия, а это ответственность перед имиджем фирмы, и… Если там шатается всякий сброд, то я не собираюсь смешиваться со всеми этими, которые ходят по улицам…

– Мы все ходим по улицам, – заметил Город. – Или лично вы по ним летаете? Ступайте же.

Мистер и миссис Джонс медленно двинулись вниз по тротуару и, придерживая вокруг себя полы своих ночных одеяний, скрылись за дверями клуба «Задний проход».

Был уже второй час ночи. Транспортный поток поредел, улица почти опустела; голоса начинали уже звучать с небольшим эхом. И вдруг…

– Мари! – закричала сидевшая до этой поры на ступенях старуха. Резко вскочив, она вдруг рванулась прямо сквозь

гогочущую стайку оторопевших от неожиданности путан. Где-то в квартале отсюда на секунду остановился и обернулся хрупкий силуэт.

– Мари! – кричала на бегу старуха, боясь упустить силуэт из виду.

Мари с шага перешла на бег в противоположном направлении.

– Иди н-на 'уй отсюда, оставь меня! – донеслось сквозь несмолкаемый гул города.

Их с матерью разделяло с полквартала, и Мари постепенно увеличивала разрыв. Город медленно, почти незаметно кивнул. Земля чуть дрогнула, и Мари споткнулась. Она упала плашмя и лежала без движения с полминуты – достаточно, чтобы мать ее догнала.

С лестницы прыжками соскочил тот чернокожий юнец и, подлетев, уткнул Городу в грудь свой палец.

– Ты, бля, козел, ты вообще *кто такой?* А?! Где тут братан тот был? Ну, перец этот, в белом кепаре?

Не дождавшись от Города ответа, он нацепил собственные темные очки; теперь зеркальца смотрелись в зеркальца, многократно множа пляшущие в них отражения.

– Ты, бля, скажешь или нет?! Нехер тут мне легавым прикидываться! У нас тут *всё* с ними схвачено! Я, бля, тебе говорю или кому?! Ты у меня козу увел, а мне от нее чистым наваром две сотки, каждых… – Он осекся. Не веря глазам, уставился. Поперхнулся слюной.

Выставив руку с растопыренными пальцами, Город щедро усеивал асфальт старомодными банкнотами. Материализуясь в воздухе меж его пальцев, стодолларовые бумажки сыпались дождем, устилая собой тротуар и бордюры, – хрусткие, зелененькие. Инстинкт взял свое – никто слова не спросил о природе этого загадочного явления.

И юный сутенер, и путаны – все как один, упав на четвереньки, бросились собирать неожиданно взявшуюся наличность. Кэтц, хохоча, присоединилась к ним. Подобрав купюру, Коул взыскательно ее изучил: настоящая. И сунул ее себе в карман. На тротуаре покоилось уже никак не меньше десяти тысяч долларов, когда Город наконец опустил руку и прекратил свой благодатный дождь. МТФ свел оборот бумажных денег фактически на нет, но их еще можно было положить на карточку в головном офисе «Интерфонда». Одна из путан – мексиканка с люминесцентной помадой, во вздыбленном светлом парике – решила прильнуть к источнику нежданного изобилия. Обвив Город руками, одной пятерней она вкрадчиво скользнула ему

между ног. Было видно, как она пытается что-то нащупать. Город не двигался. Девица легонько стиснула ему промежность. На ее лице отразился ужас; она испуганно отпрянула.

– Он э-это… – заикаясь выговорила она. – У него там… – прикрыв руками рот, она опрометью унеслась в подъезд многоэтажки.

Мистер и миссис Джонс возвращались; между ними шел худой, осунувшийся молодой человек.

Все трое плакали. По трем разным причинам. Мистер Джонс плакал оттого, что работает «домашним» юристом у находящейся под мафией мясоперерабатывающей компании, созданной на отмытые деньги, а его сын промышляет проституцией. И вот теперь, как ни старался, мистер Джонс никак не мог взять в толк, есть ли между этими занятиями существенная разница. Жена его плакала по сыну, а сын – по наркотикам.

На другом конце улицы Мари схватилась со своей матерью. Они катались по тротуару, лягаясь и взбрыкивая, обе в слезах. Коул неосознанно направился в их сторону. Ненавистное диско сопровождало его глумливой электронной пародией на панихиду, становясь все громче и громче по мере приближения к женщинам. Когда он почти уже подошел, музыка в ушах буквально грохотала, а одна из затемненных фигур на тротуаре лежала не шевелясь. Вторая из них – дочь – вознесла над головой руку и с безжалостной силой опустила ее на обмякшее тело матери. «Мари…» – только и успел пробормотать Коул.

Сзади на расстоянии послышались испуганные выкрики.

Дискоритмы внезапно оборвались.

Коул повернулся и побежал обратно, в сторону Города и Кэтц.

Там сейчас, образовав полукольцо, стояли три желтых седана, преграждая ступени в подъезд, возле которых юный сутенер, девицы и Кэтц все еще набивали карманы купюрами. Город стоял, крепко расставив ноги, и не отворачиваясь смотрел в слепящие фары машин.

Мимо проехало такси, такое же призрачное, как и то, что их сюда доставило, унося с собой Джонсов, Шмидтов и их детей. Повернув налево, оно скрылось за углом.

В то время как Коул пересекал разделяющую их проезжую часть, Кэтц как раз выпрямлялась, щурясь в безжалостном свете фар.

Из ближайшего желтого седана вылезал мужчина с поблескивающим в руке оружием.

– Кэтц, лежать! – крикнул Коул на бегу. – *Активисты,* дура!

Шестеро в розовых нейлоновых масках, придающих их приплюснутым лицам сходство с химерами, бойко измолотили

ногами девиц и их сутенера у стены. Юнец пытался как-то себя выгородить, размахивая перед ними пригоршнями наличности; один из «кротов» саданул ему под дых. Другой, когда он согнулся, припечатал ему по затылку рукояткой пистолета. Сутенер уткнулся носом в асфальт.

– Ты, козел, думаешь, напугал, что ли?! – выкрикнула одна из задержанных.

Оранжево сверкнув, гулко грохнул выстрел; девица как подкошенная рухнула на перебитое правое колено. Над ней, ругаясь и плача, склонились ее подруги.

Находясь метрах в двадцати, Коул перешел на шаг, стараясь держаться в затенении. Активисты его пока не замечали, так как сами производили слишком много шума – лезли лапаться к визжащим женщинам, хохотали. Еще четверо скрылись в многоэтажке – выкурить из нее остальных «шалав». Собирались накрыть их всех разом. На улицу зарулил было полицейский автомобиль, но, завидев знакомые желтые седаны без номеров, деликатно вывернул обратно; патрульный мог потом доложить, что у него был срочный вызов и он ничего не видел.

Двое человек в горгульих масках орали что-то Городу; один из них нервно его пихнул. По крайней мере, попытался; теперь он нянчил свою поврежденную руку, пока его товарищ замахивался на Город пистолетом, метя рукояткой в лицо. Тот стоял как вкопанный. На нем снова были потертое пальто и мятая шляпа. И зеркальные очки.

Наконец тот, что пониже ростом, пальнул Городу прямо в солнечное сплетение. Трижды. Город чуть заметно качнуло, но, пожалуй, только и всего. Руки его были плотно прижаты к бокам. Вот он открыл рот…

Из отверстого рта грянула совершенно оглушительная сирена.

Коул хлопком закрыл себе уши. Окна поблизости ощутимо дребезжали; облачком взметнулась согнанная с них пыль. Это была сирена воздушной тревоги, что исторгалась изо рта Города с громкостью раз в пятьдесят сильнее обычной. Теперь полицейским уже никак нельзя было сказать, что они ничего не слышали. Заявить, что сирены такой мощности не было, – это, знаете, уже слишком.

Активисты, заткнув уши руками, метнулись по своим машинам.

Седан, стоявший вблизи от Города, подался назад вплоть до противоположной стены и, дав несколько холостых оборотов колесами, рванулся вперед. Машина на полном ходу врезалась в Город. Надсадно взвыл мотор; машина с помятым капотом

отскочила назад. Город по-прежнему стоял – только на этот раз потряс головой, словно приходя в чувство. Из-под штанин на ботинки хлынула кровь. Кровь брызнула и из уголка его открытого рта. Воющая сирена чуть заметно булькнула, но на убыль не пошла. Путаны, воспользовавшись отвлекающим моментом, кинулись бежать – мимо Коула, вдоль улицы и за угол. Морщась от пронзительной сирены, вдоль стены дома к Коулу приблизилась Кэтц. Не спуская глаз с машин, он утянул ее в темную подворотню.

Автомобиль снова попятился; мотор, несколько раз чихнув, заглох. Но слева от Коула уже начинал сдавать назад другой автомобиль. Коул тщетно пытался найти, чем можно бросить, как-то помешав экзекуции. Между тем седан уже набрал разгон примерно с полквартала и с лету врезался в Город. На этот раз Город опрокинулся, и машина, перелетев через него, шарахнулась о бетонную лестницу при кирпичной стене здания… Седан ударился плашмя, протаранив своей боковиной кирпичную кладку; дождь цементной пыли посыпался под сердитое сипение пара. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь потикиванием мотора.

Секунд пять было тихо – пока в отдалении не завыла, постепенно приближаясь, полицейская сирена.

Заглохшему седану удалось запустить мотор. Он проворно метнулся следом за единственной целой машиной, находящейся за полквартала от места событий.

Коул поглядел на Город. Тот лежал на обочине метрах в десяти, представляя собой бесформенную груду тряпья и плоти. Обезображенный труп не имел даже сходства с человеком. Коул непроизвольно поднял глаза на панораму Сан-Франциско, ожидая, что сейчас, чего доброго, все возьмет и начнет просаживаться, распадаться… Город стоял по-прежнему незыблемо; горевать было глупо.

Взгляд упал на поблескивающую в свете фонарей багровую лужу крови, поспешно протягивающую свои щупальца к бордюру.

Два седана как раз норовили скрыться за углом.

И тут, при виде струйки крови, деловито текущей в сторону проезжей части, Коул понял, что активистам не уйти ни за что.

Поняла это и Кэтц и теперь издевательски хохотала.

Уличные столбы вдоль пути следования седанов не просто согнулись, как какая-нибудь резина; они буквально переломились, как щепки, вдребезги рассадив об асфальт стекла своих фонарей. Они замкнули улицу по обе стороны от седанов. Шестеро из восьмерых активистов повыскакивали из машин и в панике бросились врассыпную, ругаясь и на бегу срывая с себя

маски. Двое из них, что сейчас бок о бок бежали к югу, оказались в единый миг остановлены невесть как продравшимися сквозь асфальт металлическими когтями – Коул вначале подумал, что это и впрямь какие-то чудовищные раскоряченные пальцы из черного металла. При более пристальном рассмотрении это оказались четыре толстые канализационные трубы, которые буквально прихлопнули двоих бегущих на манер гигантской мышеловки – всмятку. Как выяснилось, остальные четверо тоже не уцелели. Жирные голубые искры все еще сыпались от высоковольтных проводов, опутавших агонизирующие тела.

Асфальт вздыбился под единственным покуда уцелевшим седаном: сквозь дорожное покрытие продрались еще две трубы, подняв облако из кусков битума и голубоватой пыли. Вместе они с силой вдавились в машину снизу, отчего двигатель с противным скрежетом наполовину вылез из покореженного капота. Полетели гнутые металлические обломки, вслед за паром и дымом изуродованного передка. Машина, слегка покачиваясь, оказалась нанизана на колья из труб, а передние колеса беспомощно крутились в воздухе; наконец взорвался бензобак, и машину поглотили языки дымного пламени.

Одного из мужчин разнесло взрывом; другой по инерции вылетел через лобовое стекло и в неестественной позе обнимал теперь мешанину из деталей там, где раньше был капот. Из спины у него торчали гнутые стальные шипы.

Маслянистый черный дым гудел и колыхался, придавая лицам уставившихся из окон зевак нечто демоническое, зловещее.

К приближающемуся вою сирен прибавилось гудение пожарных машин. Коул вслед за Кэтц зашелся смехом.

Мимо стрижами носилась ребятня, с восхищенным ужасом разглядывая сцену аварии. Коул замолк, думая подаваться домой.

– Ну что, мне на ночь у тебя тормознуться? – спросила Кэтц. Они шагали без особой спешки, окруженные льющейся из баров и высотных домов людской толчеей.

– Ё-кэ-лэ-мэ-нэ, *это* еще что за херня? – задал вопрос встречный байкер с наружностью ацтека.

Коул пожал плечами.

– Да, Кэтц, само собой. Как-нибудь разместимся, тахту раздвинем – вот тебе и кровать.

– Тут один чувак всмятку! – восторженно крикнул кто-то сзади.

Коул поглядел через плечо; зеркальные очки Города как ни в чем не бывало мерцали с обочины, глядя им вслед.

– Класс, – одобрила идею Кэтц. – Телик посмотрим, еще что-нибудь.

Коул взял курс через толпу, не отрывая взгляда от тротуара; поравнявшись, переступил через тело матери Мари и пошел дальше, не оглядываясь.

– Не вопрос. У меня «Интерстарт» есть; там что-нибудь еще идет. Хоть всю ночь напролет пялься.

Что они и сделали. Посмотрели сериал с уже поднадоевшим героем. А после этого в молчании сидели у окна и смотрели на огни города, пока те с рассветом не начали идти на убыль, и городской пейзаж плавно переплавлялся из ночи в день…

ДВА-А!

Коул, не веря глазам, таращился на бланк. Он стоял перед окном своей квартиры (вокруг – сырое, промозглое, ветреное утро; а еще май месяц), все перечитывая и перечитывая распечатку на почтовом бланке. «И ведь надо же, чтобы именно в понедельник», – пробормотал он. Зачем-то потер пальцем буквы повелительного красного шрифта: «ПРОСИМ ПЕРЕЧИСЛИТЬ СУММУ $3000.00 В УЧРЕЖДЕНИЕ ИНТЕРФОНДА НА ИМЯ ДЖ. СЭЛМОНА, БЮРО ЭЛЕКТРОННЫХ РАСЧЕТОВ. ОСНОВАНИЕ ПЛАТЕЖА: СКОПИВШАЯСЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ПО НАЛОГУ НА ПОЛЬЗОВАНИЕ МТФ…»

«Скопившаяся задолженность», – машинально повторил он. Привкус кофе во рту (в животе жгло; не надо было пить кофе на пустой желудок) сделался неприятно-кислым. «Вкус коррупции», – подумал он, сплюнув в стоящий возле подъезда мусорный бак.

Прихватив уведомление, он зашел в квартиру и закрыл за собой дверь. Задумчиво положил карточку на пыльный телевизор. Затем подошел к постбоксу, что присобачился сбоку телевизора, и, нажав на кнопку, просмотрел на экране первую страницу: *«… Президиум подписывает крайний срок МТФ…»* Коул читал быстро, растерянно выискивая даты: *«…организовать до ноября окончательный переход на Систему Электронного Обмена. Губернаторы от Луизианы и Вашингтона пытались протестовать, упрашивая предоставить им больше времени… Сенатор Уайли продолжает констатировать, что времени было отведено достаточно, приводя продолжительный перечень городов, уже использующих у себя Моментальные Трансферы… Резолюция ООН об обращении за субсидированием Офиса Глобальной Сети Электронного Обмена…»*

И тут страничка с новостями, моргнув, отключилась. Сморгнул и Коул, растерянно. Он посмотрел на вилку соединения; все в порядке, подключена. Тут вылезла еще одна картинка, мультяшная – «Трахушки», программа Детской Элементарной Порнографии; небрежный набросок мужского полового органа – без туловища, но на собственных маленьких ножках, который преследует убегающую вагину. Коул нажал «выкл.»; неистовые гениталии исчезли из виду. «Да что же это?» Опять нажал кнопку запуска, пробуя перезапустить постбокс. «Что же за фигня у меня с новостями?» – озадаченно пробормотал он. Новостей никаких. Правда, появились электронные буквы: «ОБСЛУЖИВАНИЕ АППАРАТА ПРЕКРАЩЕНО ИЗ-ЗА НЕУПЛАТЫ НАЛОГА НА ПОЛЬЗОВАНИЕ МТФ. БЭМ».

«Вот сучары!» – гаркнул он, хлопнув ладонью по прибору, пока на экран опять не вылезли «Трахушки».

Коул подошел к телефону; пальцы автоматически нажали нужные кнопки. Он нетерпеливо смотрел на экранчик, ожидая, когда там появится его юрист.

– Офис Артура Топпа. Слушаю вас, – послышался молодой мужской голос; секретарь Арта. И любовник.

– Да-да, – начал Коул, со все растущим подозрением глядя на пустой экран. – Мне нужно с ним поговорить. Это Стью Коул.

– Вы предпочитаете разговаривать без изображения, сэр? – с плохо скрываемым раздражением переспросил юноша. Звонить, не предъявляя свою внешность, считалось действительно невежливым, хотя в принципе и допускалось.

– М-м, да нет, просто… тут у меня изображение не работает. Какая-то, видно, неполадка.

– Понятно.

Пауза; короткий зуммер. Голос Топпа (без изображения):

– Стью? А картинка твоя где? Или в понедельник утром предпочитаешь не светиться?

– Да экран не работает; БЭМ мне его отключил. И постбокс тоже. Припугивают, оплату пытаются из меня выжать. Скоро, чего доброго, возьмут и звук отключат.

– Что, неужели БЭМ так на тебя наседает?

– А ты считаешь, между МТФ и телефонной компанией нет корпоративных связей? Видно, все-таки есть…

– Ладно. Значит, ты им денег должен?

– В том-то и дело, что нет! Просто они *заявляют,* что я должен. Поэтому-то ты мне и нужен.

– Ты и мне еще не заплатил, – заметил Топп скорее с юморком, чем с упреком.

– Угу. Да я сразу тебе отдам, еще и половину предоплаты сделаю. Только имей в виду, речь идет о налоге на пользование.

– Оп-па, – голос Топпа сразу посерьезнел. – Вон оно что.

– Слушай, ну неужели здесь нельзя ничего сделать…

– Вообще-то можно, если подавать дело в федеральные суды. Но на это уйдет время. Уйма времени. Суды сейчас по уши завалены всеми этими исками по «акту ядерного терроризма» в Орегоне. Ну ты в курсе.

– Как? А на кого иски-то? Ведь того «перца» так и не поймали, поэтому как же они…

– Они судятся с правительством, потому что ФБР якобы позволило ловкачу ускользнуть меж пальцев. Подают иски за халатность. Близкие двухсот тысяч пострадавших – члены семей, родственники, по всей стране. Иски эти судам и принимать-то

глупо, поскольку стоит хотя бы по одному из них выплатить, и создастся прецедент; а они знают, что парень этот – или кто-нибудь еще вроде него – устроит нечто подобное повторно. Еще в каком-нибудь городе – может статься, и в нашем – какому-нибудь недоучке с семью классами придет в башку смастрячить заряд и вымогать за него мзду, а иначе весь город превратится в ядерный грибок…

– Ну да. Хотя они, вероятно, все эти бумаги возьмут и просто ими подотрутся. Но нам-то, ё-мое, надо с какого-то бока подступаться…

– Я о том, – с некоторой поспешностью перебил Топп, – что весь этот хренов город, то есть весь Салем, штат Орегон, оказался просто стерт; там теперь ничего, кроме кратера, и где, блин, гарантия, что этого не может случиться здесь?

– Ты обо всем этом потому говоришь, что не хочешь разговаривать о налоге на пользование. Так что давай-ка сменим тему.

– Как скажешь.

Наступила пауза, нарушаемая только тихим потрескиванием динамика под прямоугольничком экрана. Сам экран располагался над выступом красного телефона с кнопками.

Затем Топп продолжил:

– Знаешь, я пас. Мы же с тобой знаем, что налог этот – полный блеф. Просто эти ребята из БЭМ пытаются слизнуть свой навар…

– Именно. Более того, я против этого не особо и возражаю. Платить за протекцию мне не привыкать. Но они накидывают на меня задним числом все целиком, – я в том смысле, что обычно они оставляют клиентам возможность хоть как-то дышать. Растягивают погашение на годы. На меня же они накидывают пеню за все то время, что я пользуюсь услугами МТФ. И знаешь почему?

– Почему? – переспросил Топп, хотя и знал. Слышно было, как он затягивается сигаретой.

– Потому что я пускаю в свой клуб путан, они у меня и зарабатывают, и вроде как под охраной, а БЭМ хочет их «построить». А они не хотят.

– Опасные вещи излагаешь, – заметил Топп. – По твоим словам, выходит, это какая-то банда… – Топп тонко намекал, что жучки от БЭМ могут прослушивать разговор.

– Да мне все равно, как ты это назовешь, – сказал Коул. – Наезжают они на меня за то – они сами предупреждали, – что я к тому же сочинил петицию, чтобы оставить мелким магазинам право принимать наличность, и знают также, что я…

– Черт побери, Коул!

– Да понимаю я твой намек, Топп, – мол, попридержи язык! Да они и так все знают. Если они сейчас слушают, то ничего нового им все равно не откроется.

– Ладно. Они знают, что это ты написал обращение против перехода на Электронные Трансферы. – В голосе Топпа звучала усталость.

Коул поколебался. До него стало доходить нечто, о чем он раньше не думал.

– Топп. Они что, тебя?…

– Да нет, пока только угрозы.

– Поэтому ты… В общем, меня бортуешь?

– Могу и не бортовать, если хочу вылететь из Ассоциации юристов.

– Только не говори мне, что их действия законны! Они не могут…

– Слушай. У любого местного судьи есть банковский счет, так что БЭМ всегда может найти повод через это на него давить, если он не будет плясать под их дудку. По всему округу, куда ни сунься, уклад один и тот же. А федеральные суды, как я уже сказал, увязли на долгие месяцы. Ты мог бы обратиться в… гм… – Он на какое-то время замолк и наконец нерешительно произнес: – Ну, короче, это…

– Предпочитаешь ограничиться советом? – с горечью в голосе закончил за него Коул.

– Да мне пора… Бизнес-ланч, очень важный.

– Ну еще бы. Смотри, язык за едой не откуси, – процедил Коул, сердито утапливая пальцем кнопку отключения.

Достав с отсутствующим видом сигару из ящичка при телефонном аппарате, он сунул ее в зубы, зажег и, выпустив задумчивый клуб дыма, сунул руки в карманы. Подошел к тахте и сел, задумчиво глядя перед собой.

Низкая красная тахта с косогором из двух потертых подушек занимала весь угол гостиной. Он сидел напротив выключенного переносного телевизора. Комната была исключительно белая, вплоть до вмонтированных в потолок световых панелей. Единственным украшением были сделанные Коулом фотографии: виды города. Город. Коул был фотохудожником-любителем.

«А камеру никому не отдам, – произнес он вслух, глядя на снимки. – "Никон" свой себе оставлю. Лучше клуб сначала продам… Перестань сам с собой трепаться, болван!» – затянувшись, прикрикнул он на себя. И рассмеялся.

По стенам тут и там были разбросаны матовые черно-белые фотоснимки, сгруппированные так, чтобы более-менее отражать

структуру городских кварталов. Большинство из них – панорамные снимки, сделанные с туристского вертолета.

Эдакая застывшая в камне транзисторная схема, вид сверху.

«Да и клуб тоже не продам. На 'уй их, ублюдков этих», – сказал Коул довольно громко. И поскреб лысеющую макушку; нахмурился, ощутив ладонью прыщик; скривил свой сильный широкий рот. Ненадолго погоревал – о том, что стареет, и о «бемоле», и о привычке разговаривать с самим собой. И насчет Перл: может быть, надо нанять детектива, пускай бы ее разыскал, хотя по карману ли он ему, этот самый детектив. Ну и насчет уведомления от БЭМ. «И когда?» – спросил Коул, ни к кому не обращаясь.

Он встал, подошел к телевизору, взял бланк уведомления: «… ОБСЛУЖИВАНИЕ КЛУБА "АНЕСТЕЗИЯ" ИСТЕКЛО 24 АПРЕЛЯ. ПЛАТЕЖНАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ…»

«Двадцать четвертое апреля. Они знают, что я не смогу собрать столько денег, – пробормотал он. – И банковские займы тоже они контролируют». (Перестань разговаривать сам с собой.)

«Ты все время стараешься не думать обо мне, и у тебя это, надо сказать, получается», – послышалось вдруг оттуда, где находиться точно никто не мог.

«Ч-чего? Ё-мое!» – вздрогнул от неожиданности Коул. Спина мгновенно напряглась, руки машинально вскинулись в боксерской стойке. Он резко оглянулся – никого. Пока взгляд не упал на экран.

Телевизор был выключен. Но на экране маячил чей-то силуэт. По нему пробегала мигающая ниточка, отчего изображение рябило. Вот оно, снова. Голова и плечи… Говорящая голова.

– Город…

– Ты предпочитаешь обо мне забыть? – спросило лицо на телеэкране. Изображение было черно-белым.

– О… о том, что случилось. О тебе-то нет, – ответил Коул, уперевшись руками в сведенные вместе колени. Он не отводя глаз смотрел на этот жесткий экранный анфас. Зеркальные очки, грубые очертания. Незавершенный каменный бюст. Холодное лицо того сбитого машиной человека. Призрачное изображение Города.

– Забыть обо мне непросто, стоит только выйти на улицу, – заметил Город. – Разговоры уже идут. Если бы ты прочитал до конца новости, ты бы нашел статью о полицейском «расследовании» гибели людей субботней ночью. Тех, которых убил я.

– Тс-с-с! – инстинктивно шикнул Коул.

– Они не прослушивают, – перебил Город. – Не могут. –

Артикуляция губ следовала за голосом с едва заметным отставанием. – Я – часть всего сущего, – объяснил Город. – За исключением БЭМ. Они сидят во мне, как раковая опухоль. – Жесткие губы строптиво поджались. – Я блокирую им слышимость…

– Слушай, – Коул чуть расслабился; подавшись вперед, ткнул сигару в пепельницу, – а если бы сюда еще кто-нибудь подошел, пока ты со мной разговариваешь? Они бы… это… увидели тебя?

– Конечно. Это не галлюцинация. Только не стоит бежать и кого-нибудь сюда тащить. Я бы скрылся так, что никто б не заметил. Я не хочу разговаривать ни с кем, кроме тебя и Кэтц.

– Хорошо, – кивнул Коул, невольно удивившись механическому отзвуку своего голоса. – Мне привести Кэтц?

– Не нужно. Я выйду на нее позже… А сейчас я должен кое-что тебе показать. – Картина на экране изменилась. Теперь это была черно-белая съемка откуда-то с уровня потолка, из угловой части помещения: в шикарном офисе возле тонированного окна за столом сидели четверо.

– Коул, ты узнаешь человека во главе стола? – Изображение Города исчезло, но голос доносился по-прежнему ясно, со всем радушием телефонного оператора, отсчитывающего в трубку минуты.

Коул посмотрел на указанного человека. Широкий, дородный; очки в толстой роговой оправе, седая шевелюра (может статься, что и накладная) и такие же седые бакенбарды.

– Это Руф Роскоу. Заправила всей этой своры.

– Да, это он. А остальные?

– Вон тот морщинистый субъект с волосами щеткой и хищной, оскалистой улыбкой…

– Сэлмон. Юрисконсульт «Интерфонда».

– Да. Знаком ли ты с остальными?

– Нет.

– Тогда слушай…

Из телединамиков послышались голоса. Говорил Сэлмон:

– … Раек уступил нам свою долю по входной цене из-за возникшего вопроса по налогам! Босвелл сделал прибыль в четыре процента; это обеспечило нам сорок два процента, так что мы поднялись до…

– Речь не об этом, – властно перебил Роскоу. – Что мы имеем сейчас?

Сэлмон осклабился.

– Пятьдесят три процента.

– Красота! – воскликнул Роскоу, хотя явно не от восхищения перед красотой, а с таким видом, будто сейчас только кого-то

прибил и испытал от этого удовольствие.

– Но… – неуверенно продолжал Сэлмон (Роскоу подался вперед), – тут этот типус Топп со своим прокурором федерального округа; они поговаривают о привлечении к уголовной ответственности, о незаконном приобретении акций, а возможно, и замораживании по взимании…

– Ох уж этот мне прокурор, – прервал Роскоу не так чтобы громко, но достаточно, чтобы Сэлмон тут же приткнулся и сделал сторожевую стойку. – Прокурор человек пожилой. Случись у него сердечный приступ, никто и не удивится. Есть у меня на примете один доктор… В общем, надо убрать этого парня со сцены. А может, и Топпа заодно.

– Топпа лучше просто устрашить. Если в связи с этим исчезнет сразу столько…

– Ладно. Стоит ему узнать, что мы контролируем большинство акций МТФ, он сам забьется в свою конуру, только хвост снаружи останется… – Самодовольно ухмыльнувшись, Роскоу с отсутствующим видом вперился в окно.

Изображение потускнело. Вместо него на экране вновь возник Город.

– Где ты это достал? – изумился Коул.

– У Роскоу мания все фиксировать, как у Никсона во времена Уотергейта. Только ошибка Никсона ничему его не научила. Тем не менее он делает эти записи, поскольку ребята из синдиката топят друг друга лишь тогда, когда их собственные крысиные хвосты в безопасности. Как ему кажется, он таким образом держит при себе неопровержимые аудио– и видеосвидетельства своих отношений с этими людьми. Так что, если кто-нибудь замыслит нанести ему удар с тыла, связавшись с ФБР, он их всех утянет за собой. С такой «бомбой» на руках уголовное наказание неизбежно. Верхушка клана в курсе, и это страхует его от их предательства. Он сам расставляет камеры, сам редактирует отснятое. Записи хранит в специально оборудованном хранилище.

– Ну и дурак. Риск, что полиция завладеет ими без его благословения, гораздо серьезнее тех фактов, которые он пытается скрыть. Хранить записи – это же глупо. Стоит федеральным властям получить судебный ордер на обыск хранилища…

– Да, – согласился Город. – К счастью, он этого не сознает. Он фанатик собственных умозаключений и очень упрям. К тому же свято верит в свою неуязвимость.

– Тогда почему ты не покажешь это комиссару полиции, на его телеэкране?

– Он тоже с БЭМ. Кроме того, я и не мог бы с ним связаться. Он бы решил, что сходит с ума. Что до тебя… ты каким-то образом меня словно вызываешь. Я имею возможность доходить до тебя. Но имей в виду, совокупным свидетельством эти записи служить не могут, поскольку наш доступ к ним незаконен. Свидетельство, добытое незаконным способом.

– Понимаю. Потому что появилось вследствие похищения. А на данный момент убедить власти выдать судебный ордер просто нереально… Слушай, а как ты смог показать мне запись, если она хранится за семью печатями?

– Непосредственно эта находилась в его редакторской правке. Как раз сейчас он ее отсматривал: вглядывался в лица подельников, выискивая измену, и тут что-то его отвлекло. Устройство он оставил в хранилище включенным. Я промотал запись назад и поставил снова, передавая ее сюда посредством электронной связи. Ее источник питания…

– Но ведь это обычный телеканал!

– Нет, это часть меня. Телевидение – своеобразная информационная отдушина города. Нейрон в моем мозгу. Средство, которое я использую для трансформации образа из видеоформата в электронные частицы, а их перегоняю по проводам и подаю в твой телевизор; одна из разновидностей телекинеза. Управление электроникой посредством мысли. Ночью я располагаю мощностью фактически каждой из мозговых батарей города. Мозг скапливает электричество. Я могу нажимать на его клавиши, пока он спит… В течение дня я располагаю мощностью лишь тех, кто спит в дневное время, – их число гораздо меньше, поэтому я ограничен. Однако меня подпитывают те, кто смотрит телевизор – это своего рода форма сна… Я – суммарная подсознательная способность каждого мозга в этом городе. Я одновременно и Руф Роскоу; его ненависть к себе.

Он сделал паузу, дожидаясь, пока Коул усвоит сказанное.

Затем Город спросил:

– Как ты думаешь, Коул, почему я выбрал тебя?

– Действительно, почему?

– Потому что… ты сейчас не визжишь в панике. Ты нервничаешь, но ты не дезориентирован. Большинство людей пришло бы в ужас, явись я перед ними вот так – напрямую, толкая им все это. Ты инстинктивно понимаешь Расширенную Городскую Реальность. Тайную геометрию города.

– Гм… Ну, если ты это говоришь…

– Кроме того, Коул, у тебя есть мои портреты – вон они, по всем стенам.

Коул улыбнулся. Город – нет.

– Так, – произнес Коул, избегая глядеть на экран. – Я полагаю, ты хочешь… хочешь, чтобы я что-то для тебя сделал. Это так?

– Их нужно остановить.

– Свору? – Коул кивком указал на квитанцию о неуплате. – Мой клуб – это все, чем я живу.

– Да. Свору…

«Легко сказать…», – подумал Коул.

– Ну что ж, – начал он, – пожалуй, можно кого-нибудь нанять, чтобы они ворвались в хранилище, похитили записи, предали их огласке, а может, и федералам…

Город отрицательно покачал головой.

– Пробраться туда без моей помощи никто не сможет. Это получилось бы у тебя – но тебя бы убили, как только записи оказались бы в твоих руках. Прежде всего, нужно внести в их организацию разлад. Заставить их вцепиться друг другу в глотки; видеозаписи же оставим до той поры, пока они не ослабеют, и предъявим их, когда БЭМ предстанет перед судом. Тогда мы разгласим об этом в прессе, настроим против них присяжных. В конечном счете, я смогу тебя на них вывести. Но есть другие задачи, которые не ждут. Причем выполнить их можешь только ты.

Коул покачал головой.

Город мрачно кивнул.

– Слушай! – Коул отчаянно тряхнул головой. – Я могу посодействовать твоему плану, подобрать людей для… для того, чтобы проделать эту работу. Но чтобы справиться с ней самому, у меня нет соответствующих навыков. Я же не Джеймс Бонд, дружище. И в плохой форме.

– Ты единственный, с кем я могу действовать сообща. Ты и еще та женщина. А может, и она не в счет. Насчет нее посмотрим.

– Я-то, черт побери, чем могу пригодиться?

– При моем содействии – много чем. Ты видел, что произошло с «активистами». Так называемыми.

Коул что-то взвесил. Снова достал из пепельницы сигару, прикурил по-новой, шумно пуская клубы синеватого дыма.

– Они хотят отнять мой клуб, – сказал он, пытаясь накачаться решимостью. – Больше в жизни у меня ничего нет. Ну убьют, ну и что? – Впрочем, рука подрагивала, и пепел осыпался с тлеющего кончика сигары чуть раньше времени. – Десять лет назад, когда я его только купил, думал: ну вот, теперь начнем жить. Думал, все пойдет как по маслу. А тут каждую неделю вынужден буквально зубами грызться, чтобы только…

– Коул, – перебил его Город. – Я могу помочь тебе остановить

их. Могу сделать так, чтобы все складывалось в твою пользу. Но *только ночью.* Запомни это. Днем я могу с тобой общаться… временами.

– Я понимаю.

– Приведи сегодня вечером эту женщину, в семь.

– Кэтц? Но у нее может быть концерт…

– Она придет. С тобой я могу общаться посредством техники; с ней же у меня более тонкая психическая связь. Она *чувствует.* Она будет полезна, во всяком случае, на время.

– Что значит «на время»!

Город проигнорировал вопрос.

– Сегодня вечером клубом пусть распоряжается твой помощник. Вы с Кэтц купите маски и пистолеты. Пойдете в Пирамиду. Поднимитесь на восемнадцатый этаж. Там будут охранники – их надо вырубить.

От страха у Коула перехватило дыхание, и даже головокружение прошло. Сердце сделалось словно свинцовым; мысленно он узрел себя с приколотой к груди мишенью. Прокашлявшись, кое-как выдавил:

– Послушай, я… я не готов кого-то убивать. На данный момент. На данный момент не готов…

– Этого и не придется «на данный момент», – сказал Город; голос у него стал заметно резче. Изображение на телеэкране мигнуло, растаяло… появилось снова, но уже нечеткое. – Коул, я больше не могу поддерживать контакт. Поэтому слушай: сегодня вечером я буду там с вами. Появиться снова в физическом обличье я не смогу, по крайней мере, пока не подберу себе подходящий сосуд – кого-то, готового к овладению…

У Коула по спине пошли мурашки от чего-то холодного и вместе с тем жгучего, будто сухой лед. *Подходящий сосуд…*

Город (голос доносился все тише) продолжал:

– Мне пора… Сегодня ночью я буду с вами. Она почувствует меня, и ты это поймешь. Но я не могу их убить, пока не могу. Они часть синдиката – их место просто займут другие. Мы должны выжить их из города… Сам БЭМ – это…

– Я не знаю, – бормотал Коул. – Не знаю, насколько это желательно; более того, насколько вообще возможно…

Все это время Город говорил ровно. Теперь же его голос полонила свинцовая ярость; прорезался даже какой-то присвист, от которого тянуло невольно зажмуриться.

– Он дергает всех нас за нитки, Коул. МТФ – это недуг, замаскированный под услугу! Приведи сегодня ту женщину.

И тут экран погас.

Коул сидел, таращась в его потускневший квадрат. Все, что

шло на ум, – это настораживающий оттенок в голосе Города. В то время как он клеймил МТФ как часть некоего всеобщего заговора, Коулу вспомнился еще один голос, который ему однажды довелось слышать. Как-то раз они с Кэтц прикола ради набрали прямой телефон Нацистской партии США и, хихикая, слушали весь этот бред насчет жидо-коммунистического гомосексуально-негроидного заговора. У того кликуши-нациста в голосе звенел такой же исступленный фанатизм… как у Города.

Но неведомо почему Коул знал, что сделает именно так, как велел ему Город.

Он оглядел фотоснимки на стене. От Города не уйти.

– Если он собирается помочь, зачем нам тогда оружие? – спросила Кэтц.

Они сидели на передних сиденьях взятой напрокат машины. В темноте. Между ними на покатом пластиковом выступе стоял аккуратно запечатанный бумажный пакет. В нем – два пистолета 38-го калибра и две резиновые маски.

– Ты же рядом стояла и все слышала, – отвечал Коул, поглядывая на часы. На «летучке» (все происходило настолько быстро, что и слова другого не подобрать) задавать Городу вопросы было просто некогда. Инструкции он оттарабанил им с экрана телевизора.

– Но он же на самом деле ничего не объяснил! Насчет пистолетов.

– Это потому, что там вооруженная охрана. И те, кто в главном помещении, тоже могут быть вооружены. По крайней мере, Роскоу – наверняка. И не может же Город делать все за нас. Поэтому приходится использовать оружие, для вида.

– Размахивать им перед носом, что ли? И все?

– Будем надеяться, что да.

Руки Коула неуклюже стискивали руль; ладони издали чмокающий звук, когда он отлепил их, чтоб вытереть о штанины.

– Мы не задаем ему вопросов, – заметила Кэтц; без особой тревоги.

– Странно все это, – кивнул Коул. – Хотя, может, поэтому он нас и выбрал. Мы как будто, э-э… – Он пытался подыскать слово. - …аборигены большого города. Ведь аборигены пустыни не испытывают сомнений, когда к ним обращаются духи природы.

– Может, оно и так, – не стал спорить Коул, понимая, что они сейчас обсуждают абстрактные темы лишь затем, чтобы не зацикливаться на мысли о риске, которому собираются сами себя подвергнуть.

Он в очередной раз взглянул на часы; сердце екнуло.

– Пора.

Кэтц потянулась на заднее сиденье и перетащила к себе большую сумку из кожзаменителя, в которой лежал диктофон для записи.

– Надеюсь, правда, что голосовые отпечатки у всех людей разные. Иначе все это, – запихнув в сумку маски, она продела руку в лямку, – так, зряшный труд.

Обреченным движением Коул сунул заряженный револьвер во внутренний карман, чтобы рукоятка прилегала к грудной клетке слева. Небольшое вздутие на этом месте прикрыла наброшенная на плечо куртка. Кэтц свой пистолет пристроила в сумку. На обоих, поверх обычной одежды, были рабочие комбезы из армейских запасников.

Дверца машины хлопнула, показалось, так громко, что Коул чуть не подпрыгнул. Заставив себя успокоиться, он ровным шагом пошел ко входу в Пирамиду. «Восемнадцатый этаж», – пробормотал он на ходу.

Стоял майский вечер. Расположенная в деловом квартале, улица в эти часы была безлюдна. Звуки уличного движения доносились разве что со стороны Маркет-стрит, в нескольких кварталах отсюда. За все время по улице проехал один-единственный автомобиль, который, поравнявшись, показалось, слегка замедлил ход (Коул огромным усилием воли не сорвался на бег). Однако машина знай себе проехала мимо и скрылась за углом.

Подошли ко входу. Приостановившись, Коул поглядел наверх.

Узкая пирамидальная громада здания выглядела почти безжизненной, не считая трех окон, светившихся на восемнадцатом этаже.

Коул, сглотнув, посмотрел на Кэтц. Та потянула его за рукав. Вместе они толкнули стеклянные двери.

Возле лифта стоял вооруженный охранник. Но стоял он к ним спиной. Было примерно видно, куда направлен его явно озадаченный взгляд: на коридорную стену справа от лифта. Там свирепо изрыгали пену сразу два огнетушителя – шланги от давления ходили ходуном, хромированные корпуса звучно дребезжали о стену. Пялившийся на взбесившиеся огнетушители охранник вошедших так и не заметил; растерянно качая головой, он поспешил через вестибюль, не зная, что предпринять. Стараясь не попасть под стреляющую пену, он сейчас в спешке ощупывал цилиндры в тщетной попытке найти какой-нибудь клапан, который перекрыл бы напор…

Коул и Кэтц, сжимая рукоятки пистолетов, быстро прошли к

лифту. Двери перед ними тотчас раздвинулись. Они посмотрели в сторону охранника: тот по-прежнему стоял к ним спиной. Когда заскочили в лифт, Коулу почудилось, что их сердца бьются в унисон. Оба испустили шумный вздох, когда двери за ними сомкнулись. Кнопку нажимать не пришлось: окошечко «18 ЭТАЖ» вспыхнуло само собой, едва лифт начал подъем.

– Спасибо, Город, – выдохнул Коул, не рассчитывая на ответ.

Но из динамика возле кнопочной панели прозвучал знакомый голос:

– Наденьте маски. Остальные наверху. Двое ведомственных охранников и двое нанятых соответственно в холле и внутреннем офисе. Охрана наверху знает, что кто-то проник в здание без разрешения. Они следят за счетчиком этажей, а охранник снизу должен им перезванивать всякий раз, когда кто-нибудь входит, – поэтому они, вероятно, держат пистолеты наготове. Я их отвлеку, но будьте готовы применить оружие; попытайтесь разоружить их без шума.

Вынув маски (две одинаково унылые резиновые личины), они их натянули. Под резиновым покрытием кожа у Коула моментально взмокла и зачесалась, и чем дальше, тем сильнее.

Коул вынул пистолет, и тут двери лифта разомкнулись.

ТЭ-РИ-И!

На ковровом покрытии, истекая кровью, лежал убитый охранник. Над ним склонился еще один, с дымящимся стволом. Оба в униформе; тот, что стоял, заливался слезами.

– Не так все было, не так! – прокричал он, поворачивая лицо к лифту. – Оно само пальнуло! – И тут увидел маски.

Подняв пистолет, он выстрелил.

Коул и Кэтц уже загодя распластались по боковым стенкам лифта. Коул застыл в нерешительности: что делать – отстреливаться? Закрыть двери лифта? Сдаться?

Кэтц же на выстрел ответила выстрелом, и охранник опрокинулся с пулей в животе. Он корчился у них в ногах на ковровом покрытии, зовя кого-то по имени.

«Надо же, – подумалось Коулу, – *а по телику всегда сразу наповал».*

Повернув побелевшее лицо, человек лежал на животе, вопя, как отшлепанный карапуз, и руками пытался остановить хлещущую из раны кровь. Рядом с местом падения еще колыхалась его форменная фуражка, словно в немом сочувствии хозяину.

Коул вскинул ствол и, хлебнув с рыдающим звуком воздух, выстрелил человеку в голову. И еще. И еще. Две пули прошли мимо; одна угодила лежащему сзади в правое плечо.

– Что ты творишь?! – Кэтц ударом пригнула Коулу руку.

– Это… вывести его пытаюсь из… – промямлил тот.

– Я сама не хотела на поражение; целилась ему по ногам, чтобы жив остался. Дай ему шанс.

– Ты считаешь, Город, э-э… специально подставил того, второго, под самопроизвольный выстрел?

Ответить Кэтц не успела. На них летели с двух сторон. Спереди, уставя на парочку вороненые стволы, спешили двое плотных лысеющих мужчин в темных костюмах – из вестибюля приемной конференц-зала. Бойки клацнули почти одновременно, но ни у того, ни у другого оружие почему-то не сработало. Оба в замешательстве оглядывали заклинившие затворы, и в это время справа из коридора тяжело выбежал автостраж – один из тех простеньких роботов, что поступили в продажу еще в 1979 году в качестве ночной охраны для складов и супермаркетов. «Стоять-не-двигаться-это-приказ!» – командно грянуло из его хромированной шарообразной головы. Суставчато-складные, на манер насадок пылесоса, лапищи с тупыми ухватами на концах развернулись и обхватили обоих озадаченных стрелков разом. Снова грянуло

дежурное «Стоять-не-двигаться», приглушив протестующий возглас более рослого охранника: «…Ты чё, бля, шеф! Ты ж должен…» Он так и не договорил: в ответ на попытки его сотоварища вырваться на голове робокопа вспыхнул стробоскоп, который на таком близком расстоянии временно ослепил обоих.

Коул и Кэтц тоже сморгнули, избавляясь от радужных кругов перед глазами, – вспышка была очень яркой.

А те двое продолжали барахтаться в цепких объятиях робота, ругаясь и тряся головами, будто это помогало восстановить зрение. На цилиндрической груди робота задорно мигнул красный огонек, отчего оба стрелка конвульсивно задергались (по сигналу компьютера робокоп был вынужден применить электрошок). Наконец, лишившись сил, они безвольно обвисли; один вскоре заплакал, его лицо оказалось прямо напротив щели на стыке головы и груди робота, откуда с шипением ударила струя слезоточивого газа. Истерически хихикая (ни дать ни взять шалопаи-подростки, нанюхавшиеся веселящего газа), они позволили уволочь себя куда-то в глубь коридора…

Через открытую дверь вестибюля на другом конце холла Коул увидел, как открывается дверь, ведущая в конференц-зал.

– Эй, что там еще за чертовщина? – сердито осведомился кто-то, пока еще невидимый. – Мы тут…

Коула подмывало повернуться и убежать, но тут Кэтц (которую, судя по всему, происходящее очень даже увлекало), вскинув пистолет, прыгнула вперед и натянула маску пониже.

– А ну, брысь обратно! – рявкнула она нарочито хрипло.

Коул ринулся следом за ней, отчего помещение перед пропотевшими дырками для глаз заплясало. Нос не чуял ничего, кроме запаха резины.

Человек в дверном проеме (одутловатые щеки еще сильнее подчеркивали оторопелое выражение его лица) инстинктивно попятился и, потеряв равновесие, грузно упал на свой широкий крестец. Кэтц и Коул ворвались в комнату, размахивая пистолетами.

– Да это же похищение! – крикнул кто-то.

Если считать застывший в ужасе на полу ворох за мужчин, то в комнате их находилось пятеро; Коул узнал только Руфа Роскоу и его поверенного, Сэлмона.

Впрочем, двоих из них напуганными назвать никак было нельзя: самого Роскоу и еще одного приезжего (возможно, из Нью-Йорка, судя по фасону костюма) – видимо, нездорового человека с темными кругами под глазами и казенно-учтивой улыбкой на рыбьих губах.

Коул вспомнил предписанные инструктажем слова.

– Ну что, – обратился он к Сэлмону, стараясь придать голосу безжалостность, – которых мне тут заваливать? Всех подряд или *того самого*?

Приезжий обратил на Сэлмона мягкий, но вопрошающий взор. Разглядев его профиль, Коул узнал: это Гульярдо, посыльный от мафии. Это фото в профиль ему доводилось встречать в какой-то журнальной статье. И Коул улыбнулся под маской: ребятам из национального синдиката не понравится нападение, устроенное одним из «своих». Прекрасно.

Подняв ствол, Коул направил его на Гульярдо.

– Ну что, мне этого заваливать или нет? – спросил он у Сэлмона.

– Я… э-э… нет!

– Ты передумал, что ли? – деланно удивился Коул. И тут пистолет сработал сам собой.

Коул уставился на оружие в изумлении. Курка он не нажимал. Но Гульярдо рухнул, давясь собственной кровью из разорванного горла.

– О, ч-черт… Город, – произнес Коул, пятясь. Повернувшись, он побежал. Кэтц следовала за ним, что-то неразборчиво крича. В дверном косяке справа по ходу возникла выбоина; колкие щепки ожгли щеку.

Открытые двери лифта уже ждали. Кэтц и Коул, нырнув в кабину, распластались по боковым стенам. Еще одна пуля засела возле потолка, в нескольких сантиметрах от головы Коула. *«О боже, о черт, ох,* ё…» Двери лифта сомкнулись. Со звонким «дзин-нь» снаружи в них возникла вмятина. Наконец сомкнулись и внутренние створки; лифт пошел вниз. Семнадцатый этаж… двенадцатый… восьмой… пятый…

– Останови на втором! – обращаясь к Городу, проорал Коул. – Выпусти нас там, мы лучше по лестнице, а то на первом охрана уже поджидает!

Но лифт миновал второй этаж и остановился на первом. Кэтц и Коул инстинктивно пригнулись; Коул вслепую бабахнула в открывшийся проем. Получилось, ни в кого. Пуля прошла сквозь массивное стекло, оставив за собой окруженное венчиком мелких трещинок отверстие.

Охранник не показывался. Коул следом за Кэтц осторожно выбрался из лифта. Слева, метрах в десяти, лежал на животе тот первый охранник. Возле него – огнетушитель. Ответвление шланга тянулось по ковролину к его лицу, а штуцер…

– Сквозь глаз… – прошипел Коул с отвращением.

В безотчетном порыве он метнулся через холл к офисным дверям и стал их поочередно дергать, пока не нашел ту, которая

не заперта, – третья отсюда. Телефон там находился на столике в офисной приемной. Коул ткнул «0» (выход в город), вовремя вспомнив отключить изображение. Чтобы нельзя было вычислить, кто именно звонит.

Подбежала Кэтц:

– Ты что творишь? Нам, блин, ноги уносить надо!

– Вызываю скорую…

Оператор не отвечал. Вместо этого возник голос Города:

– Уходите быстро, Коул. Я пока блокирую их звонки сообщникам, но надолго меня не хватит…

– Здесь люди перекалечены, – высоким от негодования голосом сказал Коул, – им нужна…

– Им нужна смерть, – перебил Город голосом холодным и гулким, как центральная улица в зимнюю ночь. – Чем меньше свидетелей, тем лучше. БЭМ заметет следы таким образом, чтобы в расследовании не всплыла их связь с Гульярдо. Они уберут его, а потом инсценируют, будто убийство произошло где-то в другом месте…

Коул, вне себя от ярости, шарахнул по кнопке связи кулаком. Кэтц, дожидаясь, нервно расхаживала по холлу.

Пружинистой поступью он последовал за ней в машину…

Маски и робы они стянули с себя в нескольких кварталах к югу; Коул отер с лица пот.

– Я от этой резины, наверно, весь потом изойду, – пробурчал он.

Кэтц вела машину в молчании.

– Как ты думаешь, легавые понаедут? – задал вопрос Коул (ему хотелось, чтобы она хоть что-нибудь произнесла, не молчала).

– Нет. Город заблокирует вызов. Да они, думаю, и не захотят их во все это посвящать, пока не избавятся от Гульярдо. Если только он мертв.

– Но он же… – Коулу нестерпимо сводило желудок; он судорожно сглотнул. – Он же, Город, сам сказал мне это… по телефону… скорую не давал вызвать.

Между ними что-то словно незримо пронеслось – нечто, испугавшее их обоих. Невысказанное вслух осознание: Город им солгал.

– Все вышло… не так, как он говорил, – вымолвил наконец Коул.

Тут с неожиданным напором, будто за кого-то заступаясь (хотя и не за себя), Кэтц заметила:

– Слушай, Стью, отлезь от него, а! Он тебе что, Каменный Гость, блин, чтобы со всем управляться? Он тоже вынужден по

ходу дела как-то импровизировать. – Впрочем, на тот момент показалось, что Город она выгораживает единственно с тем, чтобы пощадить чувства самого Коула, чтобы он не запаниковал.

– Тогда, с Гульярдо, я не нажимал на курок, – произнес Коул помертвевшим голосом, – Город не должен был…

– Что?! – Она резко обернулась, забыв о дороге. Коул инстинктивно нажал ногой на несуществующие тормоза, когда они пронеслись на красный. На половине перекрестка Кэтц остановила и сдала назад. Улица была почти пуста, лишь несколько размытых фигур маячило за мутным стеклом тускло освещенного бара, расположенного на склоне справа.

– Я не стрелял в него. Не нажимал курка. Город сделал так, что пистолет сработал.

– Тогда, может… – Она перестала сдавать, так как свет сменился на зеленый, и нажала на акселератор; машина резко пошла назад. – Город, ты что!

Кэтц резко дала по тормозам, и машина, дернувшись, встала.

– Алё, у тебя задний ход включен, – напомнил Коул, чуть улыбнувшись. – Ты же махнула за перекресток и стала сдавать…

– Ой! – Кэтц пристыженно улыбнулась и передвинула рычаг, с заметным облегчением убедившись, что машина тронулась вперед. – Да, правда. – Она помедлила, припоминая, о чем шла речь. – Во всяком случае, может, Город просто не знал, что там окажется Гульярдо, и единственным выходом в тех обстоятельствах было его убить. Только… блин, я так и не пойму, чем была вызвана такая необходимость…

Коул поймал себя на том, что сидит абсолютно прямо; спина скована и подрагивает. Он усилием воли заставил себя расслабиться; руки слегка дрожали. Привалившись к дверце, он нажал на кнопку, опускающую стекло; глубоко вдохнул прохладного свежего воздуха.

– Выпить бы сейчас.

– Или, может, – не расслышав, продолжала она, озабоченно прикусив нижнюю губу, – может, ты *на самом деле* нажал на курок. Ты же не знаешь точно, ну, случайность это была или нет. Просто палец взял и дрогнул…

Коул сосредоточенно нахмурил лоб. Может, и вправду он сам. А Город – нет.

«Что *"Нет"»?* – с остервенением подумал он.

– В смысле не убивал, – пробормотал он уже вслух, словно обвыкаясь с этим словом.

– Да, уж лучше пообвыкни, – согласилась Кэтц.

– Я не люблю, когда ты читаешь мои мысли, когда я об этом не прошу, – напомнил он тихо.

– Извини. Просто случайно подхватила твои флюиды.

– Да ладно. Все правильно. Конечно. Ерунда.

– Слушай, не срывайся на мне, Стью. Ты же не на меня сейчас злишься.

– Тебе-то откуда, на хер, известно, на кого я злюсь? – Коул осекся, глядя прямо перед собой. – Если ты не считываешь мои мысли.

– Не считываю. Во всяком случае, не могу это делать безостановочно. Я знаю, что ты злишься, потому что знаю тебя. Знаю уже по тому, как ты держишь руки. Будто сам себе в морду собираешься заехать, дурачина. Так что уймись: твой долг, тебе и платить. Не перепихивай его на меня. Я под твоей виной вместе с тобой не подписывалась.

Коула пробила крупная дрожь. Он попытался ее унять, но не смог. Чувствовал, что так и будет трястись, пока от этих толчков не развалится машина. Чувствовал скованность, аж трудно было дышать.

– Выпусти меня, – скомандовал он неожиданно. – Надо кости размять. Увидимся в клубе. Подумать хочу.

Кэтц резко остановила машину.

– *Может быть,* увидимся в клубе.

Коул выбрался наружу. Она рванула машину с места, не дав ему даже закрыть дверь. Машину накренило на скорости, отчего дверца захлопнулась сама; впечатление было такое, будто и автомобиль сердит на него.

Коул огляделся по сторонам – до него дошло, что он находится в совершенно незнакомом месте.

Он стоял на Полк-стрит. Вдохнул воздуха и, в который раз, вздрогнул. Ночь была холоднее, чем обычно в это время года.

Высокая русоволосая женщина, неброско одетая под офисного работника, инструктировала стайку юных сутенеров.

– Мне по барабану, верите вы этому или нет, – вы должны сами это выяснить. Имейте это в виду. Наш союз – это единственное, что прикроет вас в конечном итоге от шнырей, полиции и прочей швали, которая стремится вас объ'бать. – Точно: представительница профсоюза путан.

Коул удалился за пределы слышимости. Прошел мимо какого-то кабака, на минуту попав в волну теплого воздуха от его вентиляции; пахнуло пивом, вином, стойким табачным духом вкупе с гомоном уютно устроившихся пьянчуг, пытающихся друг друга перекричать.

Миновал открытый в этот полночный час магазин компакт-дисков – островок цветистых огней, сотрясающийся от музыкального рева. Район был почти стопроцентно «голубой» –

веселый, жизнерадостный, истекающий смехом и признаками ненавязчивой дружелюбности. Геи принимали в свою среду по большей части кого угодно. Коул и сам захаживал иногда в гей-бары, наблюдал, как мужчины флиртуют с мужчинами, женщины с женщинами, мужчины ласкают мужчин и… Ему нравилось наблюдать ощущение скрытой близости в этих ласках; общая атмосфера раскованности, дух эдакого развеселого бунтарства. Иногда становилось даже стыдновато за свою гетеросексуальность. Он с горечью прикидывал, а не перенаправить ли свой сексуальный огонь, чтобы сходиться вот так же свободно, как эти геи; умеют же, надо отдать им должное.

Миновал весело гогочущую стайку «королев с членом»; донеслись обрывки их болтовни… «Нет же, нет, дорогуша, посмотри на себя, куколка, ты просто с ума сошла, такой цвет волос. Никто нынче, лапка, не носит зеленого: чего доброго, машины спутают тебя со светофором и въедут на полном ходу…»

Коул смутно улыбнулся – не помогало. Он пытался затеряться в городе, но ничего не выходило. Его изолировала собственная боль.

И шел он быстро. Мимо бородатых мужиков в армейских ботинках и джинсе; мимо голубых всадников-мотоциклистов в коже, с прорезью на заду; мимо парочек, троиц и ватаг из восьми – десяти человек, передающих друг дружке косяки, милующихся и беззлобно балагурящих на тротуаре, – и через всех приходилось протискиваться. Уличная «пташка» заметила ему с укоризной:

– Алё, пупсик, на каблуки-то мне не наступай: я их только вот купила.

– Извини, – промямлил Коул, ступая мимо. Сердце гулко стучало.

Он пытался как-то отделаться от видения, изгнать его, небесполезно…

На ковровом покрытии, истекая кровью, лежал убитый охранник. Над ним склонился еще один, с дымящимся стволом…

Коул зашел в ближайший бар, бесцеремонно протолкнулся сквозь людскую толчею к стойке и крикнул бармену:

– Бурбон, на три пальца!

Служитель стойки – увядший до времени муравьишка с пегими от многократного перекрашивания волосами – поджал губы и укоризненно цокнул языком.

В динамиках звучала какая-то замшелая песня «Пэт шоп бойз»…

Бармен взглянул Коулу в глаза и что-то понял. Пожав плечами, плеснул в бокал бурбон. От души налил, не поскупился. Коул прихватил напиток и уединился в относительно свободном

уголке. Сел, по-прежнему вздрагивая, пригубил пробирающую крепкую жидкость, силой пытаясь изгнать из себя недавнее воспоминание…

Ничего не получалось.

Повернув побелевшее лицо, человек лежал на животе, вопя, как отшлепанный карапуз, и руками пытался как-то остановить хлещущую из раны кровь…

– Город… – проговорил Коул, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Коул вскинул ствол и, хлебнув с рыдающим звуком воздух, выстрелил человеку в голову. И еще. И еще. Две пули прошли мимо; одна угодила лежащему сзади в правое плечо…

– Город… – зажмурясь, еще раз процедил Коул сквозь стиснутые зубы.

Гульярдо рухнул, давясь собственной кровью из разорванного горла…

– ГОРОД! – рявкнул Коул, распахивая глаза.

– Прелесть моя, ты в порядке? – учтиво осведомился миниатюрный мужчинка с эспаньолкой и серьгой в ухе. Он чуть заметно улыбался. К столику подтянулся еще кто-то… птичка-невеличка. Коул в три глотка осушил бокал и, резко выдохнув, встал.

– Пупсик, у тебя не совсем свежий вид, – заметила «птичка» проходящему мимо Коулу. – Ты бы шел домой…

– Да, – кивнул Коул. – Именно, именно. Так и поступлю. Домой пойду. – И он, осоловело мигая, направился к дверям.

Коул незряче брел по улице, бормоча извинения и натужно дыша, машинально минуя гей-дансинги, гей-кинотеатры, геев-полицейских, патрулирующих улицы друг с дружкой под ручку; салоны красоты для геев. Он двигался с бездумной целенаправленностью, желая прийти хоть куда-нибудь.

Наконец он остановился и встряхнулся. Набрал полную грудь воздуха и более-менее сориентировался. Ему стало чуть поспокойнее. Он находился ближе к центру, неподалеку от Эмбаркадеро; справа с мягким урчанием проносились газовые автомобили. Ввысь устремлялись небоскребы – холодные, угловатые, недосягаемые для света уличных фонарей. Тротуары почти пустовали. Слева в темной подворотне грузно возился какой-то человек.

Коул настороженно застыл. На затемненной фигуре (теперь уже сидящей в скрюченной позе) были зеркальные очки, мятая шляпа и длинное пальто. Откуда-то из центра сгорбленного силуэта доносилась негромкая музыка…

– Город? – прошептал Коул, приближаясь. Он склонился над

притихшей фигурой. – *Город?*

От лежащего в подворотне повanивало блевотиной и перегаром. Глаза постепенно привыкли к темноте. Коул рассматривал лицо лежащего. Темные очки сидели на носу криво и непрочно. Человек спал, негромко похрапывая. Костистое лицо индейца-чикано покрывала угревая сыпь. Музыка исходила из портативного радио, припрятанного в изгибе руки, – роковая станция; звук то пропадал, то появлялся, продираясь сквозь помехи.

Коул отвернулся, чувствуя горькое разочарование.

– Как себя чувствуешь, Коул? – послышалось сзади. Коул снова повернулся к темной фигуре, лежащей с поджатыми ногами в темной подворотне. Человек по-прежнему похрапывал.

– Город?

– Да, Коул. – Голос доносился из радио, поверх музыки.

Коул подошел ближе, наклонился к радио и заговорил тихо, чтобы не разбудить спящего пьянчугу.

– Город… Меня обманули. Мне больно.

– Как? Почему, Коул? – переспросило радио. Затем музыка снова усилилась, как будто дожидаясь, пока он ответит.

– Мне жутко, мне гнусно от отвращения. Забавно… поначалу вроде не было так плохо. Возможно, от шока или чего-то в этом роде. А потом меня, м-м, пробила дрожь, и пошло-поехало. Я убил того человека. Ты и я, мы оба убили его. Ты солгал мне. И насчет того охранника. Может быть, Гульярдо и должен был умереть, может, он и заслуживал, чтобы – ч-черт! – ему раздербанило глотку… Но тот второй охранник, он же был ко всему этому непричастен!

– Он был накачан наркотой, Коул. Накачанный параноик. Был готов выстрелить в любого, кто выйдет из лифта.

– Даже если так, надо было найти какой-то другой способ с ним сладить, чем…

– Надо было, но не вышло. – Голос Города стал заметно громче, резче. Пьяница пошевелился и что-то прохныкал во сне.

– Послушай, я не могу идти на такие дела, я… я не могу брать за них ответственность. Не имею права выносить всем этим людям приговор и просто их сметать. Мне не нравится ни то, как это выглядит, ни то, какое это вызывает ощущение… – Коул замолк; горло жгли слезы. Он плакал – медленно, мучительно. Где-то сзади издавали стоны автомобили. Коул оглянулся по обе стороны – нигде никого.

– Это должно было случиться, Коул. Ты пережил момент истины. Это начинается с боли, страха и смятения, и только потом начинаешь осознавать и себя, и свою роль и приходишь к

пониманию.

– Нет уж! Такое я совершенно не понимаю.

– Коул, не *ты* стрелял в этих людей. Это сделал я. Возможно, просто использовав для этого твои руки. Ты был моим орудием. Хотя на самом деле это был мой выбор и моя ответственность…

– Но у меня есть – по крайней мере, *должен* быть *свой* выбор, становиться или нет этим твоим сраным *орудием!*

– Не-а. Нет, Стью, этот самый выбор был сделан уже давным-давно. Ты был избран, и в то же время ты сам вызвался. Ты согласился быть частью меня, моим волеисполнителем уже задолго до того, как увидел меня в своем клубе. И вот он, крайне важный вопрос, Стью: а кто такой я? Кто, как ты считаешь?

Коул помедлил, колеблясь.

– Ты… бессознательное города. Коллективное. Каким-то образом сведенное воедино. По крайней мере, так Кэтц говорит.

– А что, довольно близко. Но вдумайся: что под этим подразумевается? Я осуществляю попранные желания всех людей в этом городе. Втайне они боятся МТФ, БЭМ, всей этой тотальной компьютеризации и глобализации. Они живут в страхе перед кучкой людей, постепенно, но неуклонно прибирающей к рукам все большую власть. Вопреки тому, что внешне, сознательно большинство это якобы одобряет, подсознательно оно стремится этому воспротивиться, все вернуть назад. И для этой цели *все* они создали меня и выбрали тебя быть моим орудием. И это *они* застрелили Гульярдо, Стью. И *они* перебили тех шнырей-активистов на улице. Ты же сам всегда был за то, чтобы дать власть большинству, дать людям возможность самовыражаться коллективно. Ты всегда был на их стороне. Ныне ты просто исполняешь их команды. Ты их дитя. А они – твоя семья.

Коул призадумался. А ведь действительно. В подкорке словно произошло включение. Получается вполне логично. Неважно, насколько прав или не прав Город в моральном смысле. Суть в том, что действия его, Коула, в тот вечер были оправданны. И кровь на руках не у него одного. Вина делится со всеми вокруг. Кто посмеет осудить *всех?* Сделалось легче. Коул снова вздрогнул, но на этот раз от облегчения.

– Ладно, – произнес он.

– Будут моменты, – продолжал Город, – когда тебя вдруг охватит сомнение – в них, во мне – и ты захочешь выйти из игры. Может, даже прямо в эту ночь. Однако теперь ты знаешь, как со всем этим надо поступать. Этот миг пройдет. Не позволяй никому играть на своем чувстве вины, Коул.

О ком это он – о Кэтц?

Опять затрещали помехи и пошла мяукать пустопорожняя

музыка.

Голос Города пропал.

Но его присутствие по-прежнему чувствовалось, до осязаемости плотное, в скоплении обступивших Коула зданий.

Коул шел, непринужденно улыбаясь. Напряжение сменилось ощущением пьянящей легкости. Он подумал о своем клубе и, повернув за угол, пошел в направлении «Анестезии».

Он сменил направление, как меняет его мысль, устремляясь к полному осознанию какой-то идеи или к давнему воспоминанию. Город представлял собой некий гигантский ум – матрицу идей и концепций, воплощенных в бетон и асфальт. И сам он был центром сознания, что бродило по этому уму, тронув для начала одну идею – конкретного пятачка в городе, потом еще и еще, перемещаясь по четко выстроенной конфигурации улиц, переходящих одна в другую, словно череда свободных ассоциаций.

Как никогда чувствовал он себя частью ума Города.

– Эй, Стью!

Коул отвлекся и увидел Кэтц, стоящую возле входа в клуб. Коул улыбнулся и помахал ей рукой. Она, похоже, испытала облегчение. Подойдя, взяла его за руку, и вместе они вошли в общий гам ночного клуба. По молчаливому взаимному согласию они болтали о чем угодно, обо всем подряд – исключая Город и мертвых людей в Пирамиде.

Они прошли в заднюю комнату, где Коул налил ей и себе по пиву. Разговаривали о музыке, о публике, и мало-помалу все вроде забывалось.

Лишь иногда в тоне Кэтц проскальзывал укор. Она боролась с собой, пытаясь не поднимать больных тем. И Коул почувствовал, как неприязнь к себе начинает возвращаться. *«Это дело не моих рук,* – внушал он сам себе. – *Все в городе решили за меня».*

Встал, потянулся, сказал, что ему надо бы заняться работой. Кэтц кивнула, глядя в пол. Коул вышел в зал.

На час-другой он с головой ушел в работу. Смешивал коктейли, подавая их стозевному монстру; мыл стаканы, дежурил за кассой, протирал барную стойку; переставлял компакт-диски; проверял на подлинность кредитки, утихомиривал не в меру разгулявшихся; делал вид, что слушает анекдоты, которых из-за шума слышно не было; снова подавал напитки и так далее.

Иногда задания наслаивались одно на другое, и тогда приходилось действовать в духе образцового экспресс-бара – сновать туда-сюда под стать бильярдному шару, рикошетом отлетающему от боковых кромок. Подобная работа на редкость успокаивала, уподобляя Коула детали в механизме городской

ночи, даря чувство, что он на своем месте.

Он все разливал напитки, смазывая шестерни гладко вращающейся машины субботнего улета, по-хозяйски озирая свое подернутое дымом, увенчанное отбликами зеркального шара королевство.

Жужжание аппаратов МТФ, позвякивание мойки, несмолкающее коловращение завсегдатаев – все сливалось в единый гул, своеобразный морской прибой.

Коул чувствовал себя капитаном клуба «Анестезия». Главврачом, назначающим очередную дозу веселого забвения в стопке или стакане, – и вот уже начинали забываться корчащиеся охранники и итальянец с порванным горлом на восемнадцатом этаже сейсмоустойчивого здания… Мысли об этом не возникали уже по полчаса кряду. А если и возникали, Коул твердил себе, что *на курок нажал весь город целиком; я просто выполнял приказ.*

Однако время от времени призма того здания вдруг меняла обличье, представая в виде пирамиды на старых долларовых банкнотах, со всевидящим недреманным оком наверху.

«Они начнут разыскивать меня, – вкрадывалась мысль, – *когда вычислят, что Сэлмон никого не наводил. Я главный подозреваемый: они знают, что у меня есть причина их ненавидеть».*

Поэтому Коул не особо удивился, когда в десять вечера, после того как группа Кэтц отыграла часовую программу, в двери вошли двое в серых костюмах и целенаправленно двинулись к стойке. На старшем были очки в золотистой оправе; узкое лицо казалось еще длинней за счет бакенбард, частично скрадывающих щеки. Второй был пониже ростом и моложе – смуглый, кареглазый, волосы ежиком; возможно, выходец из латинских кварталов.

– Коул? – осведомился тот, с бакенбардами. – Драммонд. – Он указал на себя, чуть заметно вскинув большой палец; небрежно кивнув на своего товарища, сказал: – Офицер Гулера. – И Драммонд предъявил свой жетон.

С улыбкой, не сходящей с лица, несмотря на движение губ, Гулера задал вопрос:

– Вы нас ожидали? Вас кто-то об этом предупреждал?

– Че-чего? – *(«Не заикайся!»* – мысленно прикрикнул на себя Коул.) – Да ну, с какого еще перепугу. Хотя пару легавых я различу безошибочно. Вы же не просто по дороге сюда зашли.

Драммонда такой ответ, похоже, устраивал. Хотя Гулера переспросил:

– Не догадываетесь, о чем мы хотим с вами потолковать?

– Слушай, да хватит с ним в шарады играть, – перебил

Драммонд раздраженно. – Парень не настолько глуп… Коул, вы что-нибудь слышали о происшествии с ребятками в Крокер-банке?

– С ребятками? – переспросил Коул с намеренно скучливым видом. – В смысле с подростками?

– Нет – с охранниками. Одному из них досталось особенно неприятным образом.

– Точно, более чем неприятным, – добавил Гулера, покачав головой и уже без улыбки. – Прямо через глаз, шлангом огнетушителя.

– Оп-па! Вот уж не позавидуешь. – Коул сглотнул, чтобы не поперхнуться. – И как вся эта хрень произошла? – спросил он с подобающей случаю брезгливой ухмылкой.

– Мы хотели спросить об этом вас, – сказал Гулера со значением.

– С чего это?

– Нас проинформировали, – пояснил Драммонд, – что вы задолжали тем людям уйму денег. Уйму. Тем самым, с восемнадцатого этажа здания. И были этим очень недовольны.

Коул чувствовал, что Драммонд его прощупывает, поминутно изучая малейшее движение на его лице, выражение глаз.

– Да, Драммонд, – ответил Коул. – Идеальный способ избавиться от долга – пойти в офис и повтыкать огнетушители охранникам в глаза. Прелесть. Наверно, какой-нибудь маньяк, блин, так и поступил бы. Если, допустим, у меня бы поехала крыша по поводу так называемого «долга» – а я не скрываю, что это меня бесит, – так вот, если бы я обалдел настолько, что пошел туда ставить всех на уши, я бы уж точно торчал тут и делал свою чертову работу через считанные часы после происшествия, а?

Пожав плечами и поджав губы, Гулера прищурился.

– Коул, как насчет прогуляться с нами до участка?

– Прошу извинить. Но без ордера – никак, – ответил Коул.

– Завтра к утру он у нас будет, – заверил Гулера.

В этот момент погас свет: Кэтц возобновила выступление. Теперь всем троим приходилось буквально вопить, чтобы перекричать рок-н-ор.

К радости Коула, свет убавился настолько, что Драммонд не мог теперь четко различать его лицо. Он подозревал, что растущий ужас (ничто не страшило его больше, чем перспектива камеры) может отразиться на его лице.

– Без ордера – никак, – еще раз повторил Коул. – Мне баром заниматься надо, а с висящим над головой долгом я должен стоять здесь и вкалывать, пока не наскребется нужная сумма. Уж это-то вы понимаете…

– Неважнецкий у тебя предлог, – подавшись вперед, нарочито металлическим голосом произнес Гулера.

– В том-то и дело, чересчур важнецкий, Гулера, – крикнул товарищу сквозь музыку Драммонд. – Так что до завтра, – кивнул он Коулу и вместе с насупленным Гулерой покинул бар.

Коул смешал себе коктейль.

– Это называется «подозрительное поведение», – бормотал он про себя, прихлебывая и глядя вслед полицейским. – Надо было пойти с ними. Или, может, пойти вдогонку и поотвечать на их вопросы? А, плевать.

Его внимание привлекла фигура, что отражалась в освещенном неоновыми огнями стекле, где помаргивала пивная реклама – расплывчатый силуэт, сливавшийся с отражениями посетителей бара. Он различался только тогда, когда отсвет логотипа «Коре» сменялся с желтого на красный. Моргнул красный: да, это был Город, в своей полушинели, неряшливой шляпе и очках-зеркалах.

Коул огляделся по сторонам. Нигде поблизости Города не было (за исключением, понятно, топографического понятия). Единственное, что было видимо, – это его отражение. Отражение, отбрасываемое, получается, *никем.* Тем не менее, Город смотрел на него и покачивал головой.

– Ты насчет полиции? – спросил Коул одними губами. – Надо пойти с ними говорить?

Силуэт Города еще раз покачал головой, мигнул и исчез.

Коул вернулся к работе. Когда закончилось выступление, к стойке подошла Кэтц.

– Я слышала голос Города в сценических мониторах. Он обращался ко мне.

У Коула похолодело внутри.

– Он хочет, чтобы мы… сделали для него что-то еще?

Кэтц кивнула.

– Он велел тебе подойти к платному телефону.

– Зачем? – Коул в сердцах кинул тряпку, которой протирал бокалы. – Ему что, сегодняшнего мало? С меня, знаешь, довольно. Мне этого на десять лет хватит.

Но к телефону все равно пошел.

Он снял трубку (аппарат был стенной, без экрана) и как мог, пригасил гуканье диско, заткнув себе пальцем свободное ухо. Прислушался. Город не заставил себя ждать, четко прорезавшись прямо поверх зуммера:

– С полицией не общайся, насколько это возможно. Я попытаюсь навести подозрение на другую их группировку. Триаду. Роскоу зафиксировал твой голос на видеозаписи, с

камеры. Изображение я смог заблокировать, но запись звука не сумел. Поэтому есть вероятность, что они смогут тебя опознать, если завлекут в участок… А сейчас отправляйся на концерт «Праязыка» в «Мемориал Аудиториум». Активисты пытаются сорвать концерт, потому что группа отказывается подчиниться требованиям Союза поп-исполнителей, который находится под Сворой. Будем действовать по ситуации; посмотрим, какие откроются возможности. Подходи к южному входу, там я тебя проведу. Отправляйся не откладывая.

– Эй, слушай, я уже устал от всех этих «действий по ситуации»! – негодующе начал Коул. – Ты тогда сказал, что никто не пострадает, и вот… – он поспешно понизил голос, нервно оглянувшись через плечо, – и вот на тебе – трупы, причем двое из них были ни при чем. Как минимум двое. И не было никакой причины убивать того бедолагу огнетушителем. Ты мог просто его оглушить или… – Голос Коула, дрогнув, умолк. На том конце – ничего, кроме зуммера. Явное ощущение, что… – Город? -… что Город уже не слушает.

Коул швырнул пластмассовую трубку на рычаг; на его глазах она сорвалась и уродливым маятником болталась теперь на металлическом шнуре.

Кэтц стояла рядом, держа в руках пальто Коула.

– Я уже сказала Биллу, чтобы он тебя подменил, – сказала она. – Группа закончит без меня. На хрен все.

Коул медленно протянул руку к пальто. Внутри в три слоя лежал страх. Первый – что его убьют или схватят. Второй – за свой клуб, а вместе с ним за Кэтц. И третий уровень: немой ужас, снедающий его всякий раз при мысли, что он изначально лишен выбора, когда приходит время делать то, что велит ему Город…

Надев пальто, он следом за Кэтц тронулся к двери.

На двери южного входа в концертный зал висела цепь, и за входом никто не присматривал. Висячие замки на цепи Город, видимо, отомкнул загодя, так что оставалось лишь смотать цепь с дверных ручек. Дверь была заперта еще и изнутри, поэтому, когда Коул потянул, она не поддалась.

– Ну-ка, отойди, – велела Кэтц.

Коул послушался. Послышался двойной щелчок. Когда он потянул дверь снова, она была уже не заперта.

Коул, не рассчитав, распахнул дверь пинком. Они вошли в теплое, душное от дыма помещение: судя по всему, в холл возле туалетов. Бетонный коридор приглушенно резонировал с басом и ударными группы, орудующей сейчас на сцене по ту сторону стены. Причем сказать, что они вошли незамеченными, было никак нельзя.

Вдоль обеих стен в художественном беспорядке располагались компании панков и ангст-рокеров. Панки – сплошь в самодельной одежде, украшенной буйными гирляндами из цепочек и самых разнообразных ювелирных побрякушек, мишуры, пуговиц с булавками. Прикид (выдержанный в одном стиле, при этом – нет двух одинаковых) состоял из сочетаний броских, часто взаимоисключающих частей гардероба, отражающих полное неприятие массовой, компьютером сверстанной моды. *Ангстеры* носили в основном униформу – любую, хотя в особой чести была арестантская роба и одежда больничных пациентов. Тут и там выделялись небольшие группки в резине, черной коже, хромированных доспехах и каких-то вовсе немыслимых русалочьих одеяниях. Присутствовали пижонские закидоны. Безудержно дымящая сигаретами, косяками и алкалоидными палочками толпа посматривала на вошедших отрешенно. Впрочем, слышались и возгласы уважения; кто-то хохотнул: «Глянь, на шару проползли»; «Зашибись дверь обработали, молодцы ребята».

Панки (волосы шипастой копной, лица грубо размалеваны тушью – в основном загогулины долларов, символы анархии и черепа) вразвалочку потянулись ко вскрытому южному входу. Ангстеры – угрюмые, мрачноглазые, – наоборот, попятились, засунув руки в карманы и глядя исподлобья из-под своих крутых стрижек и бандан. Припанкованные девахи, выставив титьки с продетыми сквозь соски блескучими кольцами, с хихиканьем кивали друг дружке на Коула: «Э-э, старова-ат он для *этого,* да?» (причем сама фраза произносилась с сакраментальным, но сомнительным британским акцентом). Самолюбие Коула буквально изнывало.

Кэтц с дерзкой улыбкой взяла Коула за руку и повела направо, к ближнему от сцены входу в зал. Позади панки уже созывали бродящих снаружи корешей заваливать через халявный, столь кстати взломанный вход.

Кэтц была персоной скандально известной, ее бы непременно узнали, если б не маскарадная маска в пол-лица и косметика. На Кэтц были колготки, блузка с разрезом на правой груди, бурая летная куртка и шортики из черной кожи с заклепками. Волосы торчали мелкими пиками – в общем, готовый портрет кисти параноика. Типичный панк; образ в целом несколько устаревший – к панкам причисляли себя в основном реликты из «тех-кому-за-тридцать».

Миновали залитый призрачным синеватым светом коридор, отпинывая в стороны пластиковые бутылки, сигаретные пачки и одноразовые шприцы; свернули налево – вот и сам зал. Оказались

справа от сцены, на краю мерно покачивающейся бурной толпы, всего в десятке метров от одной из ниш с гигантским динамиком, который мог бы свободно вместить двоих. Металлическая долбежка обдавала так, что потроха затряслись… (Порывистый шквал ангст-рокового концерта уже сам по себе зрелище: ограниченное лишь габаритами зала море осязаемо плотного звука, который пропускаешь сквозь себя физически; звуковое вожделение, от которого дребезжат суставы и веером раздуваются волосы, а зубы мелко постукивают.) Между тем Кэтц прокладывала дорогу с уверенностью сокола, бойко лавирующего меж грозовых потоков. Коул, поспевая следом, ею откровенно любовался.

Подобно огромному мифическому дракону, толпа двигалась, словно единый организм – некая массивная рептилия, вся многоклеточная масса которой податливо колышется под призывный инструмент рок-н-ролльного факира, всей пестрой шкурой своей (пятьдесят тысяч лиц, слитых воедино) жадно поглощая чудовищно усиленный ритмичный звук, нагнетаемый со сцены.

Костюмы музыкантов были стилизованы под гностических святых – олицетворяющие некий культ маг, жрец и алхимик; соответственно их красные, черные и серебристые мантии ниспадали загадочными складками. На ведущем вокалисте – по контрасту – была одна лишь набедренная повязка из мешковины, а на блестящей от пота узкой груди красовался выжженный Знак – псевдокаббалистический символ хаоса: крест с основанием, переходящим в лезвие косы. Кошачьи глаза (контактные линзы с узкими, как семечки, зрачками) горели нездешним разумом. Певец мазохистски корчился под неистовый ритм баса и ударных, заходясь в причудливом танце – спонтанном, как удар кнута, и вместе с тем изысканно-продуманном, где каждое па было частью зазывного обряда некоего культа городских трущоб. В своих интервью вокалист подчеркивал, что инструменты «Праязыка» говорят особым языком – тем самым *праязыком* добиблейских времен и ангелов. Это была фактически единственная (из оставшихся) успешно работающая группа оккультного рока – жанра, введенного в обиход почти три десятилетия назад музыкантами «Культа Голубой Устрицы» [4].

Вокалист (псевдоним – Синий Запивала) выводил что-то насмешливо-иносказательное:

> Шесть ног вздыхающего трупа
> Смерть пронзившего иглами льда
> Шесть языков его мертво и тупо

Возвещают приход электро-Христа…

И в этот миг грянуло световое шоу. Толщу нависшего над аудиторией дыма пронзили алые острия лазеров, будто символизируя неизбежность смерти, и заиграли, скрещиваясь и сталкиваясь в кружевной паутине, прерывисто пульсируя, словно выдавая какой-то диаболический код, первозданные цвета, эфемерные прожилки жаркой стали и жгутов света; и все это в такт музыке. Синхронно, нота в ноту, удар в удар совпадая с гулким биением малого барабана и скорострельными пассажами соло-гитары; напряженно пламенея в такт взвывающему синтезатору и гробовитому рокотанию баса. Игра огней была продолжением звука, сведенная с ним один в один сценическим компьютером. Компьютер улавливал, в какой пиковый момент композиции подавать голографию – чтобы лазерные рапиры света расщепились, преломились и осенили все вокруг, образовав контур призрачной болванки на токарном станке, повторяя конфигурации огромных электромагнитных полей, которые проецировались из скрытых под куполом приборов.

И перед восторженно ревущей толпой, запрокинувшей свои завороженные лица, как волны опрокидываются перед штормом, предстал зверь размером с эсминец. Уродливая, нечеловеческого вида тварь – некто шестилапый, ползущий на бронированном, бороздчатом, как у паука, брюхе. Непропорционально огромная голова помаргивала своими шестью мистически сияющими глазищами, а лишенная губ пасть то и дело открывалась, обнажая решетки тюрьмы, из которой запавшими глазами глядели узники…

Гигантская, трехмерная, неподъемная с виду тварь на подушке из дыма плыла над толпой в сторону не прекращающей игру группы, причем вокруг теперь рушились, обращаясь в пылевые гейзеры, голографические здания, из которых в ужасе разбегались букашки-люди, тоже сокрушаемые в пыль…

Голографический монстр шевелил своими чешуйчатыми не то руками, не то лапами, пронзительно вопя – опять же под музыку (синтезированный рев, доносящийся со сцены, словно поддерживал монстра на весу, создавая его заново каждую секунду), буравясь сквозь спроецированный город. А Синий Запивала – трупное лицо в апофеозе страдания – зловеще декламировал из Библии.

«…И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон…»

У голографического зверя выросло два рога, а из пасти изверглось пламя.

> *«…И творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю пред людьми…»*

Голограмма подернулась огнистой завесой, осенив собой зверя и сцену всеобщей погибели.

> *«…И он сделает то, что всем – малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам – положено будет начертание на чело их…»*[5].

Изображенные на голограмме люди – теперь уже коленопреклоненные перед изрыгающим пламя зверем – оказались помечены числами, в то время как на сцене у Синего Запивалы вспыхнуло на лбу до сих пор невидимое светящееся число 666.

Кэтц восторженно топнула ногой, а Коул расхохотался: пропечаталось в точности как на электронном штампе МТФ.

Коул, наклонившись, прокричал Кэтц на ухо:

– А где активисты, за которыми мы должны смотреть?! И какого хрена нам делать, если мы их не увидим?!

Кэтц недоуменно пожала плечами: не то вместо ответа, не то попросту не расслышав.

Группа продолжала грохотать, словно танковый корпус на поле боя. Партитуры были четкие и сложные, но усиленные и обвешанные обработкой так, что для непосвященного могли показаться просто шумовой завесой. Но ведь и бронетранспортер на первый взгляд кажется не более чем быковатой массой агрессивного железа – так и музыка при более внимательном прослушивании состояла из множества тщательно выверенных и слаженных пассажей. Грандиозная машина звука.

Громадный, рассчитанный на пятьдесят тысяч человек зал с обширной танцплощадкой посередине был забит вплоть до стен, где возвышались ярусы галерки. Незанятым оставался лишь небольшой зазор, где по требованию пожарной охраны сейчас бдили несколько десятков вышибал и охранников. Тут и там завязывались потасовки, летали бутылки, рвались взрывпакеты, так что все это максимально напоминало поле битвы.

Под ярусами были открыты три прохода, ведущих к передним дверям. Из этих проходов выдвинулось подобие когорты из одетых в синие джинсы и синие рубашки молодцов; на головах у всех – маски из розового нейлона. Одни из них шагали с пистолетами, другие тащили пожарные шланги. «Активисты», –

понял Коул потрясенно. Из-за шоу он почти забыл о задании. И о людях, с которыми помог расправиться…

Он глянул на пожарный ход. Люди из охраны, как по условному сигналу, внезапно покинули свои места.

Крики и неистовое шевеление на том конце толпы обозначили места, куда начали проникать активисты. Стало различаться сухое щелканье, будто от ударов хлыстом.

Кэтц осторожно повела Коула вдоль фланга паникующей толпы, в направлении активистов. Но приходилось бороться с сильным встречным потоком, так как людская масса разбухала, подобно испуганной амебе, стремясь прочь от угрозы с тыла, в сторону сцены и боковых выходов.

Люди впереди, притиснутые к обшивке сцены, начали отчаянно карабкаться на помост, превозмогая числом пытающихся их сдержать сценических рабочих, в то время как группа, не обращая внимания на стремительно рассеивающихся ангстеров и панков, разразилась каверверсией «Сутенера» из Аарона Данбара:

Бог умер, и мне заменить его впору -
Став крестным отцом всей Космической Своры!
Всех по жизни жадность гонит -
Каждый от нужды в ней стонет -
И единственный путь сладить с этой напастью -
ВСТАТЬ НАД ВСЕЛЕННОЙ, СТАТЬ ЕЕ ВЛАСТЬЮ!
Бог умер, и я заменю его скоро…

Несколько раз активисты наугад выстрелили в толпу – достаточно, чтобы погнать ее, словно стадо обезумевших от страха животных, на сцену…

– Смотри, они же хотят направить толпу на музыкантов! – не веря своим глазам, выкрикнула Кэтц.

Между тем группа с мрачным упорством продолжала играть; музыка грохотала, словно невидимая боевая колесница. Синий Запивала все глубже и глубже входил в транс. Он словно смаковал этот хаос, создаваемый его врагами.

Кэтц и Коул укрылись за бетонным столбом. Мимо, и справа и слева, пёрла толпа; упавших затаптывали.

Активисты врубили шланги и врезались в сердцевину обезумевшего людского сборища.

Голограмма в воздухе вдруг начала меняться…

Из-под потолочных плит она плавно снизилась – настолько, что даже при теперешней давке ее нельзя было не заметить.

Картинка была следующая: будто один из шнырей-

активистов, со спиной, усеянной красными, белыми и синими звездами, свирепо душит Синего Запивалу…

«Наверняка Города работа», – дошло до Коула.

Активисты, хотя и не выпускали из рук дубинок, пистолетов и шлангов, стали неуверенно поглядывать наверх.

Публика немного унялась и, запрокинув головы, вбирала в себя сотканный сверху образ: огромное трехмерное изображение Лэнса Галвестона, главы профсоюза. Большинство его узнало. А Синий Запивала со сцены зашелся хохотом и бросил группу в очередной прорыв – гигантская машина рок-звука взгудела с новой силой.

Шланги в руках у активистов вдруг перестали извергать воду, и они засуетились в тревожном недоумении.

Образ Лэнса Галвестона – старика со шрамами морщин и желтоватыми глазами – повернулся и вперился в толпу. Немощными старческими руками он расстегнул ширинку и – помочился на публику. А сзади него на голограмме ржали и тыкали пальцами активисты.

И все это под музыку, бодрым грохотом подстегивающую толпу…

Почти единодушно вся аудитория, увлекаемая продуманными визуальными выкрутасами Города, двинулась в наступление. Активисты подались назад и врассыпную бросились к дверям. Пара-тройка еще успела обернуться и в отчаянии пальнуть, отчего несколько человек из теснящего людского вала упало, но остальные подмяли их под себя и взялись за стрелков, сбив их, как кегли, и теперь-то уж отыгрались на них со всем самозабвением вакханалии. Давно сдерживаемый гнев, неприязнь к тому, что представляют собой эти молодчики, безудержно хлынули наружу. Один за другим активисты были сбиты и растоптаны…

Коул вслед за Кэтц поспешил в проход, а дальше в холл и к южному выходу.

После оставшейся позади рок-канонады уличное движение казалось совершенно бесшумным.

Бок о бок они побежали через площадку парковки, уворачиваясь от истерично сигналящих машин. Потом Коул начал понемногу отставать; вместе они приближались к группе убегающих активистов, их уже разделяло метров пятьдесят. Ночной ветер прерывисто пел у Коула в легких, а в ушах звенело от концертного эха.

Металлическая панорама припаркованных машин перед глазами раскачивалась в темпе бега. Коула разбирала злость, что он никак не может поравняться с Кэтц; лицо горело от

напряжения.

Впереди, напротив побитого черного кадиллака, трое набились в кабину синего пикапа с белым тентом над кузовом. Вспыхнули фары, взревел мотор.

Кэтц, как матерый спринтер, помчалась за грузовичком. Задний борт кузова болтался в открытом виде: похоже, активисты посадили, кого успели, в кабину, а остальных бросили на произвол судьбы. Кэтц легко запрыгнула внутрь. Коул, задыхаясь, полез следом, неуклюже карабкаясь по заднему бамперу. Он влез только наполовину, когда пикап дернулся и поехал, чуть не скинув его на асфальт; хорошо, Кэтц вовремя схватила за воротник и с трудом втянула в кузов. Коул больно оцарапал голень о ниппель запаски и сдавленно ругнулся. Под тентом было темно и болтало, хотя, если бы кто-нибудь из сидящих в кабине оглянулся, он бы, наверное, разглядел нежданных пассажиров.

На руках и саднящих коленях Коул следом за Кэтц пробрался по холодному днищу кузова к заднему окошечку кабины, где можно было, притулившись по бокам, отсидеться незамеченными.

Оружия у Коула не было. Пошарив в темноте, он удачно нащупал что-то вроде ломика.

Пикап резво мчался, подвывая на поворотах. Поездка была недолгой, от силы минут пять. Штырек ниппеля издевательски побрякивал.

Машина пошла медленней, кидать стало меньше, затем мотор заработал с перебоями, и, подрулив куда-то, пикап остановился. Мотор выключили. Коул застыл в напряженном ожидании, сжимая ломик на полу, но поднимать его не решался: как бы в темноте обо что не звякнуть. Так и сидел, затаив дыхание. *«Безумие какое-то,* – мелькало в голове. – *Кэтц сумасшедшая».* Хлопнули дверцы пикапа, и голова Коула у заднего оконца загудела от напряжения.

«Может быть, в кузов заглядывать не станут».

Звуки шагов стали отдаляться; Коул перевел дыхание, чувствуя, как понемногу наступает облегчение… Пока темный силуэт позади кузова не направил слепящий свет фонарика прямо в лицо Коулу.

ЧЕТ-ТЫ-Ы-ЫРЕ!

Коул до боли стиснул ломик на днище кузова и ждал, пока мужчина с фонариком и пистолетом не приблизился и не остановился над ними, немного согнувшись под тесноватым тентом. Его лицо, освещенное снизу лучом фонарика, напоминало морду горгульи. Коул что было сил рванул свой ломик – и, потеряв равновесие, с криком боли опрокинулся на спину; ломик не поддался. Оказалось, это была привинченная к полу ручка лючка трансмиссии.

«Ничего смешного, – подумал Коул, – *чего он ржет?»*

Правая рука жестоко ныла – не дай бог, вывихнул сустав. Будь у руки собственный рот, она бы завопила – настолько резко молодчик-активист вывернул ее, бросив Коула на живот. На запястьях у Коула щелкнули наручники.

Краем глаза он заметил, как сбоку стремглав метнулась Кэтц. Раздался приглушенный удар, что-то стукнуло, упав на днище пикапа; двое, приглушенно ругаясь, шумно завозились на металлическом полу.

Лежа лицом вниз, Коул мог только вслушиваться и по мере сил откатываться, чтобы не угодить под дерущихся. Пахло бензином, колесной резиной и потом активиста. И еще кисловатым привкусом собственного страха. Безумной дугой качнулся и пропал луч фонарика.

Кэтц громко ойкнула; активист в темноте глухо прорычал, явно с триумфом.

«Может, если совсем замереть, меня не заметят?» – мелькнула сумасшедшая мысль.

Снова ожил луч фонарика, к нему присоединился еще один. Еще один мужчина (или крупная женщина – голос высокий), скрытый за источником света, сердито сказал: «Мудак, надо было их одного за другим наружу вызвать, а ты к ним сам туда полез. Башку б тебе проломили, да и все».

«Так бы и сделали, если б я не обосрался», – подумал Коул.

– Заткнись, – рыкнул в ответ своему товарищу активист. Он натужно дышал, а лицо под нейлоном было как у огромного зародыша – недовершенное, рудиментарное. Он что-то протаскивал мимо Коула. Кэтц…

«Как мешок мусора», – невольно подумал Коул, чувствуя, как уголки глаз обжигают слезы.

Ни о чем не думая, охваченный внезапной яростью, он подкатился и пнул активиста, угодив ему по голени.

– Ч-черт! – проверещал тот, пошатнувшись.

Еще двое залезли в кузов, и Коул почувствовал, как его бесцеремонно – за воротник и лодыжки – выволакивают из грузовика наружу, на ночной воздух. Горло сдавила тошнота. *«Город…»* – сипло выдавил Коул, в то время как его затаскивали вперед ногами в какой-то дверной проем.

– Чё он там? – спросили сзади.

– Говорит, «горе», – ответил кто-то и шикнул: – Тс-с!

Их с Кэтц занесли в жилое помещение. Кэтц кинули на черную кушетку.

«Город!» Хотя, может статься, влияние города сюда не доходило – это же, в конце концов, Окленд, через бухту и к югу от Сан-Франциско. Достаточно далеко от центра города и, возможно, от его воздействия. Но ведь и ехали они недолго, не так уж далеко от концертного зала – а там Город еще помогал.

Коула кинули на пол, на живот. Он резко выдохнул; удар от падения вышиб из легких воздух. Кашлянув, он глотнул, вдохнув солидную порцию пыли с зеленого ковра.

Мимо носа прошествовали ноги в ботинках. Послышались смешки вперемешку с перебранкой. «Ты, сучара драная, от окошка отойди!» – «Да пошел ты н-на 'уй, соседям знаешь как наср…» – «Ага, а вот патруль понаедет, будешь сам с ним разбираться…» – «Да вы, бля, заткнетесь или нет!»…

Кэтц безмолвно лежала на кушетке справа. Медленно, превозмогая боль в руке, Коул стал поворачиваться на левый бок, пока кушетка не попала в поле зрения – пыльный дерматин с язвочками от сигарет. С пола виднелись только беспомощно откинутая правая рука и изгиб бедер. Впервые за все время до Коула дошло, что она, возможно, мертва.

Мертва…

– Э! Нам чё, всю ночь, что ли, в этих масках куковать? – спросил кто-то.

Женский голос ответил:

– А ты думал, мудила! Будем носить, пока от этих вот не избавимся. Может, глаза им завязать?

– Давай сначала дождемся, чего там Сэлмон скажет.

– Кто это брякнул?! – требовательно вскрикнула женщина.

– Да ну, живыми они все равно отсюда не уйдут, так что пусть себе пялятся. Чё за базаром следить, когда…

– Ты, козлина! Откуда ты знаешь, что он задумал. Может, он за них выкуп собирается взять, тогда их и вправду отпускать придется. И тогда они…

– Теперь, что ли, когда этот говнюк пасть свою открыл насчет Сэл…

– Слушай, кончай мне резину на уши вешать! Мне твоя

брехня по барабану, нам надо…

– Эй! Да это ж одна из девчушек-панкушек!

– Точно! Глянь, сиська одна голая! (Коула замутило.)

– Эй, а давай ее в спальню затащим минут на пять… (Коула затошнило в буквальном смысле.)

– Слушай, мне Сэлмон уже три недели с оплатой мозги скипидарит, так что пока он не перечислит, я…

(Коул чихнул, поперхнувшись пылью.)

– Эй, мы к нему все-таки пробились! Он уже в курсе насчет всей этой хрени с концертным залом; он даже сам прифигел, когда узнал про ту голограмму… Велел, чтоб мы по максимуму из этих выжали, а потом отвезли их полюбоваться на Алькатрас [6] с уровня подводной лодки. (Гогот.)

– Маски, говорит, пока не снимать.

(Страдальческие стоны.)

Кто-то ухватил Коула за наручники и рывком привел в вертикальное положение. Из глаз буквально брызнули слезы (пришлось даже прикусить себе щеку) – настолько засаднила рука от въевшегося в кожу металла. Пошатываясь и моргая, Коул огляделся. Большое, скудно обставленное помещение. Новое, но уже загаженное. И в нем около трех десятков рыл – торчат в дверях, сидят за деревянным столом на небольшой кухоньке, подпирают пустые стены. Двое стоят непосредственно перед ним; застыв в напряженной позе и чуть подавшись вперед, ждут какого-то сигнала. И на всех эти маски, от которых вокруг рта – матовые пятна влаги, а черты лица смазаны и приплющены, словно прижаты к невидимому окну.

Рядом на кушетке лежала Кэтц, свесив руки (без наручников). Пластиковой маски на ней уже не было. Она ровно дышала, и тяжесть у Коула в груди пошла на убыль: жива.

От него не укрылось, что веки у Кэтц чуть дрогнули. Хотя она по-прежнему лежала неподвижно, притворяясь, что без сознания.

Коул встретился глазами с одним из рыл.

– Давайте, – кивнула женщина.

Безусловно, первые удары болезненны. Первые пять или шесть. Память об этом сохранилась смутная, но, кажется, он тогда плакал и порывался бежать. Его удерживали сзади. После каждого удара задавали вопрос. Глухой удар в правый висок разросся в жаркий шум по всей черепной коробке.

– У тебя на портмоне значится: «Стью Коул», и один из наших знает твой клуб. И еще мы знаем, что ты не одобряешь наших действий. Так что, бля, ты думал против нас учинить на том концерте? – (Коул не ответил.)

По левой щеке хрястнуло так, что боль прошла серебристым

звоном, будто весь он был из стекла.

– Каким боком ты причастен к тем сраным голограммам и всей той ангстерской погани, которая на нас поналезла? – (Коул не ответил.)

По рту досталось с противным чмокающим звуком, отчего кровь из рассеченных губ обильно брызнула на перед рубашки.

– Зачем ты лез в грузовик? Хотел разведать, где мы собираемся?

– Нет, – пьяным голосом отозвался Коул, сплевывая кровь (губы все равно что залитый скользкой нефтью пляж при отливе). – Грузовик перепутал. У друга такой же. Запаниковал. – *«Не прохиляет, ни за что не прохиляет»,* – шало мелькнуло в голове.

Опять удар по губам, отчего зуб явно зашатался, а перед глазами поплыли круги.

– Думаешь пропихнуть нам эту туфту? Не прохиляет.

– Ну же, паскуда! Зачем лез в грузовик? А?! – (Коул не ответил.)

«Тук-тук» – быстро, два раза, по солнечному сплетению. Напрочь лишенный дыхания, Коул согнулся пополам так резко, что стукнулся головой о собственное колено.

– Я еще раз спрашиваю: какого хера ты делал у нас в машине? – задало вопрос плоское рыло.

Ответить Коул не смог: нечем было дышать. Он сполз на колени. Комнату наполнял светящийся пурпурный снег. Коул зажмурился. Плотно зажмурился.

Какое-то время – возможно, несколько секунд – он словно кружился во вспыхивающей сполохами темноте. Из этого состояния его вырвал голос – голос пронзительно кричащей Кэтц. Он вскинул голову. Ее лупили.

Лупили бутылкой.

Женщина (ее комплекция проглядывала сквозь одежду: здоровенная баба, хотя, похоже, молодая) наматывала волосы Кэтц себе на кулак. А рослый мужик то и дело лягал Кэтц ботинком в ребра.

– Эй! – завопил Коул. – Че… Чего вы хотите узнать?!

– Я так и знал, что на это он отреагирует, – заметил мужик, оборачиваясь к Коулу.

И тут погас свет.

Впрочем, ненадолго: темноту почти тут же проредили снопы искр, дружно полыхнувшие из пустых розеток, а по багету вдоль стен начали взбегать языки пламени.

Заметались темные фигуры. Коул с грехом пополам поднялся на ноги. Наручники с негромким щелчком упали с рук. «Город…»

– благодарно прошептал он кровоточащими губами.

Пока он на ощупь пробирался к Кэтц, вокруг раздавались разрозненные обрывки растерянных возгласов:

– Что за?…

– Кто это еще?…

– Бля, неужели это?…

– Это что, друганы этих?…

– Пожар, мать твою, надо срочно…

– Проводка, наверно, вспыхнула…

– Черт, надо их оставить тут…

– Не, возьмем их…

Коул попытался поднять Кэтц на руки; боль прострелила так, что в глазах окончательно померкло. Он уронил ее обратно на кушетку. От дыма темнота стала густой. Кто-то на бегу толкнул его – он упал на правый бок. Языки огня карабкались все выше, от жара пот на щеках испарился. Комната освещалась неверным, дрожащим светом, темень пронзали ярко-красные и синеватые пляшущие всполохи. Большинство рыл поисчезало – вон еще двое, надсадно кашляя, вынеслись через боковую дверь. «Кэтц… эй…» – он дергал ее за руку, задыхаясь от першащего в горле удушливого дыма. Она не шевелилась. «Кэтц, Город поджег это гребаное логово, чтобы мы могли скрыться, – давай же, ну! Иначе сгорим!» Слова во рту чуть булькали от крови.

Кэтц со стоном отпрянула. Распахнув глаза, зашлась кашлем; накрыла рот ладонью. Коул помог ей подняться на ноги. Глаза исходили слезами от дыма, огонь уже лизал подметки, пот капал и мгновенно испарялся. Они, пошатываясь, пробрались к двери – тошнотно-желтому прямоугольнику, зыбко колышущемуся в волнах жара. Кэтц высвободила свою руку (значит, уже может передвигаться самостоятельно), Коул рванулся вперед, и одновременно близость пламени привнесла обновленную энергию – энергию страха.

Надеюсь, Кэтц не отстает.

Через полутемную кухоньку он выбежал в распахнутую боковую дверь – в спасительное убежище дворовых кустов, взахлеб вдыхая чистый прохладный воздух. От площадки перед домом спешно отчаливали два грузовика. Кто-то с криком пронесся на дорогу.

Люди кучно грузились в седан. На тротуаре стояла стайка чернокожих, бесстрастно взирая на происходящее.

Коул с отчаяньем обернулся – Кэтц нигде не было. «Кэтц!» – сипло проорал он, механическим движением развернувшись обратно к дому.

Из передних дверей появились двое, волоча кого-то под руки.

Укрывшись в тени у гаража, Коул всмотрелся. Судя по очертаниям тела – вяло, но сопротивляющегося, – это и была Кэтц. Когда они затаскивали ее в гараж, он нырнул в тень.

Коул закашлялся, обалдело шаря глазами в поисках какого-нибудь оружия. В это время из створок гаража стрельнули светом фары, затем взревел мотор. На площадку, а с нее на проезжую часть вырулил синий седан, повернул – и унес Кэтц с собой.

– Ты уверен, а? – Коул чуть не за грудки тряс морщинистого мулата, управляющего мотеля.

– Уверен, что уверен. Работает телевизор, работает, – отвечал тот. – Чего тебе вдруг телевизор-то приспичило? Тебе, сынок, доктора, а не телевизор надо, скажу я. Лицо у тебя, боже ты мой, как будто по нему трактор проехался. Может, тебе бинт дать или…

– Нет! – выкрикнул Коул. Мулат взглянул удивленно и испуганно; пришлось сделать над собой усилие. – Не надо: тороплюсь. Друга должны показать в ночных новостях. Обещал, что обязательно посмотрю. Потом уже приведу себя в порядок. Влетел со всего маху об фонарный столб.

Мулат пожал плечами.

– Не положено, чтобы просто телевизор смотреть. Надо за номер заплатить, неважно, сколько ты там думаешь находиться.

– Да, да, конечно…

Старик принял карточку Коула и ткнул ее в автомат. Посмотрел, что появится на экранчике, и лишь после этого коротко кивнул и вернул карточку.

Коул нетерпеливо ерзал, переминаясь с ноги на ногу, пока медлительный старик не принес наконец ключ. Седьмой номер.

Сграбастав ключ, Коул бегом выбежал из администраторской. Чувствуя ноющую боль в боку (ребра, что ли, покорежили – и губа вон снова кровоточит), он торопливо сверялся с номерами дверей, пока не нашел табличку «7», и поспешно повернул ключ в замке. Дверь открылась с первой попытки; толкая ее, Коул облегченно вздохнул. В обветшалый номер заскочил, так и оставив ключ болтаться в замке. Как одержимый подскочил к телевизору, нервно сунул в прорезь интерфондовскую карточку, и экран моргнул.

– Город! – рявкнул в него Коул. – Выходи на связь, скорее!

В ответ – рябь пустого экрана.

– Я знаю, что ты слушаешь! Черт возьми, ну давай же!

Голубоватый прямоугольник дразняще мигнул, и… опять ничего.

– Город! Показывайся и разговаривай, иначе я вообще

уезжаю! Уеду и разглашу все на хрен в центральную прессу!

Коул подождал. Ничего.

Один за другим начал переключать каналы. Новости, порнуха, ток-шоу, «Обзор громких преступлений», «Детский час», «Бондиана» – и никакого тебе Города.

Он вернулся к пустому каналу.

Кэтц…

Коул ждал, стиснув кулаки. Куда они могли ее забрать? Где-то вдалеке гудели пожарные сирены, приближаясь к горящему дому в трех кварталах к северу.

Коул стоял, нетерпеливо покачиваясь, напряженный, словно антенна на сильном ветру.

– Город! – не сказал, а сипло провыл Коул.

И тут на экране прорисовался двухмерный бюст – черты величаво-угрюмые, неподвижные.

– Город… Почему ты отдал ее им? Почему не остановил машину?

– Я решил больше не прибегать к услугам этой женщины.

– Что? Почему?

– Она со мной неискренна.

– Ты… Ты что?! Это она уговорила меня, чтобы я сегодня пошел туда! Она сделала все, что ты от нее хотел…

– Нет… Я чувствую ее изнутри. Ее склад мыслей. Она не доверяет мне. Она идет только из-за тебя. Думает, что оберегает тебя. Я не хочу, чтобы она была с тобой. Защиту тебе могу дать я.

– Она? Оберегает? От чего?

Город не ответил.

– Ну, тогда спаси ее, выведи из игры, – произнес Коул, сжав кулаки.

– Нет.

У Коула невольно открылся рот. Он вперился в экран, не веря глазам.

– Нет, – повторил Город, качнув головой.

– Нет? Слушай, тебе необязательно… м-м-м… прибегать к ее услугам. Просто сделай, чтобы она была жива-здорова и… дай ей уйти.

– Не могу. У меня больше нет силы. Я слишком много ее за сегодня израсходовал. Я слаб.

И образ исчез.

– Ты лжец. Сраный, паскудный лжец! – крикнул Коул в пустой экран. А потом повернулся, вышел и пошел к телефонной будке. Вызвать себе такси.

Впрочем, прежде чем действовать, Коул выжидал до утра.

Шатался всю ночь по квартире, куря сигару за сигарой, покуда рот наконец не превратился в подобие дымохода, а комната не подернулась стойким табачным туманищем. Раз шесть подходил к телефону позвонить Биллу, чтобы тот нанял каких-нибудь мордоворотов – надо попытаться вызволить Кэтц. И всякий раз, когда на том конце уже раздавались гудки, прерывал связь. Поскольку если уж Город действительно решил вывести Кэтц из игры, он не даст к ней пробиться. Ночью – может.

А вот днем – ни фига.

«А ведь, может статься, они ее сейчас мучают, – изводил он себя. – Скажем, избивают».

В два ночи он пробормотал: «Сейчас ее, наверно, избивают и насилуют».

В три сдавленно проголосил: «Может, ее уже режут!»

В четыре он заплакал.

В пять начал пить. Коул пил нечасто, но если уж пил, то всегда как будто мстя. Да, месть – самое точное слово. Он всегда пил, словно гневаясь на кого-то. Как будто алкогольная амнезия в какой-то мере помогала стереть врагов с лица земли.

В семь Коул уже не вполне твердо держался на ногах и его мутило. И все равно он попытался влить в себя еще один джин-тоник. До туалета добраться не успел: пришлось опорожнять желудок в кухонную раковину.

Сотрясаясь над нечищеным фаянсом, он мучительно выкашливал ее имя. «Боже, помоги-и, да я ведь втюрился», – подумал он.

Через какое-то время голова прояснилась достаточно, чтобы можно было сварить кофе. Руки дрожали, и Коул обжегся кипятком. Выхлебал четыре чашки, а когда случайно поднял руку, невольно поморщился: побои давали себя знать.

Схватка кофеина с алкоголем увенчалась такой болью в голове, что она зазвенела не хуже боксерского гонга. Коул поспешно переоделся; потом умылся, бережно промокая рассеченную кожу на лице. После беглого осмотра в зеркало он больше старался не глядеть.

Затем набрал номер Сэлмона.

– Мистер Сэлмон предпочитает видеть, с кем он разговаривает, – ответила секретарша. Судя по голосу, немолодая.

– Извините. Э-э… У меня полностью вырубился экран, в оба конца. Так что я его тоже не вижу, если вам от этого легче. Только передайте ему, что это Стью Коул и речь идет о его ребятах на концерте. – Телефон замолчал на паузе, которая длилась минут двадцать.

«Может, они уже мчатся сюда». Ну ничего, вон там в шкафу, в коробке из-под туфель, лежит пистолет.

Коул подошел к окну. На улице все как обычно. Постеры на кирпичных стенах понаклеены друг на друга, словно ярлыки на чемодане заядлого путешественника. По одну сторону играет мексиканская ребятня, по другую музицируют чернокожие подростки.

Вон сутенер со своим хозяином стоят-колдуют возле банкомата.

– Ну что? Эй, Коул? – донесся из телефона голос Сэлмона.

Коул, отвернувшись от окна, подбежал к телефону. По привычке во время разговора смотрел на экран, хотя тот был пуст.

– Сэлмон? Э-э… Вы меня не знаете – в смысле мы не знакомы, но…

– Я знаю, кто ты. Какого черта тебе нужно?

– Мне известно, на кого ты работаешь и на кого работают эти морды-активисты. У них сейчас кое-кто находится… я думаю, ты уже в курсе. – Коул на расстоянии услышал, что кто-то поднимается по лестнице.

– Можешь считать, что ты обделался, дружок. Мы сейчас наводим у активистов справки, и могу сказать, что скоро…

– Кончай этот фарс! – рявкнул Коул (каждое речевое усилие иглой пронзало виски).

Воцарилась секундная пауза.

– Сэлмон, ты где? Ты меня слышишь?

– Э-э… да. Послушайте, мистер Коул, если вы объясните, что вам от меня нужно, я буду рад…

– Слушай, не вешай мне лапшу. Если ты думаешь… – Коул осекся, вслушиваясь в звук шагов на лестнице. Похоже, несколько человек, причем спешат.

– На хер тебя, Сэлмон! – крикнул Коул напоследок, бросаясь к шкафу. Он выдвинул ящик, и тут кто-то шибанул по двери. Замки не выдержали, но, судя по дребезжанию и чьей-то ругани, дверная цепочка по-прежнему держалась. Кто-то саданул по двери еще раз. Коул нырнул рукой в коробку из-под обуви… нашарил пистолет и вынул его как раз в тот момент, когда в комнату ворвался тип в капроновой маске, представ в обрамлении из снимков города, развешанных по стенам.

Оба – и Коул, и вбежавший – держали пистолеты.

Зато у Коула он был наготове, а тот свой только выхватил.

– У меня разряд по стрельбе, – соврал Коул, – так что грудь продырявлю вмиг. Поэтому стой, не шевелись. А если друзья твои войдут, тебя положу первым. – Всякое движение за спиной вбежавшего прекратилось.

Человек застыл, посверкивая на Коула прорезями для глаз.

– Послушай, – Коул старался говорить твердым голосом, – я возьму заем под клуб, кредит выбью. Сторгуемся, а? Не знаю, кто там у вас заправляет, – скажи им, я заплачу, только ее отпустите.

– А в полицию почему не обратишься? – искаженные маской губы шевелились, как розовые слизни.

– Ну ты схохмил! – рассмеялся было Коул и тут же сморщился от боли в голове. – Она же вся ваша.

– Гадом буду, всех денег за нее тебе не собрать. Мы уже думали. Кое-кто наверху думает разобраться с ней вечером по-взрослому, так что потом будешь получать ее по почте. Посылки за четыре, думаю, управимся.

Кто-то сзади ехидно хохотнул. Словно приободренный этим смехом, тип в маске чуть подбоченился, рука увереннее легла на прижатый к ноге ствол.

«Убить его надо, – устало прикинул Коул. – *Но сколько еще мне это будет сходить с рук?»*

Вслух он произнес:

– Скажи мне, где она, и я тебя отпущу, живым. Это все.

– А почему б тебе самому не прийти за ней? Она как раз там, где ты ее в последний раз видел.

– Последний раз я видел ее… на улице. В машине. – Руки уже начинали затекать: он держал пистолет в «полицейской стойке», вытянув обе руки.

– Пожарники прибыли туда быстро, у них станция рядом. Задняя часть дома уцелела. У нас там кое-что хранится, потому мы и вернулись. Так что она там… Мы умотали до того, как понаехали оклендские фараоны, а вернулись через пять минут после их отъезда. Вот так просто.

– А что, оклендские разве не у вас на довольствии? – спросил Коул как бы невзначай.

– Идиот! – прошипел кто-то.

Интересная информация, может пригодиться: поддержки от оклендской полиции у них нет. Тогда почему они собираются в Окленде? Наверное, потому, что в оклендских трущобах никому нет дела, чем занимаются твои соседи.

– Ладно, – сказал Коул. – А теперь на выход. Сначала пушку брось. – Пистолет шлепнулся на пол, и тип медленно попятился, удаляясь из поля зрения в коридор. – Этажом выше у меня ребята со стволами! – снова соврал Коул. – Лучше не рискуйте, выкатывайтесь на хер из подъезда!

Он слышал их шаги вниз по лестнице. Далеко они, понятно, не пойдут.

Убедившись, что гости ушли с этажа, Коул вылез через окно и

по пожарной лестнице спустился в примыкающий тупичок. Из него через разбитое окно забрался в пустующее здание. В полумраке, раскидывая мусор, добрался до висящей на шарнирах двери. И уже по улице припустил бегом.

ПЯ-А-АТЬ!

БЫСТРЕЕ! Он позаимствовал машину Билла и с маниакальным упорством гнал теперь сквозь дождь, с дерзким безразличием к скользкой дороге.

Дождь начался через несколько минут после того, как Коул покинул квартиру. Он уже основательно вымок к тому моменту, как разбудил своего осоловелого помятого зама и потребовал у него ключи от машины. Билл был настолько вымотан, что даже ни о чем не спрашивал.

Коул поеживался на виниловом сиденье: штаны отсырели, рубаха липла к спинке. Обогреватель в малолитражке работал вовсю, окна были закрыты, так что одежда начала исходить паром, превратив салон в теплицу. Он чувствовал запах своих влажных волос и пованивание бычков из пепельницы. Привкус во рту после всех этих сигар был тоже не лучше. Правда, головная боль унялась, но ее сменило нехорошее жжение в желудке.

Улицы отливали одинаково влажным, маслянисто-серым блеском, и было в нем что-то от органической пленки.

Видавшая виды двухдверка, помятый капот которой время от времени подпрыгивал – сломанные замки скрепляла проволока, – с натужным урчанием одолевала подъем шоссе. Он слегка подправил регуляторы, держа взгляд на шкале автопилота, которая вспыхнула на приборном щитке, едва только машина выехала на шоссе. В городе системы электронного управления были редкостью, да и адаптировано под них было меньше половины ТС, так что их использование было делом добровольным. У Коула от недосыпа шла кругом голова, слезились глаза, и он решил на пути в Окленд воспользоваться автопилотом. Включив прибор, он откинулся на сиденье, предоставляя машине рулить самостоятельно. Свыкнуться с этим было пока сложновато: чтобы руль вот так покручивался сам по себе, а педаль тормоза самостоятельно утапливалась, регулируя расстояние до машины, ехавшей впереди…

Колеса загрохотали по рифленому въезду на мост. Влажным ветреным утром море, вид на которое открывался с Бэй-Бридж, казалось бескрайним нефритовым полем – слишком древнее и всеохватное, чтобы его вот так запросто сковывал обручем пролет моста; наверное, море тайком дожидалось неизбежного землетрясения, чтобы напоследок потешиться над хлипкой мишурой цивилизации.

Коул оглянулся через плечо. Сквозь взвесь тумана город вздымался жемчужными башнями, в этой загадочной перспективе

они казались бастионами экзотичного города далекой страны. Сердце екнуло, когда среди панорамы проглянул клык Пирамиды: сразу пришел на память человек на полу в предсмертных судорогах.

Глядя на приближающуюся сутолоку Беркли и Окленда, Коул откинулся на сиденье. Рука легла на рукоять пистолета во внутреннем кармане куртки.

«Ну, и что я им сделаю? – спросил он себя. – Скажу: ложись, гады, а то всех перестреляю? Опять же, кого я мог бы подтянуть себе в помощь? Оклендскую полицию, что ли… да нет, объясняться бы пришлось… опять же, если это единственный способ ее вытащить…»

Мотор машины различимо кашлянул, словно говоря: *«Перестань разговаривать сам с собой, Коул, ты меня пугаешь…»*

«А с кем мне еще разговаривать-то», – буркнул Коул машинально.

«Разговаривать с собой – дурная привычка, – жужжа, прогудел автомобиль, – *поболтай лучше со мной».*

– Вот ч-черт! – выругался Коул. От усталости скоро глюки пойдут. Да тут еще тревога за Кэтц и попытки принять то, что случилось. Убийства. Пытаясь справиться с этим, от подошел к определенной грани – чего с ним не было с того случая в юности, когда он переборщил с дозой.

«Вот ведь черт, не хватало еще сбрендить», – подумал Коул. И тут до него дошло: а ведь дело, может быть, не только в нем. Город не в силах остановить его в течение дня, но может с ним контактировать. В конце концов, автомобиль – всего лишь движущаяся деталь города, все равно, что кровяная бляшка в венах человека. А через автомобиль… *Поговори лучше со мной.*

– Нет уж, – вслух сказал Коул и сам над собой засмеялся.

«Расслабься. Подумай как следует о том, что ты делаешь», – навязчиво шелестел ветер над машиной, настойчиво постукивали поршни.

«Это галлюцинации или сам Город? – уже совсем недоумевал Коул. – *Или и то и другое?»*

Машина поглотила его. Увозила против его воли. Мчала в своем чреве в какой-нибудь мрачный подземный гараж, в бетонных недрах которого ему суждено провести вечность. Автомобиль обладал своей волей – руль крутился сам по себе. Он почувствовал себя в ловушке, сплавленным с виниловым сиденьем, расплющенным меж стеклами…

С сердитым рыком Коул рванулся и сел вертикально, потряс головой. Опустил боковое окно, чтобы лицо обдало порывом холодного воздуха. Странная дезориентация прошла. Он снова

поднял окно, оставив щель для свежего воздуха, и для разнообразия включил радио. Из динамика, как из преисподней, грянуло сонмище голосов, пока Коул не настроился на программу новостей: «…на данный момент для почтовой службы становится не только логичным, но и неизбежным переход на стопроцентно электронную передачу печатных изданий, за исключением посылок. Сегодняшние шестьдесят процентов неэффективны. Единообразие – это веление времени, и, конечно же, мы не можем надеяться на эффективное, соответствующее требованиям сегодняшнего дня управление разобщенной почтовой системой, поэтому появилась необходимость обязательного установления транстерминалов данных в каждом доме, рассчитывающем на получение почты. Достоинства с лихвой перевешивают недостатки. Это же очевидно, что печатать у себя на дому письмо, которое тут же передается в качестве единицы, в зависимости от…»

Коул переключил на другую станцию. «Ну что, обычной почте каюк, а? – пробормотал он, перескакивая с канала на канал. – Гадство, а мне вот нравится вскрывать письма!»

«Гуляя» по коротковолновому диапазону, он случайно выловил фразу: «…поступившей информации, активисты…» и, спешно дернув туда-сюда рычажок настройки, остановился на нужной станции: «…но если эти мужчины и женщины не являются слугами правопорядка – а факты свидетельствуют, что они далеко не те робингуды, за которых себя выдают, – тогда кто же они? Их вчерашнее появление на рок-концерте и разразившаяся бойня – полное противоречие тщательно создаваемому имиджу. Наш журналист попросту отметает выдвинутый ими аргумент (если таковым можно считать анонимно подброшенную на наш канал запись с заявлением, что этот концерт представляет собой "апофеоз моральной распущенности и безнравственности"). Что может быть голословнее! В то время как в действительности все гораздо проще: причина в том, что группа "Праязык" отказалась иметь дело с Союзом поп-исполнителей, которым – это и ребенку известно – заправляет организованная преступность. Что же получается: так называемые активисты на самом деле не что иное, как боевой отряд мафии?…»

– А вы, мудаки, что думали? – съязвил Коул.

Он выключил радио: шоссе закончилось. Теперь, если управление не переключить на ручное, машина угрожала немедленно припарковаться: зона автоматики заканчивалась.

Коул отключил автопилот и взялся за руль, свернув под указателем «Бульвар Сан-Педро». Проехал где-то с милю,

сосредоточенно покусывая губу, несмотря на то, что она была рассечена и болела. По мере приближения к кварталу, где надо было начинать поиски активистского логовища, начали оживать следы давешних побоев, словно в предостережение.

«Психосоматика», – поставил себе диагноз Коул.

Вот она, та улица. Коул повернул в нее. Дыхание отдавалось в ушах резким эхом. Он рулил левой рукой; правая – в кармане куртки, на влажной от пота изящной рукоятке пистолета.

Население Окленда состояло по большей части из афроамериканцев, поэтому рекламные плакаты, взывающие с заборов стройплощадок и многоквартирных домов, изображали в основном улыбающихся смуглянчиков – якобы представителей среднего класса, – предлагающих сигареты и коллекционные вина или танцующих диско. Более свежее поколение плазменных щитов за толстым стеклом жило неугомонной жизнью, показывая, как бодрая негритянская молодежь «отрывается» под музыку рекламируемых радиостанций.

Темные лица, куда менее жизнерадостные, чем их громадные «портреты» на нависающих рекламных щитах, с угрюмым любопытством взирали на Коула из окон домов и дверей забегаловок, возле которых теснились кучками. Коул проехал две заброшенного вида евангелистских церкви, обе с рукотворными вывесками: «ХРАМ СВЯТОГО РОКА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА» и «ХРАМ ХАРД-РОКА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА». Коул невольно улыбнулся. Улыбка превратилась в гримасу, когда он вдруг увидел мотель, в котором разговаривал с Городом. *«Город,* – прошептал Коул. – *Спи… или помоги мне».*

И вот он, дом. Двое негритят в африканских косичках, стоя поблизости на потрескавшемся асфальте тротуара, разглядывали обугленный фасад одноэтажки со скорбными глазницами окон. Коул проехал мимо; сердце стучало сильнее, чем поршни машины-маломерки. Он припарковался кварталом ниже, перед очередной винной лавкой. *«Она сейчас там,* – лихорадочно думал он. – *Я возле нее».*

Коул сидел в машине. Руки предательски дрожали.

«Быстро! – велел он себе. – *Живо».*

Он вылез из машины, сжимая пистолет в кармане, и, захлопнув дверцу левой рукой, повернул назад, в сторону дома.

Казалось бы, что тут можно предпринять? Тем не менее, он упорно шел, держась во влажном затенении облупленной гостиницы. Можно сообщить в оклендскую полицию, что здесь совершено похищение и необходим рейд опергруппы – не пойдет, они тотчас перепрячут Кэтц.

Не оставалось ничего иного, как попытаться проникнуть

откуда-нибудь сбоку или сзади; схватить кого-нибудь со спины, приставить ему к голове пистолет и затребовать в обмен Кэтц. Вроде это срабатывает – показывают же по телевизору.

Самоубийство. Но он продолжал идти.

Находясь еще метрах в десяти, Коул вдруг остановился, заметив нечто странное в узком, усеянном битым стеклом проулке между двумя двухэтажками. И вперился. А таращился он… на себя самого, и тот, незнакомый Коул улыбнулся.

Одет он был по-другому, но это был, без сомнения, он сам… не считая странноватого выражения лица. На ум пришел термин *«астральный двойник»*. Коул поочередно оглядел улицу в оба конца – вроде никто не смотрит. Он шагнул в узкий проулок. Взгляд его теперь не отрывался от незнакомца, будто тот по мере приближения мог истаять как мираж.

Коул осторожно пробирался вперед, переступая кучки собачьего дерьма и куски размокшего картона. От видения его теперь отделяло буквально метра три, и… оно не таяло. Наоборот, улыбалось, словно забавляясь. Хотя на таком расстоянии оно просвечивало насквозь. Как полупрозрачная, не очень качественная голограмма.

– А я-то думал, мне всю эту хмарь из башки выдуло ветром, – пробормотал Коул.

Но ощущения, что все это просто мерещится, почему-то не было. Перед ним действительно находился силуэт, пусть не вполне четкий, но и не вполне призрачный – такая же уместная часть пейзажа, как, скажем, дым из трубы.

Призрак (а думалось о нем именно так) расхохотался. Смеялся он как-то грубовато, но, когда заговорил, голос (в точности как у Коула) донесся сипловатым шепотом: «Коул, старина, видел бы ты сейчас свою физиономию! Хотя увидишь ты ее непременно, когда наши фокальные точки поменяются местами».

И зашелся дурацким смехом. Коул, протянув руку, провел по шелушащейся деревянной стене дома, чтобы соприкоснуться с чем-нибудь осязаемым. *«Если это галлюцинация, она проявится везде, куда бы я ни посмотрел»*. И таращился теперь на блеклую стену, высматривая собственный зыбкий образ среди пыльной шероховатости облезающей краски. Тщетно: никакой мираж там не проступал. Тогда он обернулся и посмотрел в проулок: силуэт стоял там. Именно там. И вот тогда Коул пережил холодящий прилив дежа-вю, который, схлынув, унес с собой всякое недоверие. Вся сцена вдруг показалась нормальной, уместной. Неизбежной.

– Странно, – заговорил полупрозрачный Коул, держа руку в

кармане куртки, – но я отчетливо помню все, что ты сейчас думаешь: и насчет того, чтобы поглядеть на стену в поисках миража, и дежа-вю. Причем все это вроде происходит со мной и сейчас, только… только слегка отдаленно, как во сне. Сечешь?

Коул лишь онемело кивнул. Он сек.

– В сущности, – продолжал астральный двойник, – я вспоминаю то, что говорю тебе сейчас, – словно слышу эхо с опережением перед тем, как произнести слова. Что странно, поскольку я говорю о феномене… то есть… – Он хохотнул, при этом глаза у него чуть выпучились, как у безумного. – То есть… Я знал, что собираюсь сказать именно то, что говорю сейчас, поскольку уже пережил до тебя… Когда смотрел на себя здесь, из того тебя, которым ты являешься сейчас, и собирался… Ну, когда я пришел сюда, чтобы встретиться с тобой, предостеречь тебя, то планировал намеренно сказать что-нибудь такое, что не совпадало бы с тем, что я произношу сейчас; но вот опять же произношу: *«…намеренно сказать что-нибудь такое, чтобы не совпадало бы с тем, что я произношу сейчас»* – то самое, что собирался изменить, так как знал, будучи тогда тобой, – тем, кто сейчас это слышит, – что именно я произнесу… В общем, странная и сумасшедшая какая-то цепочка, правда? Просто охренеть! Однако ты не рехнулся, Коул: я действительно реально существую. Я даже… э-э… плотен – только не в привычном для вас понимании. Понимаешь, с вашим миром я соприкасаюсь лишь поверхностно. Физически прочно я существую *здесь,* в измерении абсолютного факта городской сущности…»

– Ты сказал «предостеречь»?

– Вот-вот, я помню именно эту твою фразу! То есть я помню, когда ты… то есть мы… то есть я был тобой, и я потерял терпение и спросил себя насчет…

– Да ну тебя! – почти крикнул Коул.

– Вот, именно так ты и сказал! – хихикнул «феномен». – Так вот и сказал: «Да ну тебя!» Именно когда я сказал *«потерял терпение и спросил себя насчет…»*

– Слушай, – уже в отчаянии, сквозь приливные волны дежа-вю взмолился Коул, – скажи мне, от чего «предостеречь»…

Но каким-то образом одновременно с тем, как полупризрак согласно закивал (дескать, «сейчас скажу»), каждое его слово словно предвкушалось Коулом заранее, входя в сознание как гвоздь.

– Коул, не входи в дом. Я пришел, чтобы тебе это сказать. Ты на перепутье во времени, и я пришел, чтобы направить тебя по нужному пути. Хотя это глупо: ведь я *уже* прошел по нему, когда был тобой, и *знаю,* какой маршрут ты выберешь… хотя, опять же,

и я вместе с тобой вышел именно на ту развилку, потому что пришел и предупредил тебя. То есть меня. Или все же тебя? Ну пр-ро-сто охренеть, какой парадокс! Думаю, «парадокс» и есть то самое слово…

– Если не считать риска… почему я не должен лезть в логово активистов? – потребовал ответа Коул, с нарастающим ужасом глядя на искаженное, какое-то блаженное выражение этого лица – *его лица, уже мертвого?*

– Потому что… ха-ха-ха! Гм. Ну, ты сам подумай; кстати, я помню, что эту фразу уже говорил. Ты этим утром был уставшим. Иначе бы призадумался: с чего бы вдруг тот активист взял и выдал, где находится Кэтц? Очевидно, он сам хотел, чтобы ты сюда пришел. Так просто их не возьмешь, дурачина. Свой штаб они переместили, рассредоточили по трем местам. Там в доме сейчас трое, с оружием, ждут тебя. Чтобы убить.

Коула это не удивило. *«Идиот»,* – подумал он.

– Но черт побери, где же Кэтц? И что нас ждет? И как я стал тобой? И вообще…

– Ладно, я скажу тебе, где Кэтц, – прервал призрак с ухмылкой. – Но остальное я тебе сказать не могу, потому что не успел это сказать, когда был мной. Я помню, что тогда не сказал, поэтому не могу сейчас. Но ведь действительно – просто охренеть…

– Ну где же она, чтоб тебя?!

– В Беркли, Четвертая улица, дом тридцать четыре двадцать два, сразу за университетом. Там сейчас четверо, играют в карты. Ее заперли в кладовке. Тебя они не ждут, но вооружены. Я бы посоветовал тебе найти помощников, но ты, насколько мне помнится, этого не сделаешь, потому что весь в порыве… Хотя ой, не могу сказать, потому что…

Коул повернулся к *себе* спиной и кинулся прочь из проулка, в то время как полупризрак кричал вслед:

– Я знал, что ты бросишься наутек сразу после моих слов: *«Не могу сказать, потому что…»*

Коул бежал обратно к машине.

Коул мчал на предельной для жизни скорости, подсадив на хвост полицейскую машину, которая отстала на выезде из Беркли. Он гнал неистово, свирепыми сигналами отпугивая пешеходов, срезая через зеленые аллеи зажиточного пригорода.

Пулей взлетел по гравиевой дорожке, еле разминувшись с мальчиком-велосипедистом, успевшим увильнуть и врезаться в забор. Коул мчал визжащую шинами машину к университету. Просвистел на красный свет через Третью улицу, свернул не

сигналя на Четвертую и понесся на всех парах по тихой улочке, лихорадочно считывая номера домов. Даже его собственный страх за ним не поспевал. Страх от проблесков содеянного – и страх собственной ярости.

Быстрее.

А вот и дом: флигелек с красной лепниной в псевдоиспанском стиле с умирающим газоном, обрамленным карликовыми эвкалиптами. Рядом – синий пятидверный «бьюик». Коул подчалил справа, даже не удосужившись припарковать машину; просто бросил ее посреди улицы.

Боясь затормозить и о чем-нибудь задуматься, он выскочил из автомобиля и ринулся через улицу к дому. Солнце висело над южной частью бухты, и язычок фотонного тепла ласково лизнул Коулу лысеющее темя. Запахи эвкалипта, горячих гамбургеров…

Быстрее.

Он побежал к задней двери, уповая на то, что в окно сейчас никто не смотрит. Миновал запущенный внутренний дворик со ржавеющим остовом «фольксвагена» в покосившемся деревянном гараже. *Не пялься. Быстрее. Быстрее!*

Взбежал по ступеням заднего крыльца. Цементные ступеньки шуршали негромко, однако распахнутая пинком рассохшаяся дверь будто выстрелила, издав резкий щелчок. Рывком выхватив из кармана пушку *(давно надо было, балда!),* исступленно оглянулся вокруг. Какой-то мужик поднял взгляд от кухонной плиты (причем двигаясь нарочито медленно, как в замедленном повторе спортивного момента – будто Коул разогнался до такой бешеной скорости, что двигался и мыслил теперь на порядок быстрее, чем в обычном темпе); Коул метнулся к нему, одновременно вскинув ствол ему в лицо и нажав на курок. Буквально через секунду после выстрела (мимоходом он успел заметить, как, прежде чем повалиться навзничь, человек озадаченно скосил глаза, напоследок разглядев пулю, вошедшую ровно меж них) Коул был уже в соседней комнате, выстрелив еще в троих (те же замедленные движения, осоловелые попытки выговорить слова, так и не успевшие вырваться из горла перед тем, как каждому досталось по пуле). Коул был так близко, что промахнуться было трудно. При этом крайнему слева пуля попала всего-то в плечо, и он, упав, откатился за массивный деревянный шкаф, нашаривая в кармане пистолет. А вот Коула в этот момент начала одолевать инерция. Он словно замедлялся, в то время как активисты разгонялись: двое корчились в агонии, хотя уже в нормальном темпе, а третий целился. Коул всем корпусом качнулся влево, двигаясь с усилием, словно сквозь какую-то вязкую жижу. Об пол он ударился в тот момент, когда пущенная

активистом пуля высадила оконное стекло сзади. Коул приземлился на поврежденную руку, и от боли стало трудно управляться с оружием: конечность повисла, словно тряпочная. Кто-то спешил в переднюю дверь. Она распахнулась, и в проеме показались двое крепких мужчин: брюнет и блондин в солнцезащитных очках. Оба при пистолетах.

С треском вылетела дверь кладовки; наружу, щурясь, выскочила Кэтц. Одним движением она подобрала пистолет, оброненный одним из бездыханных активистов возле перевернутого карточного столика. В комнате слоисто висел едкий дым от выстрелов. Лежащий за шкафом активист выстрелил снова, но опять не попал: рана в плече не давала ему нормально прицелиться. Коул пытался совладать с поврежденной рукой и более чем некстати обронил в суматохе пистолет. Кэтц стояла на одном колене, целясь… в него? Нет – ему через плечо, в вошедших. Один из них как раз благополучно избежал пули, которая пробила шкаф и досталась его раненому товарищу.

Комнату дважды сотряс грохот выстрелов, и двое вбежавших активистов рухнули. Один – раненный в ногу брюнет – выронил ствол, с руганью поднялся и захромал в сторону двери.

Коул пожирал глазами Кэтц. Ну, чистое привидение – бледная, окровавленная, один глаз подбит, волосы всклокочены, дрожащие руки изо всех сил сжимают оружие. Она стояла на коленях; на лице – шок, ужас и триумф (три последовательных выражения за три секунды). Затем она выронила ненужный уже пистолет. Коул согнулся пополам, рыдая без слез: напряжение резко спало.

Кэтц помогла ему встать, и вместе они, пошатываясь, спустились по ступеням заднего крыльца на свежий воздух. Они поспешили к машине. Где-то выли, приближаясь, полицейские сирены. Люди из соседних домов всматривались в подозрительную пару, щурясь в свете наступающего дня.

Коул сел было на водительское сиденье, но Кэтц его твердо оттеснила. Он подчинился ее подавляющему хладнокровию и, прислонясь к дверце, расслабился и задремал, устало думая: *«Дай-то бог перебраться за мост и спрятать машину, пока легавые не выяснили у соседей ее номер».*

Но, как видно, с полицией шашни заводить никто не собирался. Они без труда добрались до квартиры гитариста Кэтц в Сан-Франциско (он на несколько дней уехал).

И там, обнявшись, заснули.

– Я уже несколько часов как собиралась вырваться, – рассказывала Кэтц. – Из веревок выпуталась, все такое. Просто не

могла решить, когда именно вышибить дверь. Ждала, пока они заснут.

– Я так и понял, – сказал Коул. От этой темы ему становилось неуютно.

Они сидели в небольшом кафе на углу. Солнце мелкими бликами искрилось на вершине небоскреба; сам город играл предсумеречной рябью. Почти весь день они проспали на шишковатом матраце в квартирке на Кастро-стрит, где почти одновременно проснулись часа два назад, обнаружив, что все еще лежат в обнимку. Физически близки они не были еще ни разу. И когда Кэтц, к изумлению Коула, не отстранилась, а притиснулась ближе, он смутился. У него сильно затекла рука. Но, вспоминая об этом моменте, он изнутри буквально лучился.

Они прибрались, как могли обработали свои ссадины и, позавтракав булочками, пришли сюда.

Теперь в синеватом свете, преломляющемся через пыльное стекло у заставленного кружками столика, в профиль Кэтц смотрелась несколько помято, но все равно впечатляюще. Она сидела, поставив локоть на стол и подперев ладонью чуть выступающий подбородок. Нос с легкой горбинкой резко очерчивался падающей слева тенью. Взгляд припухших глаз был обращен куда-то внутрь – как ни странно, синяки ей шли: эдакий сценический макияж ангст-рокерши. На ней была простая короткая черная блузка с глубоким вырезом, в котором проглядывали небольшие крепкие груди. От Коула не укрылась свежая полоска шрама.

Ее лицо выражало королевскую скуку, а черный лак ногтей и черная помада придавали облику солидность.

Они уже долгое время сидели молча. Коул сознавал все растущую напряженность этой паузы. Чтобы чем-то себя занять, он прихлебывал капуччино, в подражание Кэтц напустив на себя самоуверенный и отвязный вид. Разговаривать об утренней перестрелке не хотелось. Но на ум больше ничего не шло, а надо же хоть о чем-то говорить. Чтобы сгладить напряжение, пузырем взбухающее между ними.

«Что-то должно произойти», – подумалось Коулу.

– Э-э… Ты знаешь, я как-то… – начал он, путаясь в словах, – короче, не запомнил лиц этих… ну, которых… нынче утром… Вроде бы и надо… в смысле, они же первые, которых мы увидели без этих дурацких масок. Но… знаешь, смешно: я утром как будто разгонялся, набирал и набирал скорость, пытался тебя найти, и… все слилось в какое-то пятно. Я их даже не запомнил. Как будто на них по-прежнему были маски – я воспринимал их лица как розовые пятна… Что, наверно, как-то гнило, неправильно. Ведь

если ты, – он понизил голос, – пускаешь кого-то в расход, то по крайней мере должен разглядеть его лицо. В моральном смысле я…

– А по мне, наоборот, – качнув головой, Кэтц словно помножила его мнение на ноль. Она говорила, не отводя глаз от улицы за стеклом. – Масок своих они не снимали, пока не связали меня и не бросили на ночь в кладовку. Так что я их и не видела, а потом уж и не всматривалась, когда… ну, этим утром. Но я и не хочу знать, как они выглядели. Не желаю помнить.

– Я вообще больше не желаю прикасаться к оружию, – признался Коул.

Кэтц пожала плечами.

– Расскажи, как ты меня нашел.

– Я уже рассказывал за завтраком.

– У меня голова не работала. Наверно, я не так поняла.

– Хорошо… – И, гуляя взглядом по крикливому Бродвею, что становился все более людным, Коул рассказал ей и о нагрянувших к нему в квартиру незваных гостях, и о предостережении астрального двойника.

Когда он закончил, Кэтц лишь хмуро кивнула.

– Ну? – хохотнул Коул. – Что ж ты не говоришь: «У тебя крыша поехала»? Этот призрак, он же мне привиделся?

Кэтц взглянула на него с мягким удивлением.

– Нет. И «крыша» твоя здесь совершенно ни при чем. Ты же нашел меня? Как бы ты иначе смог это сделать? Так что, получается, все это правда. Во всяком случае, я к подобным вещам привыкла. Для меня, – она махнула рукой в сторону окна, – этот мир полупрозрачен. Иногда я проглядываю *сквозь* него… Сейчас я не в форме. А вот ночью чувствовала, что ты за мной придешь. Когда именно, я не знала, но чувствовала, что ты в пути.

Коулу стало любопытно, улавливает ли она его шальные мысли. Он покраснел и попытался разгадать выражение ее лица. Представил, как они занимаются любовью. Кэтц задумчиво глазела за окно, легонько постукивая ногтями по ободку кофейной чашки. Коул облегченно вздохнул: нет, не улавливает; она же сказала, что у нее сегодня с этим не очень. Дар провидения приходил к ней и уходил.

За стойкой слева от Коула раздался звон осколков… «Блин!» – ругнулся официант, подбирая с пола разбитую чашку. Кафе поистине волшебными темпами заполнялось нахлынувшими посетителями. Кофейные автоматы – колонки из хрома и полированного дерева, изящно сработанные под старину, – с шипением выплевывали порции капуччино, а женщина с короткой

оранжево-синей стрижкой принимала карточки «Интерфонда», заученными движениями робота вставляя их в машинку-терминал. «Спасибо», – монотонной скороговоркой повторяла она, поглядывая на экран. «Спасибо», – возвращая карточку. «Спасибо», – вставляя-пробивая-считывая-возвращая пластиковый прямоугольник. «Спасибо… спасибо… спасибо…»

Столы в узком помещении тесно обсели ангст-рокеры из нового «Клуба Глухих» (что находился на той же залитой неоном улице). Там же сидели и садомазо-извращенцы со своими ясноглазыми рабами-партнерами в ошейниках и одеяниях животных исчезающих видов, увешанных золотыми цацками в виде кредиток.

Снаружи толпились ангстеры, пижоны, деловито снующие китайцы и туристы. Самая разная публика в беретах, с прическами-«хвостами», в джинсе с кожаными заплатами и татуировками торговала марихуаной и газетами из экобумаги – «назад к природе».

«Зачем тогда в городе живут, если хотят назад к природе?» – пробурчал Коул.

За стеклом со смехом прошествовала группа ангстеров в тюремных робах. Один из них слегка отставал – на щиколотке висели миниатюрные кандалы.

Коул глянул на Кэтц. Напряжение между ними возрастало. Она нацепила узкие темные очки и резко поднялась из-за столика. Коул надел свой старый мотоциклетный кожан, и они вышли на вечернюю улицу.

Небо полиловело; несколько узких облачков подернулись снизу фиолетовым. На горизонте фаллически вздымался Койт-Тауэр. Они шли рядом, просеиваясь сквозь людскую толчею. Кучка туристов-японцев сфотографировала Кэтц; та рыкнула на них, заметив вспышку. Туристы восторженно захихикали. Воспринимаемые боковым зрением блики неона и бесчисленных лампочек работали в усталом мозгу Коула как галлюциногены; бриллиантовой пылью сияли наслоения световых реклам. Коул стал понемногу расслабляться, чувствовать себя дома. Вспыхивающие символы в бесконечном ряду клубов для нудистов-садомазохистов-зоофилов-свингеров подмигивали, словно общаясь на своем тайном языке. Их вывески составляли живописный контраст мрачной паутине проводов подвесной электродороги; колеса электробусов сыпали снопами искр, попадая на стыки проводов при поворотах.

Стайки чаек, хлопая крыльями, снимались с карнизов и принимались чертить над крышами зданий нисходящие круги, словно были подвижными деталями какого-нибудь механизма.

Обычные обитатели улиц – ангстеры, пижоны, зазывалы, путаны – разгуливали туда-сюда по запруженным тротуарам, предъявляя себя в эпатажных обличьях, превращаясь на расстоянии в калейдоскопическую кляксу; Коул подметил их сходство с японскими демонами.

Лазерный луч вычерчивал на облаках: «Посетите – нас – в Нефритовой Башне – непринужденная атмосфера – для – элегантно нефритовых -».

Напряжение между Коулом и Кэтц унялось; Коул уже почти воспрял духом (блокируя мимолетные образы смазанных лиц с кровавыми подтеками; человека, скосившего глаза к аккуратному пулевому отверстию во лбу).

Однако, когда Кэтц взяла его за руку, он вздрогнул. А когда до него дошло, что она ведет его к себе, ладони непроизвольно вспотели.

Когда достигли подножия холма, пройдя Чайна-таун с его буйством запахов, витринами, изобилующими фарфором и нефритом, повсюду десятки тысяч раскосых глаз, Кэтц внезапно остановилась, чуть дернув его за локоть. Коул вопросительно на нее посмотрел, стараясь не выдавать свое волнение. Но вопрос задала она:

– В чем дело, Стью?

– Да так, ничего, – ответил он (а сам только и подумал: *«Бог ты мой, она начинает улавливать мои мысли»)*.

– Нет, я серьезно.

Коул резко дернул плечами.

– Я… я не знаю, Кэтц. Наверное, беспокоюсь о Городе… ну, что он нас все время достает… И вообще, уже почти ночь. А ты… я уже, кажется, говорил, что он не помог мне отбить тебя у этой мрази.

– На это мне плевать. Я тоже так думала, правда. Я даже думаю, он каким-то образом подстроил, чтобы эти шныри меня схватили, когда я шла к тебе. Он прав: я ему не доверяю. Он – подсознательное сотен тысяч слабых, ненадежных людей, Стью. Ты думаешь, у людей в этом городе все в порядке с головой? Да ни фига. Под каждой внешне безмятежной черепушкой – целое змеиное гнездо. Помню, в юности у меня как-то вышел перебор по «дури». Все было ничего, пока я не потеряла над собой контроль – то есть вообще перестала соображать, где я, – и пошла шляться в полной бессознанке. А поскольку мое бессознательное было агрессивно, я начала крушить все вокруг…

Он во все глаза смотрел на нее. Приходилось говорить громко, чтобы перекричать скрежет взбирающегося на крутой склон трамвая.

– Тогда зачем ты с ним пошла? Зачем помогала нам?

– Ты знаешь, зачем. Город тебе сказал, – мрачно заметила она. – Хотя эту часть ты мне и не озвучил.

Хорошо, что в сгустившихся сумерках она не видела, как он залился краской.

– Черт возьми, я веду себя как перепуганный школьник, – промямлил он.

Кэтц коротко рассмеялась.

– Так забавно, когда ты сам с собой разговариваешь.

В ее тоне не было насмешки, но Коула все равно кольнуло. Нахмурившись, он отвернулся.

– Я думаю, тебе надо оставить город. Он может тебя убить.

– Может, я так и поступлю, – сказала она. – Признаться… я тоже напугана. Просто делаю вид, что нет. Хотя с тобой я притворяться не буду. – Голос Кэтц зазвучал неожиданно нежно. – Я… Черт возьми, я думала, что с ума сойду в той кладовке ночью. Насиловать они меня не насиловали, но я боялась, что они это сделают. Я просто не хочу пережить такое снова. Это глупо. Хочу просто взять свою группу и уехать. Но ведь и ты не можешь оставаться здесь. *Он* взял тебя… почти целиком. Скоро у тебя не останется собственной воли, Стью. Тебе тоже нужно уезжать.

Коул беспомощно пожал плечами.

– Не знаю, получится ли. Разве что ненадолго… Не знаю.

Переключился светофор; загорелась надпись ПЕРЕХОД. Так они и сделали – пересекли улицу, поравнявшись на следующем углу с антикварной лавчонкой, где на запыленной витрине стояла деревянная статуэтка цыганки-гадалки. В этом окошке, сломанная, она стояла уже, по меньшей мере, лет двадцать. Когда они проходили мимо, Кэтц вдруг вздрогнула, судорожно схватив Коула за руку. Она застыла как вкопанная, впившись взглядом в деревянную фигурку, в побитую временем физиономию старой карги, взирающей на них с недоброй улыбкой.

– Эта голова, – прерывисто заговорила Кэтц, – она… она раньше смотрела не в эту сторону. А теперь, когда я проходила мимо, она повернулась и стала смотреть на меня. Я заметила краем глаза…

Кукольное лицо старухи-цыганки зловеще косилось. Коул припомнил: да, голова статуэтки и правда смотрела в другую сторону.

– Может… у нее механизм вдруг ожил. Вибрации от машин или еще что-нибудь, – предположил он неуверенно.

Спеша, почти волоча Коула за собой, через плечо Кэтц бросила:

– Вздор! Это Город. Я чувствую. Он смотрит на меня. И будто

подсмеивается. Предупреждает. Он оживает. Идет вслед за мной… Блин! – Голос у нее сорвался.

Они почти бежали вниз по смеркающейся улице. Около входа в метро Коул вдруг приостановился. Кэтц тоже; нетерпеливым жестом сдернув с себя очки, она вопросительно взглянула на него.

– Скоро подойдет поезд в южном направлении, – произнес вдруг Коул, уставясь в землю.

Кэтц поглядела чуть насмешливо.

– Откуда ты знаешь? С расписанием, что ли, успел ознакомиться?

Коула пронизал холод. Откуда ему это известно? Он перевел взгляд на угол улицы.

– Подходит автобус на Мишн-стрит.

Кэтц тоже посмотрела в том направлении. Через пару секунд на углу мелькнул и скрылся электробус со светящейся маршрутной табличкой: «Мишн-стрит».

Кэтц смотрела на него. Коул чувствовал себя странно. По коже гулял холод. И ног он не чувствовал. Между тем ночь была теплая – просто ступни онемели, как на морозе. Будто пристыли к асфальту. Коул несколько раз ими топнул, чтобы как-то оживить кровообращение. Затем поднял глаза. И произнес:

– Сейчас из-за угла выедет грузовик, а за ним черный на мотоцикле.

Секунда-другая, и мимо неторопливо прорулил желтый трейлер, вплотную к которому держался темнокожий парень на серебристом «харлее».

Кэтц взирала на Коула с неподдельным ужасом.

И в этот момент в телефонной будке сбоку раздалась призывная трель.

Створчатая дверь старомодной кабинки отворилась сама собой. Трубка сорвалась с рычага и раскачивалась, словно требуя внимания. Коул машинально тронулся туда, протягивая руку.

Кэтц проворным движением встала, преграждая Коулу путь в будку, и уперлась руками ему в грудь.

– Не разговаривай с ним! Ты ведь знаешь, что это он. Не надо – хотя бы сейчас. Это он, он сейчас пробуждается к жизни… и ты становишься частью его.

Коул стоял как оглушенный, задумчиво обращаясь к самому себе.

– Все устройства в мире взаимосвязаны, – бормотал он, не совсем внятно сознавая окружающее, – электрические провода, телефонные кабели; как большая электронная паутина. Опять же, трубы… – Коул закрыл глаза. Теперь он различал: где-то в

бесконечной глубине внутреннего взора, накладываясь друг на друга, среди рябящей черноты голубовато высвечивалась бескрайняя схема электрических нейронных каналов города, связанных меж собой зданий и топографических точек, гнезд электростанций, и…

Коул оторопело распахнул глаза. Щеку странно жгло. Понятно: Кэтц дала ему пощечину. Он, не противясь, дал себя подвести ко входу в метро.

– Ну давай же, – понукала она, – давай.

Кэтц тащила его за руку; Коул безропотно шел, как в полусне. Вместе они спустились в царство яркого света и белого кафеля. Сунув интерфондовскую карточку в настенный компьютер, Кэтц купила два билета с магнитным кодом.

Все еще отрешенный, словно во сне, Коул дал себя завести в обтекаемую, поблескивающую сигару поезда.

Станция «Барт»… Двери за спиной с негромким шорохом сомкнулись, и по потертому ногами ковру они подошли к сиденьям возле широкого, разрисованного вязью граффити окна. Пассажиры в вагоне негромко переговаривались или читали газеты. Час пик давно миновал, в южном направлении следовало не больше дюжины человек.

Все это Коул подмечал четко, но безразлично, как будто все вокруг – пассажиры, а заодно и части самого поезда – были лишь необходимыми шестеренками грандиозного механизма города.

Работа городского метрополитена представляла одну из его функций. Платформа станции двинулась, поплыла и, ощущая подспудное удовольствие от безупречной слаженности проглотившей его махины, Коул начал умиротворенно считать лампы, проплывающие в недрах тоннеля. Так вот сидел и слушал ритмичное постукивание колес, дыхание сквознячка из углов вагона…

Однако через некоторое время он вдруг очнулся от бесконечного созерцания городской топографии. Нервно огляделся, чувствуя себя потерянным, одиноким, потерявшим ориентацию, – и понял, что покинул зону влияния Города.

С облегчением убедился, что Кэтц – вот она, рядом. Сидит, подтянув колени к подбородку и упершись каблуками в спинку переднего сиденья, покуривает самокрутку.

– Здесь же нельзя курить, – ухмыльнулся Коул. Она слабо улыбнулась.

– Молчал бы уж, мудачина.

Он скользнул ладонью по руке Кэтц; ее теплая, чуть влажноватая кожа так и льнула к нему. Коула все еще слегка

знобило.

– Э! А куда едем-то?

– Это тот самый поезд, который на юг, дорогуша. Идет через новый тоннель от Барта и дальше, за Беркли. Новый, всего месяц как курсирует. Почти до самого Сан-Хосе. Путь неблизкий, но… думаю, туда ему не дотянуться.

Коул кивнул.

– Я почувствовал, что ускользаю от него. Удивительно, что он не остановил поезд. Может, для этого ему бы пришлось нас убить. Или…

Она покачала головой.

– Нет, он мог остановить нас на любой станции. Просто не дал бы поезду тронуться с места. Причина, наверное, другая. Может быть, ему известно, – она искоса взглянула на Коула, – что ты вернешься.

Коул глубоко вздохнул.

– Ощущение забавное.

– Как от груди отняли.

– Что?

– Ничего… Эй, а когда ты увидел это – ну, когда угадал насчет грузовика, – это было связано с твоим двойником? Которого ты видел в Окленде. Это он тебе рассказал?

Поезд ровно постукивал по рельсам. Коул, не отрывая взгляда от мелькания ламп в тоннеле, мотнул головой.

– Не думаю. Я в тот момент как будто смотрел чужими глазами. Или заглядывал за угол из перископа. Или смотрел в камеру слежения. Нет, сквозь время я не смотрел… Просто здания сделались… почти прозрачными, что ли.

– Хрень какая-то…

– Я же не выдумываю.

– Да нет, я знаю. И верю тебе. Только… что-то в этом есть нехорошее. Он действительно глубоко в тебя вошел…

Коул проворно сменил тему:

– А ты как считаешь, что это было? Я имею в виду этого несчастного двойника…

– Если б только знать! – воскликнула Кэтц с отчаяньем. Сигаретка у нее потухла. Она зажгла по-новой, чуть нахмурясь при виде следов черной помады на кончике. – Может, какая-нибудь проекция тебя самого, твои скрытые возможности. Все равно, что увидеть впереди самого себя, поворачивающего за угол.

Что-то не правдоподобно.

– Не-а. Он больше… на призрака смахивал.

– Какой призрак! – Кэтц нервно хохотнула. – Ты что,

покойник, что ли!

– Нет, – сказал Коул. А сам подумал: *«Пока* – нет. А скоро, может, буду. *Очень* скоро».

А вот это – правдоподобно.

– Я не знаю, – говорил Коул, куце сидя на краю скрипучей кровати. – Может, мне следует вернуться. Пройти все до конца. Я ведь начал и вроде… присягнул ему, что ли. Бог ты мой, сколько ж лет я из него не выезжал. Я…

– Ах, как ему страшно без па-апика, – насмешливо протянула Кэтц. – Но дело не только в этом. – Она подалась вперед, сделала пальцы ножничками и запустила их Коулу в волосы. – Тебя, дружок, беспокоит кое-что другое, – пропела она тихонько.

Коул инстинктивно отодвинулся. Он чувствовал едва уловимый запах ее тела, пьянящий мускус ее естества. Тем не менее, сидел застыв.

– Слушай, а зачем мы вообще тут заперлись? – Он жестом обвел номер обветшалого отеля «Санта-Круз».

Воздух чуть попахивал плесенью и морем. Обои, уже тронутые по углам грибком, пожелтели и отслаивались. Старинная медная кровать скрипела при каждом движении.

– Тебе и впрямь лучше уехать подальше от Сан-Франциско, а мне… нет. Мне здесь не место. Мне клубом заправлять надо, Кэтц.

– Ох уж эти мне оправдания, оправда-ания, – промурлыкала она.

– Слушай, я…

– А когда ты последний раз? – перебила Кэтц, стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

– Что именно? – Коул сделал вид, что не понял.

– Не строй из себя скромнягу, – заметила она бесстрастно.

– С пару лет, – сознался Коул обреченно. Она прикрыла глаза. Улыбнулась.

– Во-о-он оно что. Вот теперь я настраиваюсь на твою волну.

Коул сглотнул, чтобы не выдать свое смятение. Ох уж этот ее дар…

– Ага-а. – Она обнажила острые зубки в улыбке. – Ага. Тогда ты оказался импотентом (Коул при этом слове буквально дернулся). Это было с какой-то черной шлюшкой. И ты боишься, что импотентом и остался. Боишься, что слишком стар для меня. Боишься, что я тебя каким-то образом использую, потому что не можешь взять в толк, как это я положила на тебя глаз. – Она открыла глаза. – Я скажу, отчего ты мне нравишься, Стью. Благодаря тебе ко мне пришел первый успех, в твоем клубе – черт

побери, сколько уж лет назад! Ты ведь знал, что пройдет время, прежде чем у моей музыки появится свой контингент поклонников, и долго работал себе в убыток. Тем не менее, ты шел на это, потому что полюбил меня, понимал мою музыку и мою поэзию. Ты – единственный, я-то знаю, кто действительно ее понимает. Но речь не просто о благодарности. Я же давно на тебя запала, усекаешь? – Она расхохоталась, глядя на его физиономию. – Это правда, Стью! Я люблю тебя. Город был прав. Единственная причина, по которой я вместе с тобой влезла в эту аферу с ним, – это желание тебя оберечь.

– Послушай, не… В смысле я не… это…

– Этот твой Город – дерьмо несусветное. Ну подумаешь, не встал у тебя пару раз, ну бемольчик вырос. Делов-то! Да мне вообще нравится, чтоб мужички были мягонькие – они нежнее! Я вижу, вижу твои страхи, Стью. Перестань от меня прятаться.

Коул чувствовал, что щеки у него горят.

– Не надо…

– А вот теперь ты злишься, потому я почитываю твои мысли. Я ничего не могу с этим поделать, когда чувствую тебя так близко. Но вот что я тебе скажу: если ты считаешь это вторжением в твой внутренний мир, я могу и отстраниться от твоих, м-м, ментальных образов; от мыслей, которые ты желаешь скрыть, всего такого. Ты можешь хранить их вне досягаемости. Вместо этого я буду смотреть на… на твои чувства. Я способна переживать некоторые твои ощущения. Внутренние и внешние. Это словно обратная связь. Поэтому мы можем испытывать *истинную близость,* Стью.

Коул набрал в щеки воздуха, выдохнул.

– У меня ощущение, будто ты хочешь мне что-то втюхать, – признался он, глядя на потертый коврик под ногами.

– Может, и так. Если это единственный способ до тебя достучаться. – Кэтц прильнула к нему. Ее губы ожгли ему шею.

Коул чуть не спрыгнул с кровати. Нежным движением она потянула его к себе, печально покачивая головой.

– Стью, миленький, расслабься.

– Не могу! – Он мучительно дрожал. Напряжение между ними достигло пика. Он чувствовал, что отступил куда-то вглубь себя и взирает на происходящее как близорукий. – Я не могу преодолеть себя, Кэтц. Мне не хочется тебя разочаровать… Ты не обижаешься?

Кэтц закатила глаза.

– Ты не улавливаешь, – сказала она. И неподдельная доброта в ее голосе заставила его взглянуть на нее с благодарностью. – Ты *можешь* расслабиться, Стью, потому что я от тебя ничего не

требую. Нам совсем не обязательно *круто* заниматься любовью. Я просто хочу обнять тебя, погладить. Нам не нужно… что-то такое *делать.* Мне просто хочется. – Она нетерпеливо махнула рукой. – Мы будем без одежды, но вовсе не обязательно сильно утруждаться. Понимаешь? Мне *не нужно,* чтобы ты непременно в меня входил. Если ты не прочь доставить мне оргазм – прекрасно, на то у тебя есть пальцы и язык, а у меня клитор. Но не это главное. Ты же видишь, индюшонок, я люблю тебя. Поэтому остальное неважно.

Коул перевел дыхание, и что-то внутри действительно расслабилось. От их доверительного общения он почувствовал себя более живым, чутким, податливым. Как-то машинально он потянулся и выключил свет. В комнате сделалось темно, хотя из неплотно зашторенного окна по-прежнему пробивался прохладный рассеянный свет. Достаточно, чтобы видеть ее; и достаточно темно, чтобы не стесняться собственного тела.

Кэтц сняла блузку и обувь, выскользнула из джинсов. Какая-то частица напряжения вновь вернулась, когда Коул внезапно вспотевшими, дрожащими пальцами разделался с пластмассовыми пуговицами, разделся и сложил одежду на прикроватную тумбочку – уж так аккуратно.

Коул повернулся и нежно обнял ее. Это оказалось легко. Он ощутил нежную упругость ее тела, теплую гладкость кожи. Расслабился еще – и вот уже приятное электричество разлилось по телу, от чего в паху возникло ощущение, которого он давно не испытывал. Мельком глянув, подивился: воспрянувший член прочно упирался в ее повлажневшую промежность. Кэтц обвила ногами его бедра, а когда их губы встретились, принялась нежно тереться своим устьем о его член, приглашая. Их губы дрожа слились, и он начал бережно ласкать ее тело руками – без всякой жадности или стремления подчинить.

– Ну, видишь? – нежно прошептала она ему на ухо, проводя пальцами по спине. – Главное – расслабиться. И тогда словно переносишься в другое место. Расслабься – и будет так приятно… Стью…

И ведь она оказалась права.

ШЕС-СТЬ!

Утром, когда Кэтц еще спала, Коул в ванной взыскательно оглядывал себя в большое мутноватое зеркало.

– А что, не так уж плохо, – подвел он итог. – Совсем, черт подери, неплохо.

Напевая, он залез под душ.

Возвратившись в спальню номера, Коул с ностальгией вдохнул ароматы ночной любви. Кэтц, одетая, сидела на краю кровати.

– Давай скорей. – Она нетерпеливо притопнула ногой. – Одевайся, Стью. Поехали.

– Куда это тебя несет? – спросил он шутливо, запустив в Кэтц полотенцем.

Та раздраженно перехватила его и стала задумчиво наматывать на руку:

– У меня этой ночью был жуткий сон. Связанный с тем, что мне привиделось тогда на выступлении; в ту ночь, когда Город впервые явился в клуб. Нам надо уезжать с этого побережья. Не знаю – в Нью-Йорк, еще куда-нибудь…

– Ты с ума сошла!

– Я серьезно.

– Вот так все бросить и уехать?

– Именно. Корабль тонет, старичина. Ты вчера вообще непонятно как умудрился от *него* уйти. Он не хотел тебя отпускать.

– Но он же мог меня остановить!

– Он попытался тебя разубедить, но потом решил, что ты и так вернешься. Идем же!

– После того, что мы натворили, после всей этой пальбы? Я не могу вот так взять и отмахнуться, Кэтц.

Кэтц шевельнулась на кровати, поедая его глазами. Под ее испытующим взглядом Коулу стало неловко, и он начал одеваться. Одежду натягивал как попало, поэтому рубашку пришлось застегнуть заново. Подождав, пока он закончит, Кэтц спросила:

– Ну что, ты решил?

– Извини. Я не могу поехать. – (Мысль о том, почему именно, как-то даже не пришла в голову. Рыба без воды может жить от силы пару минут; причем не задается вопросом, почему ей не живется вне родимой стихии.)

– Да ты что, в конце концов? Прирос к нему, что ли? – в голосе Кэтц не было злости; скорее отчаяние. – Стью,

миленький, – вздохнула она, – ты что, думаешь, активисты дадут тебе жить после вчерашнего? Один из них благополучно ушел. Ты вчера пристрелил нескольких этих подлюг, забыл? Они мертвы. А ты полагаешь, что теперь…

– Да ладно тебе! – Коул болезненно сморщился.

– Они убьют тебя. Только и всего.

– Они меня не отыщут. Меня Город защитит.

– Может быть. До тех пор, пока ты ему нужен. Вдумайся: ты знаешь, что он не может контролировать МТФ. МТФ контролируют его враги, теперь уже и твои, и они отрежут тебе доступ к твоим и без того не великим средствам. И закроют твой клуб. А ты даже в квартиру свою вернуться не можешь: они уже тебя там ждут.

Коул смотрел на нее вытаращенными глазами, объятый нахлынувшим ужасом, – Казанова, до которого дошло, что ему только что отстрелили орган любви…

– Боже ты мой, – только и выдохнул он. Человек без кредитного рейтинга, считай, что не жилец. Карточка без счета – своего рода социальная кастрация. – Но ведь… (слова с трудом выходили из горла)… в другом городе может быть не лучше. Там-то у меня вообще никакого счета нет, чтоб его!

– Это до поры. А постепенно можно и создать. Можешь пожить у меня: у меня есть счет в Чикаго. Несколько лет копила. Могли бы открыть там именной и на тебя – я знаю, что в Чикаго у Своры над МТФ контроля точно нет. Этот город слишком умен, чтобы дать себя оседлать оргпреступности; там с самого начала приняты жесткие меры предосторожности.

Коул расхаживал по номеру, шевеля пальцами возле рта – будто жестом помогая себе выговорить слова, непосильные губам.

– Он… да нет, это… б-блин… я думаю, что… – Он запустил подрагивающую пятерню себе в волосы, тщетно пытаясь выдумать какой-нибудь логический довод, который бы позволил ему остаться; что-нибудь такое, что убедило бы Кэтц. Ну почему, почему она никак не поймет? Он не может расстаться с Городом. Не может, по крайней мере, сейчас. Может, он действительно пустил корни – растение, которое зачахнет без особых химических компонентов, свойственных именно его родной почве. Без бетонных глыб с очертаниями Сан-Франциско; без брусчатки со следами пота, крови, рвоты, слез, семени всех тех, кто шаркает по нему, составляя его мистическую основу. Без путаницы медных проводов; без этого асфальта, алюминиевых лестниц. Без особой, лишь этому городу свойственной конфигурации башен из стекла и стали; без величавых серых громад, которые туристы ошибочно принимают за викторианские

особняки… без самой *почвы* Сан-Франциско. – Ты предлагаешь вырвать из меня мою сущность и пересадить ее куда-нибудь, как лоскут кожи. Для меня это равносильно смерти.

Кэтц разыграла свой последний козырь:

– Ты готов скорее утратить меня, чем Город?

– Знаешь что! – ощетинился Коул. – Это просто несправедливо, вот так…

– Да ну ее на хер, эту справедливость! Нашел о чем вообще! Я люблю тебя, а они жаждут твоей смерти. Они убьют тебя. А он – он просто высосет тебя и выплюнет.

– Город? Нет, он…

– Он использует тебя!

– Откуда ты знаешь! – не вскрикнул, взвизгнул Коул, резко обернувшись. – Тебе ли об этом судить!

Она яростно тряхнула головой.

– Почему он не помог тебе, когда ты просил его спасти меня? И почему он лгал, что все обойдется без крови?!

Холодная решимость овладела вдруг Коулом. Он повелительно выставил вперед ладонь с растопыренными пальцами. Кэтц примолкла в ожидании.

– Я знаю, – сказал Коул. – Знаю. Понятно, ничего хорошего в этом нет. Совсем ничего. Я люблю, люблю тебя, Кэтц. Я бы сказал: я *знаю,* что он меня использует. И знаю, что люблю тебя. Но у меня нет выбора. Я давно уже присягнул на верность. И мне с этим жить, до конца. Я был избран.

– Меня тошнит от этого! «Избран»… Тупое оправдание для террористов, диктаторов и религиозных фанатиков – извечное прикрытие примитивного эгоизма. Я знаю, *что* ты собираешься сейчас сказать: «Кэтц, ты просто не понимаешь». Все я понимаю – и отвергаю. Я отказываюсь быть его рабой. Я готова взаимодействовать с интеллектами городов. Когда чувствую, что это на пользу. С некоторыми из них у меня живой взаимный контакт: тот же Нью-Йорк или Чикаго. Я связана с ними. Они такие же живые, как этот твой Город. Может, не такие активные – но у них есть замыслы. Думаю, они что-то планируют… сообща. Есть некое ментальное поле, в котором они меж собой общаются… так что, если ты…

– Кэтц…

– Если ты считаешь, что он не…

– Кэтц!

– Что?

– Я же сказал: я *знаю,* что он использует меня. Это нечто внутреннее, встроенное. Я должен. Всё?

Она глядела на него, не отступая.

– Нет. Не всё. Нет, на 'уй, не всё! Ты на пути к тому, чтобы стать частью *заставки.*

– Чего?

– Вот в чем наше основное отличие, парень. В каком-то смысле ты сам по себе, нонконформист или как там тебя. Но ты не хочешь им быть. Ты хочешь быть причастным, быть членом Сообщества, старым добрым трутнем в улье…

– Какая чушь!

– Да-да, в глубине души ты жаждешь именно этого. Уж поверь. Поэтому ты так легко контактируешь с Городом. Чтобы слиться. Я, наоборот, с ним не сливаюсь – и вообще избегаю сливаться с людской массой. Я боюсь в ней затеряться. В принципе, ничего особенного я собой не представляю – а кто вообще представляет? – но какой бы мелкой ни была моя личность, я не поступлюсь ею ради Города. Поэтому мне так невыносимо видеть, что происходит с тобой. Может, из ревности. Но я не могу стоять и смотреть. Поэтому, я думаю, он и хочет уничтожить меня. Потому что я всегда буду отмежевывать тебя от него… И неважно, на какие группировки или культы все дробится – будь то хоть неопуритане, хоть неопанки, – в конечном счете это всего лишь мода. Сраная «прикольность», не более. Даже ангст-рок. На самом деле я не ангст-рокерша – это лишь удобный для чужого понимания ярлык, который на меня лепят. А я не собираюсь сливаться с этой кучкой. Это просто упаковка.

– Но быть частью Города – это нечто иное. Да, безусловно, взаимосвязь; но добровольная, естественная…

– Нет, просто он тебе это внушает!

Между ними нависла нелегкая тишина. Кэтц пристально на него смотрела.

– Ты попусту теряешь время, – произнес Коул.

– Да, я вижу. Для тебя слишком поздно, всё… Знаешь, я уезжаю. В Чикаго один чувак говорит, что спродюсирует наш альбом, если я привезу достойный сингл. Так что мы засядем в студию…

– И будете шлепать альбом? Кто же из нас часть «великой машины конформизма»? Ты же будешь продавать себя…

– Нет. Просто получу возможность доходить до большей аудитории. С проповедью нонконформизма…

– Твой имидж упакуют в целлофан, наделают тысячи постеров… Расфасуют как надо; «стиль Кэтц Вэйлен»!

– Сарказм оставь при себе, он мне побоку. – Ее трясло. – Вот блин, а… – произнесла она негромко.

Кэтц пошла в ванную и пустила в раковину шумную струю воды – чтобы он не слышал, как она плачет.

Ранние сумерки; день на исходе. Тень уже вкрадчиво касается ущелистых подбрюший облаков.

Сидя в одиночестве в аэропорту Сан-Хосе, Коул наблюдал, как вылетающий на Чикаго самолет Кэтц, секунду помедлив для нагнетания воздуха в турбинах, разгоняется и плавно взмывает в небо. (Впрочем, «в одиночестве» относительном; люди вокруг казались не то чтобы незнакомыми. Они были не из Сан-Франциско. Не из города Коула. Чужаки.)

Во внутреннем кармане куртки он нашарил бумажку, где Кэтц черкнула свой телефонный номер в Чикаго… Группа уехала с ней. При этом выжига-басист начал было спорить, что, дескать, внес за свою конуру на целый месяц вперед, но уговорам Кэтц почти без боя сдался и передал Коулу ключ.

Может быть, она все-таки ошибалась, и счет ему полностью не обрежут. Может, и клуб у него все еще есть.

– Ага, жди, – усмехнулся он вслух.

Лайнер поглотила низкая гряда облаков, нависающих над аэропортом подобием зловещего джинна. Кэтц не стало.

Она далеко, а он – здесь, в Сан-Хосе, вдали от Города. Коул огляделся. Вокруг – незнакомцы, орды чужаков. Он один, совершенно один.

С трудом подавляя панику, он повернулся и заспешил к эскалатору со спасительной надписью: «ВЫХОД НА УЛИЦУ. К СТАНЦИИ "БАРТ"».

Экранчик банкомата МТФ Коул изучал даже с некоторым злорадством. «СЧЕТ АННУЛИРОВАН», – гласила надпись на дисплее. То есть даже не «ЗАБЛОКИРОВАН ВВИДУ НЕУПЛАТЫ». И уж тем более не «НА ДАННЫЙ МОМЕНТ ВЫПЛАТА НЕОСУЩЕСТВИМА». Применительно к нему, Стюарту Коулу, избрана редко практикуемая анафема: «СЧЕТ АННУЛИРОВАН». Такая, причем лишь в отдельных случаях, применима к террористам, вина которых доказана.

«Она была права», – подумал Коул, отодвигая дверь-гармошку и выходя на улицу. Он стоял на углу Маркета и Саттера, возле неосвещенного купола «Театра Терапевтической Эротики», афиша при входе возвещала: «ВО ВРЕМЯ СЕАНСОВ ПРАКТИКУЕТСЯ НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНИЕ / ВСЕ МЕСТА СПЕЦИАЛЬНО ОБОРУДОВАНЫ / ОБУЧЕННЫЕ ТЕРАПЕВТЫ». «Обученные, как скот на бойне», – пробормотал Коул, отворачиваясь.

«СЧЕТ АННУЛИРОВАН»… Суть происходящего начинала запоздало доходить.

Он медленно двинулся вдоль улицы. Каждый шаг отзывался в груди тупой болью – саднящей раной отверженности.

– Легче просто проказой заразить, – невесело прикинул он вслух.

Миновал по дороге бомжа, храпящего в темной подворотне. *«Даже у них есть счета,* – размышлял он. – *По крайней мере, номера социалки для неимущих и пособия по нетрудоспособности. У всех, кроме меня. Я теперь опущен ниже их».*

Он подошел к телефонной будке и стал ждать, пристально на нее глядя. Что интересно, ждать долго не пришлось: телефон призывно зазвонил.

– Город?! – схватил Коул трубку с безумным облегчением.

– Бенни? – послышался на том конце голос с мексиканским акцентом. – Товар у тебя?

Ругаясь с такой злостью, что с трудом вспоминал смысл слов, Коул швырнул трубку и понуро зашагал прочь. «Город…» – протянул он, чуть не плача. Оглянулся вокруг со страхом, обволакивающим отверженность.

Город отступился от него. Коул чувствовал себя изолированным, блокированным от привычно живого контакта с городской средой.

Город его наказывал.

«Может, со мной все кончено, навсегда. Может, он нашел кого-то другого, кто справляется лучше. А меня… меня оставил навсегда».

Вынырнув слева, вниз по склону загромыхал троллейбус, сея снопы искр; чуть качнувшись, остановился, выпуская на остановке пассажиров. И стал снова набирать ход, уже метрах в тридцати. Сейчас он как раз шел вниз, так что остановиться на всем ходу будет сложновато. Это, пожалуй, единственный способ узнать, какие чувства питает к нему сейчас Город.

Коул выскочил на проезжую часть, чувствуя на лбу холодную испарину. Ему было страшно, очень. Он боялся смерти. Но уж лучше умереть, чем трепыхаться вот так, как подопытная мышка в колбе. Коул в прыжке распластался перед троллейбусом, стиснув кулаки, зажмурясь и стараясь не услышать визга шин. Слышны были вопли пассажиров, понесло озоном от сорвавшихся дуг; от приближающихся колес задрожал асфальт. Предвестьем смерти надвинулась его тень.

И тут улица буквально лопнула.

Коула отшвырнуло по склону вниз. Откатываясь вправо, он успел заметить вывернутую из земли массивную трубу, дыбом вставшую между ним и троллейбусом – тот вмялся в неожиданное препятствие и откинулся вбок, неуклюже взбрыкнув задними колесами. Коул, расставив руки, перестал катиться.

С гримасой боли он кое-как поднялся, поглаживая

ободранные колени. Троллейбус, несколько раз качнувшись, встал, перегородив собой улицу. Никто серьезно не пострадал. К Коулу бежали люди, рассерженные лица словно обгоняли туловища; остальные стояли, дивясь на внушительных размеров трубу, остановившую троллейбус буквально за секунду до того, как тот раздавил бы дурака-самоубийцу.

– Эй! Ты, бля, какого… – орал кондуктор, подбегая к Коулу.

Переехав белую разделительную полосу, к Коулу откуда-то сзади вдруг поднырнуло такси, призывно распахнув дверцу со стороны пассажира. Коул бросился в салон, и машина рванула с места. Тяжело дыша, он обмяк на переднем сиденье.

Шофера за рулем не было.

– Город… – тихо произнес Коул, чувствуя на вкус соль своих нелепых слез.

Такси без водителя уносило его – куда? Квартал, другой, и машина остановилась. Коул, оглядевшись, увидел перед собой грязно-желтую свечу многоэтажки в квартале Тендерлойн. Эллис-стрит – не из самых знакомых по городу, но Коул теперь хотя бы не чувствовал себя одиноким. Закрыв глаза, он уловил, как в шести кварталах к югу с крыши взлетает вертолет. Перед внутренним взором предстала плавная вереница машин на междугороднем шоссе, к югу и северу. В транспортном потоке все они двигались с жутковатой равномерностью, с одинаковой скоростью и одинаковыми интервалами, словно несомые невидимым течением. Еще машины можно было сравнить с кровяными тельцами, опять же, несомыми кровотоком. Ощущалось, как проходит под ногами поезд на Барт, гукали и булькали трубы, что тянулись вдоль тоннелей подземки. С легким потрескиванием играло электричество в тысячемильной паутине проводов и кабелей. Доносились запахи целых водопадов сточных вод из канализации и тысяч мусоросжигателей, в которых удушливые газы смешивались с чадом тысяч духовок и печей, приготовляющих пищу. Для Коула это было благоуханием.

Открыв глаза, он пошел вверх по ступеням.

Квартиру он отыскал, рассматривая почтовые ящики: у басиста Кэтц на ящике был намалеван псевдоним: *«М. Р. Твец»*. Коул пробирался по обшарпанной лестничной клетке между пустыми бутылками и влажной туалетной бумагой. Подошел к древнему (лет восемьдесят, а то и больше) лифту и, игнорируя табличку с надписью «НЕ РАБОТАЕТ», закрыл за собой решетчатую дверь. И лифт, вот уже долгие годы стоявший без движения, вдруг начал рывками подниматься, повизгивая и постанывая всеми частями своего проржавевшего подъемного

механизма. Коул вышел на четвертом этаже и натянуто улыбнулся оплывшей тетке с сумкой, переполненной всякой всячиной, глазеющей на него в изумлении.

– О! Вот те на, эта хреновина уж с десяток лет не работала, – заметила она, оглядывая Коула белесыми глазами с таким видом, будто перед ней таракан ростом с человека.

– Да он и сейчас не работает, – успокоил Коул, протискиваясь мимо, – даже не пытайтесь. *(Ч-черт, я же привлек к себе внимание.)*

На площадке пованивало мочой, плесенью и мышами. Коврик – когда-то, возможно, коричневый – и цветом и фактурой напоминал теперь растоптанную в пыль грунтовку.

Он отыскал 14-ю квартиру. Дверь была не заперта; Коул сунул ключ обратно в карман и вошел.

Квартира была на манер студии: комната, санузел и кухня-ниша. На облезлой зеленой стене – концертный постер «Праязыка». Вот практически и все. Картонный ящик с нестиранным тряпьем, комплект гитарных струн (вскрытый), пустые пивные жестянки да потертый темно-синий диванчик с кирпичами вместо ножек. В углу, где пол опасно просел, лежал голый матрац, весь в отметинах от сигарет, возле которого – телевизор с позабытым одноразовым шприцем наверху… Телевизор допотопный, даже без пост-бокса. И само собой, без прорези под карточку. Кто-то (Кэтц?) забыл его выключить.

Звук включен не был. Тем не менее обставленный многочисленными микрофонами губернатор на трибуне, выразительно подаваясь вперед или откидываясь назад, с жаром отвечал на вопросы пресс-конференции. Коул включил звук и сел на матрац, упершись локтями в колени и положив подбородок на ладони. Слушал он отрешенно, дожидаясь, когда на экране появится Город.

Губернатор между тем вещал:

«…думаю, на данный момент преждевременно утверждать, что города умирают медленной смертью – хотя они, безусловно, меняются, причем меняются в радикальную сторону». Губернатор был из разряда молодых политиков: бесцветные волосы гладко зачесаны назад, безупречный галстук в тройную полоску отливает золотом на фоне коричневой жилетки. «…Мы можем наблюдать тенденцию, э-э… вполне предсказуемого роста, и, как вы уже заметили (здесь он улыбнулся, обращаясь, по-видимому, к задавшему вопрос корреспонденту), демографическая ситуация меняется путем перераспределения населения из так называемых «коренных районов». Люди переезжают, рассредоточиваются. Телефонная корпорация, со свойственным ей четким

пониманием, э-э… – губернатор солидно кашлянул, заглядывая в бумаги, – пониманием изменений, привносимых прогрессом, открывает новый офис, объединяющий девяносто секторов в пригородах, каждый из которых находится на дому у одного из сорока пяти административных работников и сорока пяти ассистентов, каждый с фиброоптическим терминалом.

Не существует такой офисной работы, которую нельзя выполнять с помощью технерлинкового терминала. Главное – ее можно выполнять быстрее, поскольку она упраздняет неизбежные обычно бюрократические проволочки и элементарный расход канцтоваров. В конечном итоге она экономит и человеческую энергию, так как уничтожает саму необходимость в поездках на работу и обратно. Всех преимуществ просто не счесть».

Он снова заглянул в бумаги. «Что же из этого вытекает? Поскольку вся офисная работа, обработка данных – в том числе финансовых – может осуществляться через технерлинковые терминалы при содействии с МТФ, и поскольку все терминалы могут находиться – возьмем крайний пример – хоть по ту сторону земли, и при этом все так же легко сообщаться с местными секторами, для бизнеса отпадает всякая необходимость использовать все это, э-э, оборудование для концентрации кадров в городской черте… Складское хозяйство, дистрибуция пищепродуктов, грузоперевозки – все эти виды деятельности все в большей и большей степени автоматизируются… Кое-кто уже предсказывает, что в недалеком будущем – скажем, к началу будущего века – мы превратимся в нацию с электронной системой ухоженных и не слишком густонаселенных поселков, чистых и более пригодных для жизни, без всех тех негативных факторов, что плодят бедность и сутолоку… Те же, кто существует простым физическим трудом, смогут найти равнозначную работу на полях с подогревом от солнечных батарей или на гидропонных. Система, гонящая людей в города, словно в ульи, создает мнимое впечатление перенаселенности. На самом же деле основное жизненное пространство в США не используется; если бы население было…»

– Город! – вскрикнул Коул, слегка поперхнувшись: появление было внезапным.

Теперь в телевизоре был только он; губернатор исчез. Таким крупным его изображение Коул еще не помнил; незыблемые черты заполоняли весь экран. Глаза, как всегда, непроницаемы.

– Ты видишь? – задал он вопрос. – Видишь все это?

Коул кивнул.

– Ты слышал, что он сказал, – чеканил свое Город. – Люди из технерлинка работают в спайке с МТФ, и этот тип полностью под

ними. Губернатор: они владеют им. – Голос Города вибрировал от нешуточного гнева. – Что, разве не очевидно?

– Да, – отозвался Коул, заранее обдумывая ответ. – После твоих слов я вижу: он действительно пытается навязать идею децентрализации населения. И конечно же, если дать им волю, технерлинк и МТФ создадут монополию, и все окажутся от них зависимы. – Коул говорил как бы машинально, монотонным голосом, а сам между тем недоумевал: *«Он такой цельный, будто литой, немного не от мира сего – прямо киногерой. И почему Кэтц в нем усомнилась?»*

Впрочем, его внимание тут же обратилось к Городу, едва тот произнес:

– Он хочет нас убить.

– Э-э… кто? – Коул даже слегка отпрянул. – Кто кого хочет убить?

– Технерлинк. Компьютер. Та самая раковая опухоль в моей груди. Его надо уничтожить – МТФ, технерлинк. Они хотят равномерно распределить людей по стране. Как соты в улье: такими же одинаковыми восьмиугольными ячейками.

– У города тоже есть единообразие, – заметил Коул как бы между прочим.

– Единообразие города выросло из конкуренции, соревновательности. Это соревновательность свободного предпринимательства. Это место обладает гибкостью металла – а значит, все будет совершаться спокойно, эффективно, тип-топ. С технерлинком МТФ города перестанут быть нужны. Мы перестанем быть нужны. И через эту дебильную одинаковость Свора стремится нами завладеть, застать нас врасплох. Оргпреступность, стоит дать ей легализоваться, пышным цветом расцветет под личиной упорядоченности…

– Я… я думаю, так оно и есть, – произнес Коул не совсем уверенно.

– Ты не веришь? – Лицо Города на экране приблизилось настолько, что видны остались только брови, «зеркала» и переносица.

Коул, потрясенный, снова упер подбородок в ладони.

– Почему! Я тебе, конечно же, верю; просто не вижу, каким образом вся эта чушь насчет поселков, м-м… каким-то образом облегчит задачу для всей этой клики. Децентрализация означает, что им всех своих шнырей придется повсеместно размазать ужасно тонким слоем. У меня все же есть ощущение, что технерлинк может находиться с МТФ в конкуренции, и тогда…

– Ты хочешь предать меня снова? – жестко спросил Город.

– Что ты! – Коул вздрогнул от такого обвинения и отвел

глаза. – Я не хотел…

– С той женщиной. Ты бросил меня. Уехал в другой город. А ведь мне могла понадобиться твоя помощь. Ты же послушался ее. А как же *мы с тобой?*

И тут Коул ощутил въедливо-приятное, приторно-сладостное, милостиво-жестокое *присутствие* Города. Эти схемы-чертежи в сердцевине глазных яблок, эти согнездия силовых векторов и людских скоплений – все это затеплилось, замерцало в темноте внутреннего взора. И, тая внутри от этого несказанно глубинного чувства собственной причастности, Коул произнес:

– Мы дадим им бой.

Нужна была бомба. Существовали места внутри Города, куда он мог добраться с трудом; как, скажем, человеку нереально контролировать работу каждого внутреннего органа. Город мог открывать двери, ведущие к компьютеру, но не мог разрушить саму машину – это вам не асфальт взорвать или фонарный столб опрокинуть. Но у Города были руки – то есть Коул.

Бомбу обеспечил Город. Коул вынул ее из ячейки камеры хранения на автовокзале. Размером и формой устройство напоминало коробку конфет, только обернутую в вощеную бумагу. Под мышку входило идеально. Аккуратный надрез на одном углу обертки обнажал черный набалдашник с белым рубчиком. Его надо повернуть так, чтобы рубчик совпал с вытисненной на бумаге литерой «Х»; через минуту устройство должно сработать.

Устройство компактное, но мощное, заверил Город.

Коул лишь мельком успел прикинуть, кто именно и как мог его собрать и оставить в заранее условленном месте.

И вот он уже стоял возле приземистого черного здания из искусственного гранита: операционный зал Центра Распределения Данных МТФ. В угоду Городу (а скорее из попытки очернить образ МТФ и подавить собственные сомнения), Коул представлял суперкомпьютер в недрах здания в виде гигантского тарантула, затаившегося в тенетах своих бесчисленных линий-терминалов…

Ему даже казалось, что он различает его негромкое гудение сквозь бетон у себя под ногами. Он стоял на тротуаре в нескольких метрах от южной стены этого неприметного строения и, изредка оглядываясь, выжидал. Короткий черный кожан, опрятные джинсы и кроссовки; маску Коул надевать не стал – его в ней уже видели. Он стоял под неработающим фонарем в кромешной тьме и ждал.

На его глазах тротуар разомкнулся (Город знал свое дело). С

коротким, но внятным треском в бетонном перекрытии образовалась брешь. Расширилась; в темный проем с сухим шелестом посыпались кусочки бетона, мелко ударяясь о невидимое дно. Уровнем ниже, видимо, тоже образовался проем: вверх наискось тотчас стрельнул желтоватый луч света. Взрывное устройство Коул пристроил под полой, рядом с пистолетом (тем самым, к которому поклялся никогда не прикасаться). Еще раз оглядев безлюдную улицу (был третий час ночи), он опустился на землю и проник в лаз, под белесый свет запретной территории. Коснувшись ногами пола, первым делом проворно огляделся и нащупал оружие. Впрочем, вокруг никого не оказалось. Сверху послышался негромкий скрежет; Коул вскинул голову. Брешь в потолке затянулась сама собой. По широкому проходу Коул тронулся в сторону гранитного здания подземного компьютерного центра.

Какой-то зал, пугающе обширный и ярко освещенный, – Коул почувствовал себя беззащитным. Впрочем, никого не было.

Он двинулся дальше, инстинктивно пригибаясь (можно подумать, от этого он становился неслышным или незаметным). Перешел в смежный зал, осторожно огляделся: справа и слева ответвлялись одинаковые коридоры.

Те же лампы дневного света, та же белая плитка полов и стен… Куда же идти? И тут, как будто в ответ, лампы слева начали помаргивать. *«Спасибо, Город».* Коул пошел влево, вынув на всякий случай пистолет, он уютно лежал в ладони.

Город вокруг буквально вибрировал; стены подземного перехода резонировали, лишь усиливая ощущение. «Я у него *под кожей»,* – мысленно сказал себе Коул, пьянея от такой доверительной близости. Поэтому даже не спрашивал себя: *«Какого черта я вообще здесь делаю?»* Пока.

Еще одна развилка. На этот раз лампы замигали справа. На стене светилось табло «КЦ МТФ»; красная стрелка внизу указывала вправо. Коул повернул туда, сделал три шага… и замер, сжав пистолет.

Прямо на него, чуть кренясь по ходу, катил робокоп, вяло, словно нехотя помахивая руками-щупальцами. *«Город?»* – спросил отчаянно Коул; автостраж продолжал катиться. *«Город?…»*

Робокоп, учтиво обогнув Коула, покатил себе дальше. *«Спасибо…»* – выдохнул Коул с облегчением.

С торца зал замыкала непреодолимая преграда: металлическая дверь с шишечками заклепок. В ней – небольшое решетчатое окошко, явно из пуленепробиваемого стекла. Коул, приблизившись, заглянул – и запоздало обругал себя за опрометчивость. Охранник в серой форменной бейсболке уже

доставал из кобуры пистолет. Все это время он, видимо, пристально наблюдал с той стороны двери.

Дверь, чуть заметно дернувшись, подалась и начала отъезжать вбок, в стену – к безмерному удивлению охранника. Судя по выражению лица, такого он от нее не ожидал.

«Сейчас Он ему и оружие обезвредит».

Судя по всему, Город ждал, что охранник в эту же секунду получит пулю… но Коул мучительно колебался.

Дверь уже полностью ушла в стену. Охранник таращился на свой пистолет, теперь уже в двойном изумлении: оружие тоже не срабатывало. Сзади, у него за спиной, маячила стена из металла и огоньков; компьютер.

Какой-то абсолютно безмолвный миг двое мужчин, колеблясь, смотрели друг на друга. Зал беззвучно вибрировал, но никакого гудения не было. Компьютеры угрюмо молчали. Бесчисленные хромированные шкафы: безмолвные, хладные, самоуверенные. Тишина имеет оттенок хрома.

Человек метнулся, и Коул вскинул пистолет. Но стрелять медлил: метнулся он не на него, а куда-то вбок; видимо, к кнопке сигнализации. Которая тоже не сработала. И уже тогда в отчаянии крикнул: «Падла, с-сука!» – но, судя по голосу, уже не удивляясь.

– А мой работает, – заметил Коул, направляя ствол охраннику в грудь.

Тот попятился, тяжело дыша и не сводя с пистолета глаз. Почему-то нашлось время отметить, что человек этот молод и широк в кости; загорелый, волосы довольно длинные – в свободное время, наверно, увлекается серфингом. И достаточно сильный. Сузив голубые глаза, он спросил:

– Ты это… в чем дело-то? Ты чё удумал?

Коул прикусил губу. Чувствовалось, как Город буквально теребит за локоть: *«Убей его убей его убей его убей его убей его…»*

– Нет, – отозвался Коул.

– Чего? – ошалело переспросил охранник; губы его тряслись.

– Ничего. Сколько вас тут?

– Шестеро. Остальные наверху сейчас: перерыв.

Шестеро! Город все рассчитал как надо.

– На пол. Лежать, – скомандовал Коул. Человек медленно повиновался. *«Кому-то точнокрышка, когда бомба сработает»,* – мимоходом подумал Коул, миновав охранника и наклонившись, чтобы приспособить сверток к панели компьютера. Его дрожащая рука зависла над набалдашником, он колебался…

Буквально секунду… И тут сзади обрушился удар; он опять проявил беспечность. И лежал теперь вниз лицом, а охранник

сверху. Вот чужая рука, сильная, жилистая, пытается разомкнуть его стискивающие пистолет пальцы; на спину страшно давит вес чужого тела. Охранник пытался смять Коула, во что бы то ни стало вырвать оружие. Коул конвульсивно дважды нажал на курок. Гром выстрелов вспугнул охранника, тот ослабил хватку – достаточно, чтобы вырваться. Не выпуская оружия, Коул вскочил. Выпрыгнув за дверь, он пустился бежать по коридору – а сзади уже слышались выкрики. Выстрелы привлекли других охранников. Город замкнул перед ними двери; это могло какое-то время их удержать (если не всех, то хотя бы двоих-троих). Задыхаясь, с горящими легкими и железистым привкусом во рту Коул несся по коридору, заносясь на поворотах; ненавистное эхо вторило его бегу и дыханию, отскакивая от стен.

Где-то сверху, в отдалении, взвыли сирены.

Коул повернул налево, пронесся через зал, повернул направо. Куда дальше, теперь толком и не ясно. Сбоку распахнулась какая-то дверь, открывая пролет бетонных ступеней; Коул, не раздумывая, кинулся туда. Оказалось, какая-то котельная прямо под уровнем улицы. Пробираясь меж путаницы труб и водоводов, Коул набрел на вбитые в стену металлические скобы лесенки и, держа перед собой пистолет, стал неуклюже по ним взбираться, пока не уткнулся головой во что-то твердое. Пощупав, определил: крышка канализационного люка. Она поддалась и отодвинулась неожиданно легко *(«Город помогает»)*. Коул выкарабкался наружу в ночную темноту, с благодарностью вдыхая прохладный ночной воздух. Он оказался на подъездной аллее позади того гранитного здания. В стороне, на улице, мелькали отсветы фонарей, ночными призраками выли сирены, из-за угла доносились крики. Тут узкую аллейку зловеще очертили фары, и, блокируя выход, в нее завернул автомобиль. Коул в панике, вполголоса ругаясь, заметался в поисках какого-нибудь укрытия; тщетно. Автомобиль надвигался прямо на него; очертаний не было видно из-за слепящих фар. Машина остановилась в какой-нибудь паре метров; Коул распластался по стене. Фары погасли, и стало видно, что это – пустое такси с открытой дверцей.

– Слава тебе, Господи, – выдохнул Коул облегченно, сквозь облачко выхлопов направляясь к водительскому сиденью: лучше сесть там, а то не ровен час заметят, что машина без шофера. Дверца захлопнулась, сам собой передвинулся рычаг передачи, зажглись фары, и машина с помощью точно крутящегося руля проворно выехала задним ходом с аллейки на улицу.

Такси резко вильнуло вправо и понеслось. *«Слишком быстро,* – отметил Коул. – *Такой спешкой он привлечет внимание».* Ну вот: всего пять минут, и на хвосте уже висят две полицейских

машины. Такси на всей скорости проскочило на красный свет (и Коул и Город *знали,* что в данный момент никто не поедет через перекресток наперерез) и полетело по пустому проспекту. Мимо кометами проносились встречные огни, чередуясь с островками тени – свет \ тень \ свет \ тень \ ы-ы \ и-и \ ы-ы \ и-и \ свет \тень \ свет \тень; в зеркале заднего вида красными демоническими бельмами вертелись мигалки двух патрульных машин, с воем мчащихся бок о бок. Из динамиков стереосистемы донесся голос Города:

– Ты не убил его. И не привел в действие часовой механизм…

– Я же говорил тебе: я не Джеймс Бонд, – сказал Коул, ерзая при мысли, что его опять заподозрили в предательстве.

Патрульные машины постепенно приближались. Из прилегающей улицы вынырнула еще одна и присоединилась к погоне. Скоро, должно быть, заблокируют и со встречной полосы.

Город все же вмешался. Настигшие было машины вдруг замедлили ход, почти остановились и начали выписывать нелепые кренделя – сначала одна, затем другая, и так по кругу, по кругу.

Глядя на них в зеркало, Коул заходился от хохота. *«Что они, интересно, напишут у себя в отчете?»* Хотелось по-детски показать им язык: *«Машинка машинку танцует под сурдинку».*

Такси неожиданно тормознуло, да так, что Коул едва не влепился головой в лобовое стекло; хорошо еще, ткнулся в руль. Прямо по ходу проезжую часть перегородили еще две патрульные машины. «СТОЯТЬ НА МЕСТЕ!…» – донеслось из динамиков мегафона.

Но тут грубый электрический голос в динамиках неожиданно сменился разухабистым танцевальным ритмом, а сами машины принялись выписывать-выруливать кренделя: перед-зад, пяточка-носочек… Из динамиков неслось диско, прошлогодний хит:

Красотка, давай роман крутить -
Давай на полную кутить,
Давай роман с тобой крутить…

Коул хохотал, такси свернуло на боковую улицу. Уже на более спокойной скорости оно доставило его к многоэтажке в Тендерлойне.

В хохоте Коула появился призвук истерии…

СЕ-ЕМЬ!

Коул сидел в темной захламленной комнате, с высоты панорамного окна бездумно глазея на россыпь колких городских огней, ковром далеко-далеко. Справа помаргивал беззвучно телевизор – он его вообще не выключал. Слева – литровая бутылка пива (половина выпита) и недокуренная сигара с длинным стеблем пепла, давно уже испустившая дух. За пазухой – пистолет.

Город переместил Коула в пустующий пентхаус отеля в Рэкэм-армс, укрыть его понадежнее от полиции и активистов: кто-то озаботился досконально прочесать все места, так или иначе связанные с именем Кэтц Вэйлен. Обычный съемщик пентхауса уехал на лето за город; на приход и уход Коула внимания никто не обращал: хозяин частенько сдавал помещение друзьям. Еды и питья здесь было навалом: холодильник набит мясопродуктами, в кухонных шкафах полным-полно консервов. Коул сразу же проникся неприязнью к незнакомому хозяину жилья – при виде всей этой помпезной меблировки и явно заказного дизайна интерьера. Ну как можно уважать человека, у которого вкуса не хватает даже на то, чтобы обставить собственное жилище? Теперь-то комнату украшали пустые жестянки, обертки, бутылки и стопки тарелок, грозно обступившие роскошную мебель.

Обеспечив Коула жильем, *присутствие* Города истаяло. Он остался один. В целом атмосфера городского разума улавливалась, но не более чем потрескивание помех в радиоприемнике, невнятно. Три дня Коул прождал, не выходя из пентхауса. Все думал, Город объявится. То и дело поглядывал на экран телевизора, ожидая увидеть там его чеканные черты. Но вот уже суббота, а от него по-прежнему ни привета. События прошлой недели уже подернулись в памяти рябью; иногда даже закрадывалось сомнение в реальности мира за окном во всю стену. Днем Коул спал, а к вечеру просыпался для ночных бдений.

– Просыпаюсь только затем, чтобы ждать. – Коул опять разговаривал сам с собой. – Дурь какая-то. Дурь. – Скрестив ноги, он сидел на ковровом покрытии у стеклянной стены. Темноту в комнате разбавляло лишь голубоватое мерцание экрана. Цветное изображение Коул переключил на черно-белое: цвета отвлекали, вселяли нетерпение, желание отправиться наружу. Он существовал в сумерках ожидания.

Мысли с раздражающей регулярностью возвращались к Кэтц.

Несколько раз он набирал оставленный ею чикагский номер. Застать Кэтц никак не удавалось. Лишь один раз ответил

заспанный мужской голос: «А? А? А-а, да играет где-то, на концерте. А это кто?»

В мужском голосе прорезалась ревнивая нотка, из чего Коул сделал вывод, что у него и самого есть причина ревновать.

Он в очередной раз глянул на экран. Там телеведущий Джером Джереми, гермафродит, одной рукой поглаживал богемную старлетку, а второй вальяжно охаживал собственный бюст. Коул зевнул.

– Может, – сказал он, обращаясь к панораме городских огней, – Город снова меня наказывает. Потому что я не застрелил того парня, а из-за этого не получилось заложить толком бомбу. Может, он хочет заставить меня как следует помучиться. Может, он меня бросил… Но тогда зачем он меня сюда пристроил?

– Действительно, зачем? – раздался с экрана знакомый голос.

Коул перевел взгляд: экран заполняло лицо Города. Видение, вызванное чувственной депривацией? Он куснул себя за палец – боль была реальна.

Уж если и есть на свете что-то доподлинно реальное, так это боль…

Итак, Город снова был здесь… И Коул как-то обмяк, внезапно осознав, что все эти трое суток, все эти нескончаемые ночные часы напряженно жил ожиданием.

Он нетвердо поднялся, растирая затекшие ноги, чтобы восстановить кровообращение. Подошел к телевизору и какое-то время стоял, глядя в лицо Города со смешанным выражением благоговения и негодования, после чего опустился возле стойки: стоять и взирать на Город сверху было как-то не с руки. *«Я принадлежу ему. Кэтц была права».*

– В «Кроникл» работает один репортер. Обозреватель, также занимается журналистскими расследованиями, – сказал Город. – Его зовут Варне. Рудольф Варне.

Коул жадно ловил каждое слово, выискивая малейшие перепады в интонации, какие-нибудь намеки на одобрение – или, наоборот, неодобрение. Голос Города был холоден, но не холоднее обычного. Точно ничего и не определишь.

Город между тем продолжал:

– Барнс знает о Руфе Роскоу и об активистах, и даже немного о тебе. Он в курсе, что они тебя ищут. И насчет связи мафии с МТФ, впрочем, это уже не секрет. Но он собирается осуществить крупное разоблачение, буквально по всем каналам СМИ. Я хочу, чтобы ты связался с ним и договорился где-нибудь о встрече. Будь бдителен, поскольку это предстоит сделать среди дня: завтра под вечер он уезжает. Сейчас он в Санта-Крус, иначе бы я вас и так связал. В Сан-Франциско он возвращается завтра утром; отбывает

завтра же, во второй половине дня. У тебя будет всего несколько часов. Найди его, расскажи о видеозаписях Руфа Роскоу и вообще обо всем, что тебе известно, – умолчишь только обо мне. Насчет меня он все равно не поверит, а являться ему воочию я не хочу: он не предрасположен к встречному контакту. Он ведь родом не из Сан-Франциско… – Последнюю фразу Город, казалось, произнес с ноткой презрения. – Он из Нью-Йорка и предан *ему*. Но ты его найди, он поможет. Позвонишь в «Кроникл» завтра, в девять утра. А теперь отдыхай.

– Гор…

Но тот уже исчез.

Исчез. Но он же возвратился; он говорил с ним! Стюарт Коул плакал от облегчения.

Даже на экранчике видеофона с низким разрешением было видно, что Барнс краснолиц и костляв, со срезанным подбородком и приплюснутым носом. Вместе с тем взгляд цепкий и проницательный, а под внешностью лысеющего вояки средних лет кроется недюжинный талант. Несомненно, мастер своего дела.

– Да, слушаю! – отрывисто бросил Барнс.

Коул сделал глубокий вдох и представился:

– Я Коул. Стюарт Коул. Я знаю, что вам известно насчет МТФ и Руфа Роскоу, и могу кое-что к этому добавить.

– Послушайте, уважаемый, сегодня же воскресенье, – вздохнул Барнс с напускной усталостью. – У меня заведено: по воскресеньям никаких дел. Здесь у меня просто рабочая пятиминутка, и я сразу же улетаю…

– Так, всю эту шелуху давай сразу отбросим. У меня нет времени. – Было ясно, что Барнс его просто зондирует, выясняет, кто перед ним: пустозвон, мудозвон или стоящий собеседник. – Я именно тот, за кого себя выдаю, и от меня так просто не отделаться.

Он неловко шевельнулся под пристальным взглядом Барнса, который уже с неприкрытым оценивающим интересом разглядывал его через монитор. Коул был причесан, как бизнесмен, он подобрал в обширном гардеробе хозяина строгий деловой костюм плюс оправу с синеватыми стеклами – ради того чтобы ничем не выделяться из толпы. И все равно ему было не по себе. Он стоял в телефонной будке среди Чайна-тауна, мимо время от времени прогуливались полицейские. По фото Коула в экспресс-бюллетене «Розыск» любая «ищейка» могла опознать его в любую секунду.

– Ты действительно похож на того парня, – подвел итог

Барнс.

Коул невольно вздрогнул:

– Ты видел мое фото?

– Конечно. Мы получаем все полицейские бюллетени. За тобой стопроцентный хвост, дорогуша. Ну да ладно, мне-то что. Ты даешь мне след, о котором сейчас заикнулся, а уж мы твой счет покроем сполна, по крайней мере, ту часть, что я останусь должен.

– На Бродвее есть ресторан, – перешел к делу Коул, – называется «Луиджи».

Барнс кивнул:

– Когда?

– Как можно скорее. Я буду поблизости, понаблюдаю. Если все чисто, зайду, как только увижу тебя. Не приноси ничего, что может привлечь внимание.

– Понял. Но может быть, мне…

– … вызвать полицию?

– Ха-ха. – Варне осклабился. – Нет, я хотел сказать: может, мне стоит записать материал для статьи? Диктофон, например?

– Не надо. Там, возможно, сами стены слышат. Я при встрече скажу, где можно раздобыть доказательства.

Коул отключился и перевел взгляд с тлеющего экранчика на яркий свет за окном; контраст такой, что пришлось сощуриться. Он был привычен к ночной жизни; солнечный свет жег радужку, отчего глаза слезились. Коул зевнул: вчера так и не выспался. И пошел вверх по склону – ни дать ни взять бизнесмен, отправившийся в китайский ресторан.

Путь пришлось проделывать среди густого воскресного потока пешеходов, затерявшись в скопище туристов. Слева – шествие безрукавок и солнечных очков; справа – отчаянно сигналящие, стонущие автомобили. Жаркий воздух с примесью пота, бензина, всевозможных дезодорантов, духов, также рыбы и экзотических специй из китайских магазинчиков. Торговцы на обочинах продавали сувениры и мороженое; волнами всходила и снижалась по улицам не то песнь, не то клич воскресного Чайна-тауна: «А вот мор-роженое-е, хал-лёдное-е, вкусное-е!»

Истекая потом в своем непривычном облачении, Коул добрался до Бродвея и теперь блаженно стоял в тени тента через дорогу от «Луиджи», спиной к лавке деликатесов. Стоял и с деланным равнодушием кидал взгляды поверх людской массы, снующей туда-сюда по тротуару. Отсюда был хорошо виден вход в «Луиджи», только вот окно отсвечивало из-за солнца, которое сейчас находилось как раз за его спиной. Хотя по времени Барнсу было еще рано.

Коул стоял теперь на виду, отделившись от основного уличного потока. Огладил руки о брючины. Он нервничал и боялся, а от мысли об этом нервничал и боялся еще сильнее: ведь кто-то мог его заприметить. Напряжение все росло; Коул постоянно одергивал себя, чтобы не оглянуться.

По улице неспешно прокатил полицейский автомобиль. Руки у Коула непроизвольно сжались в кулаки. Он не мигая смотрел вперед. Машина проехала, но нервозность только возросла.

Чтобы как-то отвлечься, он решил думать о Кэтц. Где-то здесь неподалеку они сидели в кофейне, в мыслях друг о друге. При воспоминании о том, что случилось потом, ночью, губы тронула улыбка. Что ни говори, а возраст еще не вышел.

«Он использует тебя» – так она сказала…

Думать о Кэтц расхотелось.

Без особой причины – осознанной причины – взгляд Коула остановился на двух мужчинах на углу неподалеку от «Луиджи». На одном – цветастая красно-синяя рубаха и камера на ремешке, шорты и штиблеты. Дюжий, молодой – непонятно зачем косит под туриста в летах. Напарник его – рослый, в темных очках, плотных брюках и пиджаке, как и у Коула, жарковатом для такой погоды. Было что-то странное в его позе. Коул пригляделся. Тот стоял, сильно подавшись влево (для Коула – вправо) – как бы не опрокинулся, бедняга. Коул держал голову прямо, следя за ними из-под синеватых стекол оправы. Мужчина чуть повернулся вправо и мельком глянул в сторону Коула. Причем взгляд отвел с излишней поспешностью. Теперь было видно, что опирается он на трость. Что, если вдуматься, совершенно не соответствовало его отнюдь не пожилому возрасту. А тут подтянулся и третий.

Этот третий, в респектабельном синем костюме и темных очках, подошел к ним, как к старым знакомым, но ничего при этом не произнес. Даже не поздоровался (разве что сделал это, не шевельнув губами). И Коулу показалось, что все трое поочередно украдкой посмотрели на него.

Коула обдало жаром; чувствовалось, как пот струйкой стекает за воротник. *Кто эти люди?*

Впечатление такое, будто этого, с тростью, он уже где-то видел: помнилось не по лицу, а по габаритам, развороту плеч, углу подбородка. Смутное такое воспоминание, как из сна. Где же он его видел?

Трость (левая нога повреждена). Причем видно, что он к ней не вполне привычен. Она ему как бы внове – вон, то и дело перехватывает ручку. Левая нога… Там, в Беркли, где активисты удерживали Кэтц, одному из них досталось именно в ногу. Кажется, в левую. Тому, который уцелел. И мог опознать его,

Коула.

Повернувшись, Коул тут же тормознул такси, сворачивающее на Саттер.

Как раз в этот момент между такси и Коулом стала протискиваться женщина с коляской, в которой сидел пухлый младенец. Коул чуть не упал прямо на нее. Извинился, отступил обратно на тротуар; такси укатило. Сзади кто-то легонько похлопал по плечу. Лихорадочно нашаривая под полой пистолет, Коул рывком обернулся, ожидая, что его сейчас собьют с ног. Оказалось, это Барнс.

– Что, нервничаем? – понимающе улыбнулся он.

Коул бросил взгляд в сторону «Луиджи». Троица активистов ушла с угла; в данный момент они с нарочито непринужденным видом переходили перекресток.

– У меня тут рядом такси, – сказал Барнс. – Я подумал, может… – Он кивком указал на желтый «додж» у обочины Бродвея.

Коул припустил к машине чуть ли не бегом.

– Эй! – послышался сзади окрик, явно не Барнса. Коул рывком распахнул заднюю дверцу.

– Э, у меня уже счетчик включен! – вскинулся навстречу таксист.

– Ничего, мы едем вместе, – успокоил его Барнс, усаживаясь вслед за Коулом.

– Давай, давай, жми! – округлив глаза, крикнул Коул, завидев полицейского, который побежал вслед за машиной (лишь бы водила не увидел, как он машет, приказывая остановиться). Машина, отъехав от обочины, проворно встроилась в нескончаемый транспортный поток и под желтый свет успела вырулить на Бродвей.

– Едем, э-э… на Койт Тауэр, – наугад бросил Коул. Шофер молча кивнул.

– Как я понял, мы там были не одни, – заметил Барнс.

Коул кивнул:

– Может, мы и сейчас не одни. Они едут следом.

Барнс издал тягостный вздох:

– Надеюсь, у тебя с головой все в порядке?

– Уже нет, – парировал Коул как ни в чем не бывало. – Но все равно, мои слова – правда.

– Но… Как этим ребятам удалось вычислить, где нас найти?

– Я, в общем-то, собирался задать этот вопрос тебе, – хмуро заметил Коул.

Барнс приподнял брови:

– Продолжай.

– Так вот. МТФ – структура вездесущая, в буквальном смысле. Даже в нашем такси… – Он указал на прорезь для карточки МТФ на приборном щитке. – Как же ты рассчитывал задавать свои вопросы об их делишках – щепетильные вопросы, – не привлекая внимания?

– Но как они узнали, где мы… – Барнс посмотрел на Коула с отвисшей челюстью. – Мой видеофон! Он, возможно, на «жучке».

– И не первый день, – кивнул Коул.

Они теперь взбирались с холма на холм, петляя среди особняков, где во дворах местами еще была не убрана прошлогодняя листва. Машина ехала в сторону парковой зоны Койт.

А сзади по белесой от солнца улице рулило, повторяя их траекторию, еще одно такси. Коул некоторое время наблюдал за ним через плечо: помимо шофера там было еще трое.

– Пожалуй, – продолжил он, повернувшись обратно, – лучше сказать об этом сразу, сейчас… Прежде всего: все важные встречи с партнерами Руф Роскоу записывал на видео.

Барнс потер морщинистый лоб.

– Не слишком умно с его стороны.

– Я знаю. Так оно и есть. Но в этом есть своя метода. Во всяком случае, все эти записи он хранит в сейфе. И если у кого-то будет на то судебный ордер – желательно от главного прокурора, – тогда можно за глотку всю эту клику…

Коул приумолк, заметив, что негр-таксист следит за ними в зеркало. Его круглая физиономия с острыми глазками подтверждала наихудшее из подозрений.

– Вы там двое чё? – спросил он скороговоркой; глаза стрельнули с зеркала на дорогу и обратно в зеркало.

– Давай своим делом занимайся, – указал ему Коул. Таксист покачал головой:

– А бабки за проезд у вас есть? А то сидите тут, несете чё попало. Тут двое на прошлой неделе тоже базарили, а потом навешали мне и часы на хрен отобрали, а я их двенадцать лет носил!

– Слушай, дважды такое не повторяется, друган, – усталым голосом заметил Коул.

Вдруг шофер остановил машину. Коул оглянулся через плечо: остановилось и второе такси.

– А ну-ка, башляйте по счетчику, живо! Я чую… Я всегда чувствую, когда у кого-то карточка кончается. Нутром чую. – Видимо, он напрочь усомнился в своих пассажирах.

Барнс, презрительно хмыкнув, вынул из нагрудного кармана карточку временного пользования. Приложившись большим

пальцем к панельке на лицевой стороне, оставил там быстро истаявший отпечаток, он подал карточку деляге-шоферу. Тот сунул ее в щель счетчика и взглянул на дисплей. «СЧЕТ АННУЛИРОВАН», – высветилось там. Коул и Варне таращились, не веря глазам.

– Как, у меня там было две тысячи! – не сказал – выкрикнул Барнс. – Я только утром расплачивался с ней за завтрак!

– Тебя засекли, – обреченно качнул головой Коул. – Увидели, что ты контачишь со мной. У них на меня охота.

– Э, глянь-ка, – раздраженно перебил шофер. – Чего это там за мудаки? Ё-мое, да у той падлы пушка!

Барнс без слов нырнул на дно салона. У Коула рука потянулась к собственному оружию. Вытащив пистолет, он посмотрел на него в недоумении: хватит ли решимости снова его использовать. В беспомощности он огляделся вокруг. Вокруг – прозаичная, обсаженная деревьями улица с кирпичными домами на две семьи, у некоторых фасад увит плющом. У одного окна стоял человек; случайно встретившись с Коулом глазами, он поспешно задернул штору. Коул глянул в зеркало заднего вида. Те трое маячили сзади метрах в двадцати: двое с шага перешли на трусцу, третий слегка отставал, ковыляя со своей тростью. Вся троица при пистолетах.

Чувствуя, что так и не найдет в себе сил снова нажать на курок, Коул направил ствол на разом взмокшего таксиста, который смотрел теперь как-то заискивающе.

– Уматывай!

Водила не раздумывая подчинился, а отбегая, истово заголосил через плечо:

– Все вы сраные пидоры безбашлевые, на 'уй!

Коул перелез на водительское сиденье, пистолет кинул на соседнее и дернул рычаг передач. Машина рванула на разворот неистовым зигзагом (аж зубы клацнули), и Коул погнал ее на этих троих, застывших буквально в пяти метрах перед капотом. Один из них метнулся в сторону, второй вскинул пистолет (что-то вроде «люгера») и, не целясь, пальнул в лобовое стекло. Коул зажмурился от вспышки и россыпи стеклянных брызг; что-то ожгло щеку. Все так же зажмурившись, вдавил педаль газа в пол. Два глухих удара по борту, машина прочавкала по какому-то податливому предмету… Еще один выстрел, сбоку – слышно было, как лопнуло левое стекло, а с заднего сиденья донесся короткий, мгновенно оборвавшийся всхлип. Коул открыл глаза в тот момент, когда впереди дорогу лихо перегородил полицейский автомобиль. Коул до упора крутанул руль вправо – кто-то отпрыгнул на тротуар перед самым капотом. Опять толчок, от

которого сводит зубы, и машина, взлетев передом на бордюр, правыми колесами пронеслась по тротуару, успев обогнуть корму перегородившей улицу патрульной машины, и мотнулась за угол. Сирены завыли с нескольких сторон…

«Вот она, музыкальная тема моей жизни», – успел отметить Коул.

Лента автострады летела навстречу, безумно кренясь. Машины на левой полосе яростно сигналили; передние уходили вправо, уступая дорогу наседающей сзади рехнувшейся «тачке». Коул не переставая клаксонил, упреждая пешеходов, чтобы вовремя сторонились. В рации такси шуршали помехи, мелькало ассорти из голосов. Держа руль одной рукой, не обращая внимания на светофоры – авось пронесет, Коул что-то придумал. Свободной рукой он взял рацию и, утопив кнопку связи, прокричал:

– Город! Днем ты не можешь вмешиваться физически, но говорить ты хотя бы можешь! Поговори с ними! Ты же можешь дать легавым неверное направление, отвлечь от меня? Наплети им! Как будто ты – диспетчер полиции!

– Да… – донесся сквозь суматошную толчею такси знакомый ледяной голос.

Вскоре вой сирен, отстав, умолк. В лицо из отверстия в лобовом стекле хлестал ветер, на полу побрякивали осколки. Коул подогнал машину к станции «Барт» и, заглушив мотор, откинулся, тяжело переводя дух. Его била дрожь: понятное дело, адреналин… Ненадолго нахлынуло головокружение, но быстро прошло. Вспомнил о Барнсе. Коул неуверенно рассмеялся:

– Э-э-х, старина Барнс, как же я перебздел, а! А впрочем, каскадер из меня что надо, а? Бог ты мой, иногда и сам не знаешь, на что способен, пока не…

Он осекся, вспомнив про выстрел, высадивший боковое стекло. И про всхлип с заднего сиденья. Обернуться не мог: просто не хватало смелости.

– Барнс, – окликнул он севшим голосом. – Боже ты мой. Вот ужас-то.

Но не век же так сидеть; может, человеку нужно в больницу.

Коул повернулся.

Большая часть головы у Барнса отсутствовала.

Страшнее всего было то, что вид насильственной смерти уже не вызывал у Коула особых эмоций.

Выбравшись из такси, он, пошатываясь, побрел к станции.

Телефон на том конце провода прозвенел, наверное, уже раз тридцать; ну и пусть.

Наконец щелчок и сонный голос:

– Алло?

У Коула ухнуло сердце.

– Э-э… Кэтц, ты?

– Стью?

– Да, я! А картинку почему не включаешь?

– Да… тут что-то с экранчиком. Аппарат долбанутый.

– А меня ты видишь?

– Нет.

(Небось потому и не включила, чтоб мужика у себя в постели не показывать.)

– Ну, как там у тебя? – вяло спросила она. Коул невесело рассмеялся:

– Не знаю даже, с чего и начать. Э-э… Ты бы громкую связь отключила.

– Хорошо.

(Ага, значит точно не одна, а с кем-то. Иначе бы сказала, чтоб говорил, не стеснялся.) *«Да ладно, какое мое дело».*

Быстро, стараясь говорить на одной ноте, Коул пересказал, что произошло со времени ее отъезда.

Когда закончил, на том конце стояла тишина.

Наконец спросил как бы с намеком:

– Ну а в Чикаго как дела?

Когда она заговорила, было слышно, что ее душат слезы.

– Да пошел ты, Стью! Ты же в аду, понимаешь? Ты уже людей давишь, справа-слева от тебя кто-то дохнет, а он еще и бомбы заставляет подкладывать – а зачем, ты понятия не имеешь. Меня от тебя тошнит! Черт бы тебя побрал, Стью!

Линия тихонько шипела, подчеркивая наступившую паузу.

Покуда Коул, мучаясь от внезапной горечи, не провыл:

– Кэ-этц, я цепенею от страха. А уйти не могу. Ты нужна мне. Ну пожа-алуйста…

– Нет. Уезжай оттуда. Уезжай от него. Он использует тебя. От тебя скоро одна кожа останется, неужели не ясно? А я не хочу этого. Я понимаю: Город боится, что мегаполисам наступит конец и городские жители рассосутся по окрестностям, когда технерлинк и МТФ доведут дело до логического конца. Он чувствует, что города как таковые устарели. Свору он использует лишь как повод – он бы все равно затеял что-нибудь в этом роде, даже незаконно. Город агонизирует, Стью. А тебе надо срочно выходить из игры, пока он не утянул тебя с собой на дно.

– *Да не могу я!* – крикнул Коул в приступе внезапного гнева. – Мне нужна ты, но одновременно мне нужен… – Он осекся; из трубки послышались…

Короткие гудки.

ВО-ОСЕМЬ!

Пентхаус откровенно вонял. Куда ни глянь, везде засаленное тряпье, обертки из-под еды, вскрытые плесневелые жестянки. А Коулу, как какому-нибудь извращенцу, – наоборот, в удовольствие. Как говорится – чем хуже, тем лучше.

Слава богу, снова ночь.

Коул провел три бессонных дня. Наступил вечер среды, и он нетерпеливо дожидался, когда же день сойдет на нет. Теперь ему было неуютно, когда Город пребывал «в спячке».

Хрустя пальцами, он расхаживал вдоль задернутой шторы, то и дело вглядываясь в узкую полоску между шторами – ну как солнце, угасло наконец? Уф-ф, наконец-то сгинуло.

И вот Коул начал ощущать, как медлительной, блаженной волной внутри разливается *присутствие* – поднимается дрожью по позвоночнику, вспыхивает в мозгу знакомыми узорами: это орнамент нервной системы Города наслаивается на его собственный.

«Коул…»

Он подошел к телевизору, присел на корточки перед электронно-чеканным образом.

– Ко-оул, – еще раз повторил Город, словно смакуя имя на вкус. – Сегодня вечером в город не ходи, тебе надо отдохнуть. Завтра тебе предстоит поездка. За город.

– Нет! – Коул отшатнулся. – Нет… У меня все… пойдет не так… Стоит мне от тебя отойти… я сразу будто разваливаюсь. На той неделе было еще терпимо. А теперь все по-другому. – Он насупил брови, пытаясь вспомнить: а что именно по-другому?

– Да, это так, мы теперь ближе, – согласился Город, высказывая то, что Коул мучительно пытался выразить. – Но ехать надо, ведь Барнса больше нет в живых. Я посылаю тебя на встречу с помощником прокурора штата.

– Я… А может, лучше как-нибудь… сюда его зазвать, что ли? У меня здесь лучше получается. Теперь. Даже среди дня: вон как я тогда машину гнал, прямо как каскадер! Потому что я теперь к тебе ближе, и улицы, и все машины на них – это вроде как часть меня. Но за городом…

Коул умолк: Город был непреклонен. Спорить бесполезно.

– И мне… – начал Коул неуверенно, отведя глаза от укоряющего взора на экране, – то есть… прямо так и ехать, среди дня?

– Боюсь, что да. В это время его всегда можно застать. Я устроил тебе аудиенцию: он убежден, что ты не тот, кто есть на

самом деле. – Город, можно сказать, почти улыбался. – Что ты важная птица.

– Но… – Коул резко выпрямился: на ум пришел спасительный аргумент против поездки. – Я ведь не могу ехать к прокурору в офис! Меня разыскивает полиция; а после той кучи-малы полиция наверняка оповестила власти по всему штату. Даже если послать меня под вымышленным именем, кто-нибудь возьмет и опознает.

В любом случае по ходу разговора придется ему открыться, чтобы аргументы звучали убедительно. Надо же доказать, что ты именно тот, кто есть на самом деле, иначе твои показания не будут иметь законной силы в суде.

– Я вижу, ты не следишь за последними новостями, – заметил Город.

Коул брезгливо поморщился:

– Я их не смотрю. Не хочу слышать про…

– Стрельбу? Тебе не стоило беспокоиться. Насчет этого молчок. Так, упоминание о бандитской разборке. Насчет тебя – ничего. Из полицейских тебя мало кто знает. Вдумайся: они же не все коррумпированы. Люди вроде Барнса есть и среди них, не только среди газетчиков. И кто-нибудь из таких орлов, если тебя арестуют, прислушается к твоему рассказу и подаст сигнал федеральным властям. А если, допустим, заинтересуется местный отдел ФБР… Само собой, МТФ попытается не допустить, чтобы ты давал показания или делал громкие заявления. А те легавые, которые тебя знают в лицо, в прошлое воскресенье получили приказ тебя ликвидировать – неважно, при сопротивлении или нет. Именно поэтому они и закроют на все глаза.

– Пытаясь себя обелить? Несмотря на все трупы? – переспросил Коул. Но уже без удивления.

Город вместо ответа посмотрел в упор. И Коул наконец кивнул:

– Где и когда?

– Сакраменто. Здание Министерства юстиции, кабинет номер четыре, три часа дня. Поезд отправляется в двенадцать.

– А… что я ему скажу?

– В той же ячейке, где было взрывное устройство, ты найдешь билет и дипломат. В нем – стенограмма одного из ключевых заседаний Роскоу плюс, как аргумент, фрагмент видеозаписи. Это должно их расшевелить, хотя добыто все не вполне легально и потому уликой считаться не может.

– Ты говоришь, *добыты?* – оживился Коул. – Я хочу встретиться с тем, кто «добывает» тебе улики, рассовывает что надо по ячейкам: мы могли бы друг другу помочь… Да и словом перекинуться.

– Исключено, – отмел предложение Город; изображение на экране слегка потускнело. – Это не человек. Так, робокоп. Бездушное железо. У вас нет ничего общего.

«Ой ли», – пробормотал Коул, когда Город окончательно истаял с экрана. *«Бездушное железо».*

Хорошо, что билет оказался первого класса, купейный. Потому что, едва выйдя из-под неброского, но вездесущего влияния Города, Коул почувствовал себя из рук вон плохо. Даже здесь, в уютном колышущемся коконе затененной спальной ниши, он буквально стонал от муки. Ворочался с боку на бок, одолеваемый попеременно то клаустрофобией, то мучительной незащищенностью перед окружающим пространством. И к тому же чувствовал себя абсолютно покинутым. В желудке будто тлеющие уголья.

– Ч-черт, – сказал он вслух, откусывая на пальце заусенец и пялясь на складочки занавесок, сквозь которые пробивался слабый свет, – ну прямо как ребенок, честное слово.

Пытаясь устроиться поудобнее, Коул стал вслушиваться в ровный перестук колес. Выпить, что ли? Правда, для встречи нужна собранность. Но хорошо бы забыться, хоть на несколько минут. Пустота внутри резонировала с каждым толчком поезда.

Наконец, сердито встряхнувшись, Коул вылез из убежища своей нижней полки, покачиваясь, двинулся по узкому проходу между рядами задернутых ниш. Пошел в вагон-ресторан, по пути прикидывая: *«Одну-две, не больше. Неплохо бы на халяву».*

В шумном, сквозняком продуваемом тамбуре столкнулся с каким-то типом: всклокоченная бородка, одутловатое лицо. Внимание Коула привлекли глаза, скрытые за такой же зеркальной оправой, что у Города. Короткая стрижка, по бокам волосы вытравлены в форме мальтийских крестов. Тип что-то быстро упрятал под армейский балахон, когда Коул собирался ступить в ревущий переход между вагонами. Остановившись, Коул изучил незнакомца. Они молчаливо обменялись взглядами, и «мальтиец» расслабился. Вынув руку из кармана балахона, показал бутылек с таблетками в бледных пальцах. Они виделись впервые, но уже знали друг друга: Коул – покупатель, незнакомец – продавец. Инстинкт улицы сразу расставил все по местам, даром что наркотиков Коул не покупал вот уж сколько лет.

– За нал что-нибудь есть? – осведомился Коул, на секунду забыв, что не при деньгах…

– Трилитиум, – ответил «мальтиец». – Тормозит классно. По четыре каждая.

Коул взвесил. Нет ни счета, ни нала, вообще ничего.

Впрочем, были золотые часы из ящика комода, что в мансарде. Дорогой цифровик, с калькулятором и разными прибамбасами.

– У меня только это, – отстегнув, протянул он вещицу.

На лице незнакомца ничего не отразилось; правда, ответил он нарочито небрежным тоном:

– Ну давай. На три, наверное, потянет.

(Причем оба знали, что тянет не на три, а скорей уж на триста.)

Коул, пожав плечами, кивнул. «Мальтиец» вручил три кругляшка, которые Коул пристроил в пакетике со своей сигарой – последней. После чего вернулся в вагон и опрокинул в себя все три, запив водой из фонтанчика. В нишу к себе влезал, сокрушенно думая: *«Как же мне с вокзала доползти до этой самой Юстиции? Денег-то на тачку ни шиша».*

И не успел прилечь, как провалился в омут долгожданной дремоты.

Как оказалось, от вокзала до Министерства юстиции можно было добраться и пешком, пройдя с километр. Шаткой походкой, то и дело стукаясь о встречных, Коул в наркотической дымке брел по улице, держа дипломат в негнущихся пальцах. То и дело щурясь на светофоры (мятый листок с адресом в непослушной ладони), он медленно подбирался к комплексу административных зданий столицы штата.

В состоянии, близком к лунатизму, он чуть было не упал в приемной помощника прокурора. Секретарша взыскательно оглядела его сверху вниз, затем снизу вверх. Коул ей улыбнулся (по крайней мере, он так полагал – лицевые мышцы повиновались как-то не очень) и вязким голосом проговорил:

– Вы уж извините, я немного того… Принял малость таблеток от простуды, а у меня на них аллергия.

Та степенно кивнула:

– Бывает.

– Вы не скажете мистеру Фарадею, что я уже здесь?

– Я уже сказала. Вы – Стюарт Коул, следователь по особо важным делам при казначействе Сан-Франциско?

– Ага, – одобрил Коул, слегка покачиваясь. Он не помнил, чтобы говорил ей это, но, очевидно, все-таки сказал. Только сейчас запоздало дошло: тот делец сказал, что эта штука тормозит. И видимо, как раз сейчас наступил пик воздействия… «Колбаса ты конская», – промычал он себе под нос. Хоть бы как-то аудиенцию высидеть…

– Может, присядете? – предложила секретарша. Но тут из динамика в стене раздался голос: «Пусть войдет».

Секретарша, возвратившись за стойку, большим пальцем указала на дверь в кабинет. Коул, стараясь идти прямо, нетвердой поступью прошел к двери. Непослушные ноги на ходу значительно отставали от туловища. Предметы на периферии зрения будто сливались. Толкнув дверь-вертушку, Коул оказался в кабинете Фарадея. Человек за массивным полированным столом проступал сквозь туманец (Коул сморгнул, но дымка только усилилась – ох уж этот трилитиум). Различался мистер Фарадей зыбко, но общее впечатление было: худощавый носастый брюнет с прилизанным пробором.

– Мистер Коул, вам нехорошо? – спросил Фарадей как-то игриво.

– Да… Простыл жутко… Принял таблеток, сами понимаете. Э-э… – Коул сощурился, пытаясь различить, который из троих сидящих перед ним Фарадеев настоящий. Еще раз сморгнув, сфокусировался – трое сложились в одного. Неуклюже ступая, Коул приблизился и уронил дипломат ему на стол. Повозившись непослушными пальцами, сумел-таки совладать с застежками и вынуть бумаги и видеокассету. Их он разложил у Фарадея перед носом.

– Вот. Давайте сразу быка за рога. А то мне фигово, – сказал Коул. – Вот здесь – доказательство… (он подыскивал нужное слово) коррупции в департаменте полиции Сан-Франциско и в тамошнем же филиале МТФ… Вообще-то Руф Роскоу…

– Вы знаете, – перебил Фарадей с некоторой поспешностью, – я уже в курсе насчет природы ваших заявлений. – Он принялся шустро перелистывать страницы, картинно поигрывая бровями.

(Коул лишь позже призадумался, как же это он мог быть *в курсе природы* его, Коула, заявлений.)

– Ну что ж! – бодро воскликнул Фарадей, кивком показывая, что вполне доволен этим более чем беглым, на взгляд Коула, знакомством с материалами. – Это заслуживает пристального изучения. Буду теперь сидеть над этим до вечера, да еще и кое с кем из следственной бригады созвониться надо. А теперь, – вы меня извините, – уж если браться, то браться непосредственно сейчас. Вообще, я так завален работой! Так что… подойдете завтра?

Коул открыл было рот, но тут же и закрыл, не сказав ни слова. Завтра? То есть еще целую ночь и часть дня провести в разлуке с Городом? Перспектива удручающая. Но выбора нет. Он растерянно поводил глазами по кабинету. Сквозь дурманную хмарь разглядел большой плоский монитор видеосвязи, какой-то

шкафчик рядом… Интересно, что там…

– Мистер Коул?

Коул вскинулся, словно очнувшись.

– Конечно, конечно! Завтра так завтра.

Излишне резко повернувшись на каблуках, он потерял равновесие и едва не завалился (вот что значит недосып в паре с трилитиумом: валит с ног, как какую-нибудь марионетку). Выровнявшись, бочком тронулся к двери и вышел через нее в приемную. Вышел и остановился как вкопанный. Что же он такое забыл? Дипломат – его можно забрать и завтра. Нет, что-то еще, что-то важное… *Забыл назначить время завтрашней встречи!*

– Сэр? – послышался сзади голос секретарши с оттенком вежливого презрения. Наверное, решила, что он пьян.

От досады захотелось рассмеяться. Сейчас надо сесть – прямо нос в нос – и дыхнуть, чтоб она во всем убедилась. *«Иди назад, назначь время встречи»,* – велел он себе. Осторожно повернувшись, Коул по песчаного цвета ковру толкнулся обратно к Фарадею в кабинет.

Тот стоял возле квадратного серого ящичка (встроен в стену, видны лишь щель подачи и кнопки) и, подавая туда какие-то листы, разговаривал с видеоэкраном слева. Вошедшего Коула он не заметил. С настенного экрана на Фарадея смотрело лицо: Руф Роскоу. Доносился его зычный голос: «…если ты уверен, что они нагрянут сюда вовремя, то не суетись, главное, чтобы все барахло…» Он остановился, очевидно увидев у себя на экране – там, в Сан-Франциско, – стоящего за спиной у Фарадея Коула. «Черт!» – взревел он.

Коул во все глаза смотрел на Фарадея. Помощник прокурора листок за листком скармливал предоставленную Коулом обличительную стенограмму уничтожителю бумаг. Хорошо устроился: и нашим и вашим.

– Так я насчет завтра, – произнес он вслух.

Он не видел налетевших сзади, но сопротивлялся так, что схлопотал от кого-то из них удар по затылку. И, теряя сознание, облегченно подумал: *«Легавые. Они-то меня и прикончат».*

ДЕ-Э-ВЯТЬ!

Бетонные стены камеры высосали, казалось, все его телесное тепло. Снаружи сладко благоухала ночь. Здесь, в тюремном боксе Сакраменто, Коул оказался открыт всем арктическим ветрам. Мелко дрожа от озноба, он застегнул рубашку на все пуговицы.

Очнувшись в сумерках с тяжко пульсирующей от боли головой, он решил, что его не убили лишь потому, что слишком много вокруг свидетелей, недостаточно лояльных МТФ. Причем убить его собрались наверняка. Обычно бессознательного заключенного помещают в тюремный лазарет. Здесь же врача, судя по всему, решили не вызывать, чтобы не задерживать доставку задержанного в Сан-Франциско.

Сидя на краю исцарапанных нар, Коул угрюмо кивнул. Даже скучно, насколько все предсказуемо: утром при переезде инсценируют банальную попытку к бегству и шлепнут. Логика элементарна.

Завернувшись по знобко дрожащие плечи в тюремное одеяло, он закрыл глаза и стал вслушиваться в приглушенные шумы вечернего Сакраменто, доносящиеся через зарешеченное окошко под потолком. Ум ушел в ленивый дрейф, давая себя окутать призрачному городскому напеву, находя уют в незримо урчащем присутствии города – так похожего на его собственный и вместе с тем иного. И было в нем что-то безошибочно узнаваемое: ощущение некой невидимой *организации.* Он попробовал сконцентрироваться на этом едва уловимом энергетическом мерцании…

– Эй, там, – женский голос из-за кованой металлической двери.

Коул глянул на квадратик дверного оконца – толком ничего не разобрать. Кэтц?

Вскочив, он в два шага подошел к двери; одеяло при этом слетело на пол.

Но женщина за дверью была незнакомая. Крашеные рыжие волосы, зачесанные на одну сторону, застенчиво ниспадали на обнаженное левое плечо. Однотонное зеленое платье, кокетливо приоткрывающее одну грудь, плотно облегало ее холеную фигуру; изящная кисть руки с перламутровым лаком томно покоилась на вырезе декольте. Истинный цвет породистого лица терялся за мертвенным слоем косметики. Глаза скрыты плотно прилегающей зеркальной оправой. Коул понял, что это шлюха – не по одежде или косметике (любой пижон нынче так их сымитирует, что и не отличить), а по манере держаться, различимой лишь наметанным

глазом: соблазн и распутная дерзость в едином букете. И было в ней еще что-то *странное:* скрытое, основанное на собственной силе достоинство, ощущение какой-то глубины. Такое сочетание качеств Коул видел лишь однажды…

– Город? – произнес он, словно пароль.

Ее губы тронула чуть заметная улыбка. Ее мимика напоминала замедленную съемку проседающей в землетрясение мраморной стены. Прочная. Очень.

– Город? – переспросил Коул, уже почти не сомневаясь, что это он.

Она покачала головой.

– Нет, – послышался ее низкий, с сипотцой голос умудренного искусителя. – Я не *оттуда. Я из другого места.*

– А как… Как ты сюда попала?

– В этом городе я могу проникать куда угодно. Почти. Мне недоступны лишь несколько мест.

– Они не знают, что ты здесь? – спохватился Коул.

– Они не знают, что я здесь… Они задумали тебя убить, Коул.

– Я так и полагал… Они даже не озаботились зачитать мне права. И позволить сделать звонок. Наверное, местные орлы так охамели по той причине, что…

– …собираются списать все на жару, если с тобой что-то произойдет, – закончила она, сопроводив слова кивком.

Коул сплюнул.

– А как далеко тянутся лапы Роскоу? – поинтересовался он.

– До Реддинга, что у нас, в Калифорнии. Но Свора пытается подобраться к МТФ повсюду – с переменным успехом. Но скоро их ждет большой сюрприз, если все… все *остальные места* организуются *как надо.*

– В каком смысле?

– В летальном. Пожары, автокатастрофы, кирпичи на голову. Смерть от удара током или волны в собственном бассейне. Все это точно и избирательно. Смерть нужных людей. – (У Коула вызывал оторопь ее бесстрастный тон.) – Но для начала мы должны выработать общую стратегию. Я боюсь, что твой – *твой* Город не настроен сотрудничать с нами. Он одержим. Никак не хочет поступиться своим влиянием. Тебя предупреждала подруга: мне это известно, потому что она общается с Чикаго, а Чикаго держит связь со мной.

– Ты имеешь в виду Кэтц? – спросил Коул, вспотевшими руками схватившись за прутья решетки.

– Да. У нее с Чикаго хороший контакт.

Голова пошла кругом, но постепенно якобы непринужденные реплики женщины складывались в ясную картину. И Коул понял:

– Ты – Сакраменто. – Она кивнула. – И у всех больших городов есть… э-э… своего рода разум, самосознание? Которое иногда способно проявляться?

– «Иногда» – ответ на оба вопроса.

Коул издал долгий прерывистый вздох:

– Тогда, получается… ты и меня можешь отсюда вытащить?

– Могу. Если ты мне кое-что пообещаешь.

– Слушаю.

– Обещай, что попытаешься убедить свой Город сотрудничать с нами… в Чистке. Он поймет, о чем ты. Если бы он поддерживал с нами более тесный контакт, ему бы сообщили, что твоя поездка бесполезна, что Фарадей куплен…

– Я обещаю.

И дверь отворилась – сладко, как поцелуй младенца.

В бетонном коридоре было пусто, хоть самолетики пускай. Коул пошел за ней – за Сакраменто – к тупику в конце коридора. Под ее руками массивные бетонные блоки словно превращались в куски торта. Коул взялся было помогать, расшатывать соседние, но только оцарапал руки: стена для него была твердая, как и полагается стене. Методично устранив преграду (в бетоне образовалась брешь размером с дверь), женщина вывела его в близлежащую аллею.

А затем повела в ночь. Такси без водителя доставило их на вокзал, где как раз готовился к отходу ночной экспресс.

Напоследок она его поцеловала, чуть коснувшись губами щеки.

Кожа потом горела так, будто по ней чиркнули ледышкой.

Кэтц.

Она ждала его на тротуаре возле отеля. Было около четырех утра; присутствие Города шло на убыль. Рассвет готовился взойти над кварталами подобием арки. Светлело буквально на глазах, хотя Кэтц он видел все еще как сквозь вуаль.

Коул качнул головой.

Его выпустили их тюрьмы – из ловушки, которая должна была кончиться смертью. И Кэтц здесь, и Городу он возвращен.

Но это ненадолго.

«Вот и не трать время попусту», – сказал он себе и шагнул ей навстречу.

Они обнялись. Усталость Коула, которого еще минуту назад покачивало, при виде Кэтц истаяла. Кэтц стояла в светлом предрассветном сумраке, отбрасывая синеватую тень, вокруг ее черных ботинок постепенно испарялась скопившаяся за ночь роса. Теперь, крепко держа ее в объятиях, Коул перевел дух от

разнообразия обуревающих его чувств… Кэтц казалась непривычно маленькой, худенькой, хрупкой под весом черной кожанки по сравнению с тем монументальным образом, который остался в памяти Коула.

Он отступил и, держа Кэтц за плечи вытянутыми руками, вгляделся ей в лицо. Зрачки золотисто-карих глаз были от окружающей тьмы слегка расширены. Волосы растрепаны; никакой косметики, отчего в скудном предутреннем свете заметно выступали шрамики на щеках, придавая ее лицу неотразимую трагичность. Губы плотно сжаты – будто она боялась выдать радость, которую на самом деле испытывала от встречи. На Кэтц под латаной кожанкой были порванные джинсы в обтяжку и майка. А рядом на тротуаре – спортивная сумка с надписью АНАРХИЯ, выведенной белым спрэем.

– Мы можем пролезть туда вместе? – спросила она, кивком указывая на отель.

– Ага… – ответил Коул сипло и прокашлялся. – Да, сейчас портье как раз нет на месте; дверь открывается ключом или просто голосовой командой: Город для меня устроил. Правда, только на месяц, пока настоящий съемщик не возвратился.

Коул смотрел на нее не отрывая глаз; суставы от утренней прохлады начинали слегка ныть. Он никак не мог решиться нарушить этот миг, двинувшись к мрачному зданию.

Пример подала Кэтц.

– Господи, да пошли, – сказала она, нагибаясь за своей сумкой цвета хаки и набрасывая лямку на плечо. – Я вымоталась, – призналась она. – Добиралась на этом дурацком автобусе. Ты не поверишь: с тех пор как я ходила в школу, они стали еще хуже.

Некоторая доля усталости все же вернулась. Прежде чем достать ключ, Коул рылся по карманам не меньше минуты. Вместе они подошли к стеклянным дверям. Он вставил ключ и произнес в динамик: «Постоялец». Щелчок; Коул вынул ключ, и дверь распахнулась…

Пока поднимались в лифте, он, как мог, сквозь вязкую дымку усталости, поведал ей о своей нечаянной встрече с Сакраменто. Кэтц была заинтригована описанием образа женщины-столицы.

– Эх, вот бы познакомиться, – мечтательно вздохнула она. – Эдакий апофеоз блуда.

– Судя по ее словам, у тебя прочная связь с Чикаго. Значит, ты и на волну Сакраменто могла бы выйти. Я так понял, она за тебя замолвила словечко. – Лифт проходил этаж за этажом. Странновато ощущать себя в движущейся шкатулке в полпятого утра. – А как ты выяснила, где я нахожусь?

– Чикаго время от времени выходит на Город. Как я понимаю, у Сан-Франциско репутация какого-то чудилы… Ты сказал, мол, у меня получится настроиться на Сакраменто. Как будто о том, чтобы отправиться туда вместе, и речи быть не может. Потому что это значило бы уехать отсюда, будто эта дыра – рай небесный.

– Слушай, отвянь, язва! – сердито бросил Коул. – Я уже который день не сплю – не считая нескольких часов, пока валялся без сознания, что ни хрена не освежает. У меня круги перед глазами, и сейчас я не в состоянии спорить, неважно о чем.

Кэтц уставилась вперед, на серую металлическую дверь. Словно повинуясь ее взгляду, дверь открылась на верхнем этаже, и Коул повел ее к пентхаусу. Здесь их ждал еще один ритуал электронной проверки, после чего они вошли. Кэтц сделал вдох и вытаращилась:

– Ой… ну и вонища!

– Извини. Я сам знаю. Типа, специально это все устроил. Чтобы отражало мое настроение, что ли… Я… – он глубоко вздохнул, – мне без тебя было так, что просто кранты.

Кэтц тихонько провела ему пальцем по щеке, покачав головой печально и нежно.

Скинув сумку, она пошла к окну отодвинуть шторы.

– Не надо! – заорал Коул. – Солнце же!

Кэтц, убрав палец с раздвигающей шторы кнопки, обернулась и поглядела на него с раздражением.

– Я… это, – промямлил он, – совсем не спал, глаза режет. Не хочу, чтобы яркий свет… пока не отосплюсь.

Кэтц решила не затевать спора.

– Да ладно, – сказала она, проходя через залежи мусора в спальню. – Давай поспим. У меня буквально крыша едет.

– Ага, – радуясь, что дискуссия замялась, согласился Коул. – Я тоже с ног валюсь.

Раздевшись в затемненной спальне, они улеглись на мятую простыню, уютно прижавшись друг к другу. Чувствуя, как утопает в матраце, Коул в полудреме слушал Кэтц, прижимая ее к себе и блаженно ничего не видя перед внутренним взором.

– …так что мне показалось забавным, – рассказывала Кэтц, – что Город сообщил мне через Чикаго, где тебя искать. И не пытался остановить, когда я возвращалась обратно. А еще недавно он точно хотел меня отстранить… Ощущение такое, будто он смягчился, что ли. Может, только на время. Как будто бросил нам подачку, собираясь взять намного больше… Или, может, он знает, что я не могу остаться надолго. Мне же надо обратно, чтобы не развалился проект с записью…

– Домыслы, – пробубнил Коул в наволочку, мокроватую в том

месте, куда утыкались его приоткрытые губы.

– Я о том, сколько еще такое может продолжаться, Стью? – сделав паузу, Кэтц зевнула. – Сколько еще ты можешь *вот так?* Человек не в силах жить так, как ты.

Тебя надолго не хватит, милый ты мой. Кончится тем, что ты пополнишь собой толпу этих конченых шизиков – тех, что до визга спорят с невидимым собеседником или доказывают что-то фонарному столбу, размахивая руками. То есть это когда-нибудь кончится. Не можешь же ты пребывать в этом состоянии вечно. И у меня не выходит из головы тот призрак-двойник, которого ты повстречал. Я думаю: чем же это все кончится, Стью?

Коул не ответил: пусть лучше думает, что он заснул.

Через минуту так и случилось.

Они проспали до вечера. Когда сумрак сгустился в щели между штор, они встали и, приняв душ, надели чистые халаты из синего шелка, с чьими-то инициалами на нагрудном кармане.

По молчаливому согласию навели порядок, целыми охапками бросая мусор в мусоропровод. От Коула не укрылось, что Кэтц отключила телефон и телевизор. Он не сказал ничего: ощущалось, что Город угрюмо молчит за все еще зашторенным окном.

С наступлением ночи раздвигать шторы не захотела уже Кэтц.

Из спортивной сумки она извлекла плеер с кучей кассет и врубила на полную громкость.

Это была подборка песен разных исполнителей, популярных и забытых, старых и новых. Музыка обладала ощутимым присутствием, пробудившим в стенах новый, живой резонанс. Ритм, неугомонный вечный ритм. Вещица из «Оддз», известных в конце восьмидесятых, «Сука, изменившая пол»:

Неважно то, что от нее тошнит, -
Ей все равно, она вас обдурит.
Мы пили в кабаке, где балом правит блядь, -
Она меня сняла, чтоб шрамы показать…

Пока Коул смешивал коктейли, Кэтц принялась танцевать (у Коула был комплекс: на трезвую голову как-то не плясалось). В углах комнаты сгустился теплый сумрак; мебель была словно задрапирована тенью. Чувствовалось, как присутствие Города лучится вокруг; Коул был осью, вокруг которой вращался *Он.* Коул продолжал смешивать напитки и посматривал на Кэтц. Халат у нее распахнулся, но она с маниакальным упорством продолжала извиваться в танце, до пота, словно в попытке

просмаковать последние капли своей юности.

Группа продолжала в быстром, забористом темпе; вокалист хрипел скороговоркой, на манер зазывалы с блошиного рынка:

Она покруче девочки твоей -
В два раза жарче и в два раза злей.
Отделает тебя в подземном гараже -
Нетронута еще, но двинута уже.

Она ведь сука, изменившая пол,
Она прячет деньги под пол…
Отделает на славу, затащив под стол, -
Пусть волосата грудь, но в этом и прикол.

Она ведь сука, изменившая пол, -
О, эта сука, изменившая пол…

Коул прихватил бокал для Кэтц и присел, наблюдая за ее танцем. В сумраке ее кожа, казалось, излучает голубоватый свет; худенькая, гибкая, вокруг тельца бешено развевается халат – ни дать ни взять воспрянувшая к жизни вампирша. Коул одобрительно улыбнулся. Она плясала, небрежно расплескивая коктейль.

Песня кончилась, началась другая, и Кэтц, крутнувшись, упала на софу возле Коула, одной рукой взболтнув свой скотч с колой, другой проведя Коулу по плечам и шее. Затем, ритмично покачиваясь, оседлала подлокотник софы.

Коул доканчивал второй скотч, когда Кэтц выхватила бокал у него из руки и запустила им в кухонную стойку, чуть промахнувшись мимо красного фонарика, единственного источника света. Бокал разлетелся вдребезги, и Кэтц расхохоталась: было видно, что пульнула не со зла. Коул схватил ее бокал и кинул его о дверь; он не разбился. Кэтц снова рассмеялась и с подлокотника перебралась на Коула, придавив его к подушкам.

Слегка осовевший от коктейлей, он распахнул халат, и Кэтц притиснулась к его оголившемуся торсу. Верхняя часть у Коула была размякшей, зато нижняя неудержимо восстала, и Кэтц обхватила ее губами; Коул в это время проводил ей пальцами по мышцам спины, легкими движениями вбирая ее наэлектризованность. Возникло подобие встречно расходящихся по воде кругов, их мышцы теперь работали на единой волне. Его ось обрела компас: ее сжатые бедра. И он почти кончил. Но она выпрямилась, так что его тугой стержень хлопнул его по животу,

и оседлала его, нанизываясь и извиваясь, пока не привела в одинаковый ритм работу и верхних и нижних губ. Музыка пронизывала ритмичностью, орнаментом контрапунктов, пунктирами рифов. В скрежете медиатора по металлическим струнам слышался звон меча о щит.

После прерывистых вздохов и сдавленных стонов они откатились друг от друга, и Кэтц пошла под душ.

Но в ту ночь одним разом дело не ограничилось. Какое-то отчаяние смутно угадывалось в пылу их соития; стремление достичь максимально возможного в отпущенное им время.

«Утро, – мелькнуло в мыслях у Коула. – *Что-то должно случиться утром».*

Было около полуночи, когда Кэтц оделась и ушла по своим делам, связанным с группой; полночь – самое рабочее время у людей, с которыми ей доводилось иметь дело. Коул впал в расслабленную дремоту.

В половине первого ему приснился сон. Снилось, что руки заспорили между собой, кому из них по праву владеть его плечами. А ноги включились в борьбу за бедра. Но бедра и плечи отчаянно возражали, что сами по себе владеют соответствующими участками тела и им самим принадлежит право распоряжаться ногами и руками, а никак не наоборот. Пока руки горячо доказывали, что им решать участь плеч, а плечи обосновывали свои претензии на владение руками (ноги же и бедра соответственно боролись за свою территорию), повздорили между собой желудок и пах. Пах заявлял, что все тело должно быть отдано ему, ведь, безусловно, размножение является прерогативой номер один. Желудок сердито возражал, что физическим олицетворением Коула является именно он, ведь любому глупцу известно: насыщение – важнейшая функция организма.

И только голова молчала.

Коул пробудился около двух ночи, сознавая, что остался один (не считая Города, вращавшегося вокруг него, словно вокруг человека-оси). Он лежал на спине. Моргнул. Его покрывала испарина, несмотря на то, что было до странности холодно. Чувствовал он себя озябшим и каким-то полым внутри. От сна не осталось и следа, его сменила тревожная чуткость. Что пробудило его? По правой руке вроде кто-то полз. Коул кашлянул и сделал три глубоких вздоха. К грызунам у него с детства было отвращение. Неужели мышь по руке карабкается? Или, того хуже, крыса? Что если укусит? Стараясь шевелить только левой рукой, он потянулся и включил торшер возле кровати. Затаив дыхание,

медленно повернулся, уже замахнувшись, чтобы смахнуть тварь.

Но там ничего не оказалось, за исключением вынутого из розетки шнура от лампы. От одной из двух ламп. Странно, что шнур лежал на постели; он веной тянулся по скомканным, без одеяла простыням к безжизненной лампе на стеклянном прикроватном столике. *«Почему я пялюсь на этот шнур?»* – сам себя спросил Коул.

Должно быть, Кэтц бросила, уходя; мешал, наверное.

Но что тогда ползло по руке? Приснилось, должно быть.

Коул скинул шнур с постели и прилег, благодатно откинувшись: странная какая-то тяжесть навалилась. Прошло еще минут сорок, прежде чем он снова заснул.

Он будто бы скользнул, просочился сквозь матрац, растаяв и слившись с какой-то жидкостью, с веселым журчанием текущей по трубам Города. А сверху, обнажившись и обретя фосфоресцирующую видимость, замигали в такт некоей машинной хореографии светящиеся карты-схемы: здания, узлы коммуникаций…

Что-то разбудило его в четыре утра. Нечто стискивало правую руку: шнур от лампы, туго опоясавший бицепс и впившийся медными зубцами штепселя в плечо – как змея ядовитым зубом.

Выкрикнув что-то невнятное, Коул отчаянно дернулся, оборвав шнур. В том месте, где была перетянута кожа, проходил багровый след.

Там, где в кожу впились зубцы, была ранка, плечо уже покалывало зловещей немотой. Коул поднял руку, чтобы лучше разглядеть ранку, но немота перешла и на руку – мышца налилась неимоверной тяжестью, отчего рука плетью упала на кровать. *«Затекла всего лишь»,* – подумал Коул.

Он напрягся, силясь пошевелить рукой: бесполезно.

Из горла вырвался беспомощный скулеж; Коул его подавил. Он кое-как поднялся, сглотнув отрыжку из желчи, и заковылял в ванную (ощущение такое, будто пытаешься идти по самолету в момент падения в воздушную яму). Ноги подкашивались, мышцы повиновались кое-как, словно собираясь отправиться восвояси отдельно от тела. Добравшись до раковины, он действующей рукой (вторая висела мертвой плетью) порылся в косметичке Кэтц и откупорил бутылек со снотворным. Проглотил шесть таблеток, не запивая водой. И поковылял обратно, выключив по пути свет.

«Шнур обмотался, когда я метался во сне. Кошмар, должно быть. Тошнит… К утру, наверно, пройдет».

Он рухнул в сон, как валун с утеса.

Но несмотря на снотворное, в шесть он снова очнулся. В

полоску между шторами рапирами били колкие лучи солнца.

Коул попытался сесть – ни в какую. Он оглядел себя.

Шнур был обвит вокруг шеи. *Два* шнура (один – вокруг пояса). Получилось поднять голову с подушки и заглянуть за правый край кровати. Шнур, окрутивший горло, спускался по матрацу, сбегал на пол и уходил под стеклянный столик – но, вопреки ожиданию, с торшером не соединялся. Он был вырван. Мохнатый конец (тот, что, по идее, питает лампу) был вмят в стенную розетку.

В основании черепа что-то возилось, легонько вгрызаясь и покалывая – но током не било.

И вот тогда – в единый миг истеричного прозрения – он понял, что его чувствительность сошла на нет.

Конечности стали неподъемно-тяжелыми, разбухшими, мертвыми.

Его, несомненно, пронизывал какой-то мощный ток, за пределами восприятия. *Несомненно. Сомнений нет. Возможно. Вроде как…* Никчемные, издевательски дребезжащие слова, острыми брызгами обдающие немеющий мозг.

Издав булькающий звук, Коул отключился.

Очнулся он около полудня. Хотя, сколько именно времени, Коул не знал: не мог взглянуть на часы, поскольку не в силах был пошевелиться. По нему что-то двигалось, змеилось, ползло. Какие-то шнуры, черные провода извилисто и гибко скользили, затягивались. Меняя его.

Город?… И беззвучным воплем: *«Город!!!»*

Ответа не последовало.

А где Кэтц? Впрочем, она же сказала, что ее не будет до следующего вечера. *«Ну и хорошо, хоть не увидит всего этого,* – мелькнуло в голове. – *Иначе точно бросится на помощь. А бороться-то бесполезно».*

Коул понял, что умирает.

Не всегда безумие и помрачение рассудка – одно и то же. Иногда безумие необходимо, чтобы приспособиться. Единственное средство.

Случаются вещи столь ужасные, что справиться с ними без доли безумия нельзя. Так было всегда, от многих доводилось это слышать. Это истина, известная каждому. *Вещи столь ужасные…*

Одна из них – наползающая немощь; паралич, который наступает бесконечно. Очутиться под гнетущим весом Города; быть заживо погребенным; превратиться в каменное изваяние; застыть – при живых мыслях и чувствах беззащитно ощущать, как твое «я» медленно меркнет.

Будто две стены неумолимо сдвигаются, сдавливая тебя в

желеобразное месиво плоскими челюстями своих чудовищных тисков.

Пусть так, только хотя бы без мучений. *Если бы только Город…*

Но Город на это не шел. Боль надвигалась, бесчувственно тесня – будто вынырнула вдруг из густого тумана уродливая морда грузовика и с грохотом обрушилась на тебя всей своей набравшей скорость металлической массой.

И Коул был сейчас под ней.

Вещи столь ужасные…

Коул не мог произнести ни звука, но изнутри его разбирал хохот. По мере того как боль, чугунно звеня в позвоночнике, неистовыми волнами расходилась по всем нервным окончаниям, он успевал лихорадочно соображать: а как там сейчас Перл? А Кэтц? И…

Он хохотал, поскольку кричать уже не было сил.

Город…

Исступленный, добела раскаленный вопль…

Коул вперился в потолок с таким видом, будто именно в нем было сейчас средоточие всего сущего.

Вес Города сокрушил, раздавил его… пока наступившая смерть не сняла бремя с его плеч.

Из небытия его вывел голос Кэтц.

Оказалось, что он стоит возле кровати, пристально глядя на Кэтц. Интересно, когда же он успел встать? Помнится, что лежал на постели, не в силах пошевелиться, намертво схваченный, скрученный и… преображенный. А затем – калейдоскоп призрачных нагромождений Города и глухая воронка тьмы. Тем не менее, он снова смотрит на Кэтц, которая, позевывая и потирая глаза, стоит в дверях спальни.

Времени – восемь вечера. В комнате темень, лишь смутно виднеется фигура на кровати.

«Кто же там лежит?» – недоуменно подумал Коул.

– Кэтц! – крикнул он; голос отозвался странным эхом. Голос – и не голос. Он хихикнул.

На кровати кто-то лежал.

Кэтц, потянувшись, включила верхний свет.

Коул невольно сощурился. Фигура на кровати была прозрачной. Коул с недоумением огляделся – прозрачной была вся комната. И Кэтц тоже. Как мутноватые голограммы. Стены – из странного, осязаемо плотного тумана, сквозь который проглядывают проводка и арматура, а дальше смежная комната и

прихожая… а там туман сгущается, скрывая остальное. Он оглядел свою руку – плотная, реальная. Ощущение такое, будто он – единственное телесное создание, уцелевшее в мире.

Между тем фигурой на постели был он сам. Она лежала, грузно утопая, будто обладала недюжинным весом. Что было странно при ее видимой бесплотности – вон она, буквально просвечивает.

И тут словно что-то щелкнуло, и сотни выводов вспыхнули разом, заставив Коула невольно пошатнуться от осознания ЭТОГО. Вот три главных вывода:

1. Он, собственно, умер. Мертв.

2. Фигура на кровати – его тело, преображенное и отъятое.

3. С его теперешней точки зрения – то есть его нового тела (астрального?) – мир подобен разреженному воздуху: он есть, но его как бы и нет. Есть лишь быстротечная, обманчивая видимость того, что он существует осязаемо; хотя, с точки зрения Кэтц, реально и осязаемо существует именно она, а он, Коул, мертв.

Это три. А вот и четыре:

4. Сам он живой. Жив; в новом теле, новом состоянии бытия. Умер только тот, прежний, Коул.

Он жив и может думать. Только не обладает более рассудком.

Город убил прежнего Коула – взял его тело, подготовленное долго длившимся взаимным контактом, себе во владение. Тело человека, которым обладает весь Город, – вот что лежало на кровати.

Кэтц пронзительно визжала.

Она трясла того, бывшего Коула за плечи, руками пытаясь вбить жизнь в его грудную клетку. Кожа на костяшках была содрана до крови. Заметив это, она отпрянула, дрожащими пальцами прикрывая широко открытый рот. Глаза распахнуты, взгляд отсутствующий: до нее дошло.

Нагое тело на кровати превратилось в камень.

Хотя камень, одушевленный Городом, мог по его желанию и течь, и гнуться, и расползаться, как плоть. Фигура на постели потянулась; кровать заскрипела под непомерной тяжестью. Глаза оставались закрыты. Села. Пришла в движение голова – провернулась на шее в одну сторону, затем в другую, будто чаша радара, сканирующая комнату. Вот фигура неспешно поднялась и двинулась к противоположной стене, где висело зеркало. Черты лица тяжелые, рубленые. Само лицо принадлежало Коулу, выражение на нем – Городу. Бывший Коул воздел руки и прикрыл ими глаза, верхняя часть лица оказалась скрыта сведенными ладонями. Так он простоял секунд десять. Кэтц все это время дрожала, в ужасе распластавшись по стене, и, прерывисто дыша,

не сводила с него взгляда. Затем он опустил ладони; на месте глаз теперь тускло светились зерцала, обтянутые кожей глазниц. Город обернулся и уставил свои зерцала на Кэтц, вбирая ее в себя. В них дважды отразилось ее лицо с гримасой отвращения.

– Кэтц! – позвал Коул. Она мельком, испуганно глянула в его сторону. Увидеть, судя по всему, не увидела, но расслышала. – Ты меня видишь?

– Стью? – робко спросила она наугад. Прищурилась, всматриваясь. – Я почти… различаю что-то, только…

– Кэтц… – повторил Коул. Она чутко вскинула голову. Услышала.

– Стью!

Фигура у зеркала – *Город* – обернулась. Коул почувствовал на себе его взгляд. Почувствовал вокруг себя Город, подобно тому, как пловец ощущает окружающую его океанскую пучину, хотя плывет по мелководью вблизи берега… отзвуки громадной, немыслимо далекой глубины. Квадраты города, гулко гудящие потоками транспорта, людской толчеей, криками детей…

Город отвернулся от него, и вместе с тем схлынуло, истаяло ощущение городской толщи. Город придвинулся к Кэтц, протянул холодную руку к ее плечу.

– Твое место не здесь, – вымолвили железные губы из-под недышащего носа и зеркальных глаз.

– А-а-а… ма… э-э-э… – невнятно пролепетала она, пятясь и потирая синяк в том месте, где чуть скользнули его пальцы. Повернувшись, она вышла из комнаты.

– Прости меня, Стью, – услышал Коул напоследок. Что-то теплое отдалилось от него, и от обретенной новизны засаднило.

Город, обернувшись, изрек: *«Ступай куда хочешь. По всей ширине пространства, по всей протяженности времени. Мне же не мешай. Настало время Чистки…»*

Удалившись в мерцающем ореоле, через мерцающие врата, сотворенные из мерцающих мозаик, Город оставил Коула наедине с целым миром.

ДЕС-СЯ-А-АТЬ!

На тот момент (четверг, половина восьмого вечера) трое из десяти присутствующих в конференц-зале помышляли исключительно об ужине. Остальные четверо думали об ужине и о планах на вечер (один из них – присяжный поверенный – был поглощен сексуальной фантазией; левая рука в брючном кармане лениво теребила набрякший член); сути заседания каждый внутренне сторонился как мог. Дискуссия утомила, а ее предмет досаждал все больше. *Саботажники.* От мысли о саботажниках становилось неуютно (кто-то выдвинул предположение, что за всем этим стоит один человек – но не может же, в самом деле, один затюканный владелец клуба нести ответственность и за закладку взрывного устройства, и за убийство нескольких активистов, и за срыв рок-концерта, и за пропагандистские выходки, да еще за полдюжины необъяснимых инцидентов, в том числе бойню, в ходе которой сотрудники и активисты оказались буквально перемолоты немыслимым взрывом канализационных труб и уличных фонарей). Упоминание этой темы попросту пугало. Все шло так гладко до недавних пор… Поэтому дискуссия из риторических заявлений переросла в вялый спор, затем в мелочную перепалку, утихла до невнятных возгласов с мест и сошла на нет под вздохи и пожимание плечами. Без дальнейшей информации проблема решения не имела, а значит, надо ее отложить.

Руф Роскоу исходом нынешнего заседания был, естественно, недоволен. По нему, всем этим прениям недоставало твердости. Так, одно словоблудие, а на самом деле сплошное безразличие. Жирные засранцы. Может, и не стоило устраивать все эти сборища в фешенебельном кондиционированном зале, в уюте и безопасности сейсмоустойчивого небоскреба. Эдакий кокон с видом на город – чересчур комфортно. Когда он сам начинал без малого тридцать лет назад, их сходки проходили в дешевых, затхлых, прокуренных комнатенках, под клацанье бильярдных шаров и поскрипыванье рулетки за стеной. Убогое окружение постоянно напоминало им, что они могут подняться выше, к роскоши, к безопасности, и мысль эта как-то подгоняла. В одной из таких комнат он впервые предложил схему махинаций с компьютерами, которая принесла ему первый миллион.

А здесь? Нежно-пастельные стены, неназойливая музыка из скрытых динамиков, неспешно плывущие облака за тонированным стеклом… Всех присутствующих в этой золоченой клетке одинаково убаюкивало самодовольство от собственной

неуязвимости; блаженное ощущение, что никто не может их здесь достать (неважно, что те двое в масках ворвались конкретно в эти двери и завалили эмиссара от восточных штатов. Были предприняты новые меры предосторожности, более чем тщательные, и такого случиться больше не могло). Все в полной безопасности…

Запертая дверь в конференц-зал внезапно слетела с петель и с грохотом обрушилась на узкую спину Фреда Голагонга, в секунду размозжив ему позвоночник, а заодно и голову.

Несмотря на обуявший его ужас, Руф Роскоу успел подумать: «Вот так им, ублюдкам, и надо». В ту же секунду дверной проем заполонил собой *некто*. (Прежде Роскоу лично с ним не встречался, однако силуэт показался смутно знакомым: из какого-то кошмарного, навязчивого сна.) Надвигаясь с неумолимостью скоростного поезда, этот субъект буквально сокрушил массивный стол для заседаний. С трех направлений грянули выстрелы (в том числе из приемной за спиной), и собравшиеся пронзительно завопили. Лишь один крик среди этого гвалта был членораздельным, и исходил он от Руфа Роскоу:

– И где, на хер, ваши сверхдатчики и суперохрана?!

Это были его последние слова в этой жизни: спустя секунду он пал от руки монумента в зеркальных очках, нанесшего ему один-единственный удар дланью, мощной, как молот для забивки свай.

Убить надлежало семерых, а вся процедура заняла полторы минуты.

Началась Чистка, в которой Сан-Франциско выполнял отведенную ему роль.

Восемь вечера; Феникс, Аризона. Теплая ночь.

Феникс – город, известный бесконечными строительными работами; своего рода пластическими операциями городского фасада, или «проектами благоустройства», как их гордо именуют местные жители. Созидание и разрушение, пылкие речи о вечном цикле смерти и возрождения, строительство нового на старом пепелище – пепел, из которого предположительно должна бы восстать птица феникс.

И вот, подобно голове некоей неуклюжей металлической птицы, поднял свою грузовую стрелу робот-экскаватор, раскачивая на тросе десятитонное ядро. Ни дать ни взять птица задумчиво покачивает головой на длинной шее. Птица эта угнездилась возле руин большого здания – теперь уже воронки, загроможденной неровными кусками каменной кладки и расщепленных балок.

Венцом безлюдной площадки с негромко урчащим краном было сильно выщербленное строение, сиротливо обнажившее лишенные стен соты некогда величественного памятника архитектуры конца XIX века. Когда-то это была видимая издалека громада, гордость города – вся в лепных херувимах, подпирающих карнизы и узорчатые балюстрады. Солидное здание, залог постоянства хорошего камня и дерева. Ему бы еще стоять и стоять – хоть сотню лет, – если б не алчность одного землеустроителя… В далеком 1891 году архитектор, спроектировавший это здание, гордо покручивал ус над его законченным чертежом. Он не только предвидеть, он и представить себе не мог тот день, когда его массивное, но элегантное детище будет лежать в руинах, варварски разрушенное своим убийцей, бесчувственной машиной.

Но убийца этот, до которого будто вдруг дошла непоправимость содеянного, словно вознамерившись отомстить за убийство, орудием которого явился, включил свои глаза-камеры и вынес тонны убийственных габаритов за пределы стройплощадки, на нелюдную боковую улицу.

Он пробудился без помощи своего программиста и без его команды целенаправленно двинулся по лабиринту городских улиц, сея панику среди встречного транспорта и предупредительно помаргивая сигнальными фонарями.

Всё и вся перед ним испуганно шарахалось в стороны, предпочитая не задавать глупых вопросов.

От цели экскаватор отделяло всего шесть кварталов: новое офисное здание в виде наложенных друг на друга шестиугольников, с прозрачными соединительными позвонками эскалаторов и лифтов. Зеркальный пластик окон, стены из хромалюминия с декоративной подсветкой снаружи. На втором этаже матово поблескивающего строения разгоряченно спорили трое мужчин и две женщины.

Один из спорящих, Лу Пальоне, то и дело громко хлопал ладонью по столу, подчеркивая значимость своих слов:

– Мне все равно *(хлоп!);* пусть этот человек считает себя крестным отцом хоть всего Западного полушария *(хлоп!).* Но он все равно обязан поступать *(хлоп!)* согласно *(хлоп!)* устоявшимся *(хлоп!)* понятиям *(хлоп!).* – Он выпрямился, сунув руки в карманы твидовых брюк, довольный, что привлек всеобщее внимание. Из всех присутствующих вид у него был, пожалуй, наименее приглядный: узкоплечий, оплывший, лысый, в толстых очках, типичный зануда, учитель старших классов – и, тем не менее, все взирали на него, уважительно притихнув.

– Так вот, – продолжал Пальоне, почесав мочку уха. – Вам это может показаться мелочью, но для меня это отнюдь не мелочь;

наоборот! Господин Руф Роскоу уведомил, что сообщит результаты местным филиалам сразу после собрания, минута в минуту. А с теми, кто, вроде нас, расположен в соседнем часовом поясе, он обычно связывается в реальном времени. Да! Я уж не говорю о том, что у каждого из нас есть и личный распорядок! И вот он просто плюет на собственные инструкции… – Пальоне указал на экран, который был одновременно крышкой стола, за которым сейчас восседали пятеро директоров «Сансет Операйшнз Вест», головной конторы синдиката, ответственного за сбор банковской информации в Фениксе.

Женщина с циничным взглядом голубых глаз и вытянутым аристократичным лицом, бросив взгляд из-под затейливого блондинистого парика, поджала тонкие губы.

– Хочу вам напомнить, Лу, – заметила она, – что Руф Роскоу всегда сдерживал свои обещания. Такое происходит впервые… Да и собрание было действительно важным. Кидать без причины – это на него не похоже. К тому же сам факт, что у них молчит все здание: уж, по крайней мере, он мог дать инструкции своим секретарям. Но он даже этого не сделал.

Пальоне нахмурился и кивнул на безмолвно-серый экран.

– Вы хотите сказать, у них там что-то произошло?

Слово *«произошло»* можно было произнести по-разному. В интонации Пальоне оно означало: *«На него совершено нападение».*

– Тут с недавних пор истории разные, всякие странные происшествия, – подал голос молодой человек. – Я, э-э… особо в эти слухи не верил. Но в последнее время… Я начинаю…

Он издал странный звук (будто его душили) и вытаращенными глазами вперился в затемненный квадрат окна за спиной у Пальоне.

Тот тоже обернулся к окну:

– Что? Кто?

Тонированное стекло было настроено на полупрозрачность, но любой достаточно крупный и близкий предмет был различим в виде силуэта.

– Просто тень какая-то, – раздраженно бросила женщина и отвернулась от окна.

Но Пальоне продолжал неотрывно смотреть. С каждым мгновением силуэт становился все крупнее: чудовищные очертания ребристого великана с круглым кулачищем. Молодой человек, вскочив, подбежал к окну и с помощью пульта настроил его на прозрачность.

Местным крестным отцом Пальоне так и не стал, потому что не всегда слушал свой внутренний голос. Замаха гигантского шара он тоже не увидел, так как уже несся по холлу к эскалатору.

А вот молодой человек и остальные замах увидели, поэтому у них осталось время на предсмертный крик, у каждого свой.

Предмет оказался слишком неожиданно и близко (какой огромный!), чтобы они узнали в нем ядро, даром что оно резко вычерчивалось на фоне пляшущего отражения городских огней. Для четырех остававшихся в комнате это был просто гигантских размеров болид, несущий смерть. Не успели они сделать вдох для второго крика, как комната лопнула: куски стекла с хромалюминием, кровь и кусочки плоти дождем посыпались на небесно-синий ковролин офиса этажом ниже.

Пальоне с неработающего эскалатора (ночью он не работал, поэтому приходилось нестись через три ступеньки) прыгнул прямо на вымощенный плиткой навес гаража. Запнулся, упал; в этот момент земля содрогнулась, и вокруг начали дождем сыпаться смертоносные обломки. Ни один прямо в него не угодил; Пальоне поднялся, в истерике выдавив из себя что-то вроде: «А-а-ак, а-а-ау!»

Экскаватор разносил здание на части с угрюмой методичностью. Ядро с магнитным датчиком метко расхлестывало угловые стыки и крепежные скобы, грамотно, с какой-то задумчивой осмысленностью сокрушая строение. Наиболее упорные участки здания подвергались действию резонансных волн, исходящих непосредственно от ядра; избирательно воздействуя, они размягчали для ударов несущий каркас. Минут через пятнадцать многомиллионная, всего четыре месяца простоявшая конструкция сложилась внутрь себя и рухнула как карточный домик. Город эхом вторил грохоту обвала.

Один из бригады пожарных, зачарованно наблюдавший за картиной из припаркованного фургона, задумчиво присвистнул. Его напарник ответил улыбкой, в которой читалось смутное удовлетворение.

– Прямо как в моем недавнем сне, – поделился он. – Забавно…

– Слушай, и мне то же самое снилось!

Пожарный фургон, один из «солдат» бликующей армады разнообразной техники, съехавшейся по тревоге к взбесившемуся экскаватору, оказался припаркован под углом к остальным. Мотор заглушён, фары не горят, за рулем никого. Как вдруг машина ни с того ни с сего завелась и повернула на середину улицы, под крики сидящих на борту пожарных. На всем ходу она устремилась за улепетывавшим по тротуару человеком – маленьким, с растрепанным венчиком волос над потной лысиной. «А-ау, а-ак!» – оглянувшись через плечо, успел он вякнуть из-под бампера. Вот так и не стало дона Пальоне. После чего робот-

экскаватор тут же успокоился, пожарный фургон мирно остановился у обочины, а коллективный разум Феникса снова впал в дремоту.

Сотни тысяч человек – кто во сне, кто грезя наяву перед телевизором – хмыкнули с удовлетворением. Спроси их, они бы даже не сумели объяснить, откуда это ощущение гордости. Но оно, несомненно, присутствовало. А гнездилище паразитов было разрушено.

Феникс со своей задачей справился.

Примерно то же произошло в Чикаго… и в Сакраменто… в Портленде, Сиэтле, Бойсе…

… По Манхэттену в бронированном лимузине мчалась группа мрачнолицых мужчин. В броне этой оказалось мало толку, когда машина необъяснимо взяла собственный курс и на скорости сто сорок промахнула через тоннель Линкольна (что совсем не соответствовало нужному направлению), полностью игнорируя отчаянные старания перепуганного шофера. Как раз на противоположной стороне тоннеля, в более просторном и менее людном месте, они и встретились лоб в лоб с другим лимузином. Как описывал потом один из свидетелей, столкновение было поистине «живописным».

Второй лимузин, также летевший на всей скорости по собственному желанию, вез четырех крайне влиятельных персон из Бостона, торопившихся на встречу как раз с той самой компанией. Встреча в итоге состоялась *окончательно.*

…В Хьюстоне была башня. Выше, чем «Космическая игла» Сиэтла [7], хотя, по сути, мало чем отличающаяся. Ну выше, ну глаже, глянцевитей, современней – иными словами, построенная с меньшей изобретательностью. Как и у «Иглы», наверху у нее находился ресторан, который поворачивался по оси за сорок пять минут, открывая вид на величавые хьюстонские горизонты и на Мексиканский залив. В ту ночь ресторан не вращался. Он был закрыт. И совершенно пуст, не считая семерых мужчин и двух женщин, горячо дискутирующих за уставленным бутылками столиком. Спорящие то и дело тыкали пальцами в сторону пустого экрана над кофейным автоматом. Эта камарилья девятерых совершенно не сознавала, что находится в одиночестве: никто пока не заметил, что все охранники и единственный бармен как один покинули башню (как и Роскоу с Пальоне не поняли, что вся обслуга вовремя отозвана, ведь на месте должны были остаться только те, кто бесспорно виновен); город выманил их под мнимым предлогом.

Один из девятки властно вскинул руку, призывая к тишине, и

раздраженно крикнул в сторону бара:

– Джуд, черт тебя дери, ты опять эту хренову халабуду вращаться запустил? У меня от нее башка кругом!

Остальные, оглядевшись, удивленно обнаружили, что да, действительно, ресторан вращается: зарево городских огней определенно шло по кругу.

Джуд не отзывался.

– Алё! – сердито окликнула женщина, сведя брови. И добавила: – Э… Вашу мать! – уже тише, потому что при попытке встать она упала; темп вращения вдруг резко возрос, лишив ее равновесия. На ноги она так и не поднялась. В считанные секунды городские огни были уже хвостами метеоров, а там и вовсе слились в мерцающую рябь: башня вращалась куда быстрее, чем могли позволить моторы – и еще быстрее. И еще…

Раздались отчаянные крики, но ресторан находился слишком высоко над городом, поэтому весь этот гвалт (а потом уже и ор, а потом визг, сменившийся хныканьем, постепенно стихшим) спящее внизу население не услышало.

Удивительно, *что* высокое центростремительное ускорение способно проделать с человеческой плотью. Не такая уж она, оказывается, и прочная, как кажется на вид…

… А потом и Майами… И Миннеаполис, Атланта, Лос-Анджелес, Сан-Диего, Детройт…

– Половина страны в панике, – сообщал себе Коул, – а другая – в благоговейном трепете.

– Ага. Заметь, куча народу ударилась в религию, – отвечал Коул.

Нет, теперь он уже не бормотал себе под нос. Просто снова встретил себя, бесплотного, кочующего из другой временной плоскости, и вот оба приостановились на стыке поболтать.

Причем, разумеется, каждый заранее знал, что именно скажет собеседник. Тем не менее, произносить эти слова было необходимо и выслушивать тоже. Своего рода литания.

Один Коул находился на пути к тому, чтобы лицезреть свое рождение; другой – наблюдать свою первую встречу с Кэтц Вэйлен. Он только возвращался, отсмотрев сцену своего рождения (а по дороге туда встретил себя же, бредущего назад, – вот так, должно быть, созидается ткацким станком узорчатая ткань ковра). Они стояли на тротуаре возле опечатанного клуба «Анестезия». Город вокруг помаргивал полупрозрачностью; скрещивались и разбегались временные векторы. Двигались люди, оставляя за собой вьющиеся лучи-трассеры, как на фотоснимке с замедленной выдержкой. Оба Коула были вполне реальными – друг для друга.

– Как Коул Коулу скажу, – поделился один, доверительно склонившись к собеседнику, – тебя… в смысле нас, не раздражает нейтральность нашего теперешнего состояния?

– Бывает иногда. На физическом уровне я действительно чересчур поверхностно соприкасаюсь с этой плоскостью. Когда щиплю себя, чувствую, что больно. Но стоит, скажем, садануть кулаком по стене, она как кисель… хотя для *них* это бетон. Поэтому, м-м… есть, наверное, какой-то уровень, куда я – то есть мы – можем и когда-нибудь сможем попасть и где у нас получится физически контактировать с окружающей средой более плотно.

– Вот там и тормознемся, – согласился другой Коул, почесывая в паху. И нахмурился: – Заметь, мы оба без одежды… А вот я помню, как встретил себя, когда получил предупреждение насчет активистов в Окленде. Так вот, тогда на *том* субъекте была одежда…

– Ну и что. В другой временной плоскости ты – то есть я – решим что-нибудь на себя накинуть. Видишь ли, одежда, которая на тебе была, просто сама собой образовалась вокруг твоего тела из-за психических вибраций, свойственных тому тебе, с кем ты тогда пересекся… Вроде того, как экстрасенс улавливает, где может находиться тот или иной пропавший человек, когда ему дают потрогать что-нибудь из принадлежавших ему вещей, в том числе одежду… Возможно, это как-то связано с переходом электронов, которые одинаково вращаются и в твоем, и в его поле… Словом, ты можешь психически притягивать одежду, которую носил при жизни – той жизни, – и она переходит в твое поле.

– Мне ведь это известно, – сказал другой Коул. – Не знаю, зачем я тебя об этом спросил.

Оба рассмеялись.

Они стояли во временном коридоре, из которого окружающий мир представал с иной частотой – отсюда и вьющиеся вдоль улиц извилистые лучи-трубки, помечающие траекторию движения пешеходов. Стоило сместиться во временной коридор меньшей частоты, и мир предстал бы таким, каким его видят обычные люди – точнее, в том же частотном диапазоне, – но все равно туманным, полным отражений, многослойным.

Вот поблизости несколько «прохожих» в виде лучей-трубок пересеклись, образовав полый жгут телесного цвета…

– Вот так они нынче собираются по углам и барам. Судачат, по какой такой причине кто-то так резво взялся за криминальных авторитетов, – поведал Коул Коулу. – В целом склоняются к мысли, что это дело рук какого-то загадочного толстосума; он,

мол, убирает всех тайком из чувства мести. Кто-то вроде активиста, только тактика другая.

– Я знал, что ты собираешься это сказать…

– Я знал, что ты собираешься это сказать…

Оба в один голос рассмеялись. И синхронно разошлись, каждый своим путем.

Коул, тихонько посмеиваясь, неспешно прогуливался рядом со своим телом, находящимся во власти города. Тот Город, что шел рядом, – реальный в нескольких плоскостях разом – занимал оставленное тело Коула в качестве передвижного средства. Но Коулу было странно смотреть на телесное воплощение Города как на версию самого себя, как на предмет, который был когда-то Стью Коулом. Частично из-за очков-зеркал, утопленных по краям в то, что было когда-то его, Коула, черепом. Частично потому, что выражение и черты лица были теперь полны угрюмой решимости – как морда прущего на таран локомотива. На Городе было грубое подобие камуфляжной формы и все та же мятая шляпа. Одежда продрана стенами, которые приходилось крушить, и пулями, испещрившими грудь. Коул был в костюме, правда, босиком. Вместе они шли по скудно освещенной улице квартала Сан-Рафаэль. Улица в полутьме казалась Коулу почти осязаемой.

По зрелом размышлении насчет пиратского изъятия собственного тела он не слишком возражал. Это было неизбежно: ведь он сам подыграл Городу. Да и Город, если вдуматься, не так уж виноват. Не более чем кто-нибудь другой в Сан-Франциско. Он был просто физическим воплощением подспудного отчаяния, волнами взбухающего в коллективном подсознании.

– Я только не пойму, зачем они все еще держатся вместе, когда их заправилы уже мертвы.

– Из соображений безопасности, – ответил Город. – Что, в общем-то, глупо с их стороны. Они кучкуются, потому что думают: то, что убило их боссов, пожелает убить и их самих. И они правы. Этого бы не было, реши они разойтись. Но поскольку они все еще сила – как раковая опухоль, – мне придется и их уничтожить. И дать им уничтожить меня…

– Даже так? Что, последнее так уж обязательно?

Город непринужденно кивнул.

– Как и раньше. Осеменение крови.

– А-а, как тогда, когда тебя сшибли машиной и кровь хлынула по улице. А улица очнулась и поднялась за тебя мстить… – ностальгически произнес Коул. – Такой ритуал.

– Может быть. Но это необходимо.

К ним кто-то приближался: девочка, выгуливающая терьера.

И девочка, и собака одновременно мелькнули в полосе прозрачности, от чего на миг стали видны их внутренние органы, очерченные кровотоком. Коул ступил в их временной диапазон и понаблюдал за ними в обычном, людском измерении. Возле них кто-то находился – некто голый и плачущий. Мужчина, которому на момент смерти было чуть за тридцать. Коула и Город ребенок с собакой миновали справа, девочка испуганно вытаращилась на Город, но ничего не сказала; собака же напряглась и стала рваться с поводка к ближайшей канаве, лишь бы подальше. Ни Коула, ни голого мужчины девочка не заметила. Возможно, это был ее недавно умерший отец. Первый отделенный от тела дух (помимо него самого), которого Коулу довелось увидеть. При этом мужчина лишь мельком кивнул Коулу и вновь обратил безутешный взгляд на дочь. «Твила», – окликнул он жалобно. Она его не услышала; зато собака, навострив уши, рванулась и помчалась через улицу, волоча за собой поводок. Девочка с криком погналась за собакой; отец, невидимый, как мог заспешил следом, беззвучно плача. У Коула похолодело внутри. Впервые со времени собственного преображения он ощутил бесприютность. А вместе с ней – смутный зов какого-то иного, далекого места. Какого?

– Ты собираешься покинуть меня? – спросил Город. В голосе была нотка сожаления.

– Нет, – секунду помедлив, ответил Коул. – Я никогда тебя не покину. Никогда, покуда ты существуешь. Через сорок примерно лет – по *их* времени – почти все города вымрут. МТФ и прочие системы воплотят свои «глобальные деревни» в жизнь. Все поселения станут компактными, по нескольку сот человек, и сложится новая разновидность коллективного разума. Тебя уже не будет, нужда во мне иссякнет, и я перейду в то, иное место. Знаешь, я стал теперь как-то свободнее. Думаю повидать другие города. В скором времени мне нужно будет наведаться в Чикаго. Но в одной из временных плоскостей я всегда буду находиться здесь, и тот, основной – условно основной Коул, меняясь с ходом времени, всегда будет возвращаться к тебе.

Говорил Коул негромко, утешая и вместе с тем подбадривая. Город слушал, не меняя выражения лица, с бесстрастным видом шагая по темной улице. Но он слышал. Он, и она, и они – все те, кто и есть *Город,* знали, что среди них незримо присутствует друг.

Они замедлили шаг перед приземистым особняком с подсветкой на ухоженном газоне. У переднего крыльца, нетерпеливо бегая по сворке, глухо рычали две немецкие овчарки.

– Вот оно, это место, – сухо произнес Коул. – Ты думаешь

воплотиться где-то здесь?

– Да. Это часть моего города. У них в подвале целый склад пластида. Я его сдетонирую. Можешь зайти, насладиться взрывом. Ощущение непередаваемое: взлетать на взрыве, который тебе совершенно безвреден. Просто класс.

– Это присуще любому взрыву, – согласился Коул. – Город, а почему ты сейчас не излучаешь музыку?

– «Хаус», что ли? В ней уже нет необходимости. Я делал это вначале, чтобы завлечь и удержать тебя. Как гипнозом.

– Понятно, – сказал Коул (хотя он это уже знал, на каком-то внутреннем уровне). – А знаешь, почему я спросил? Потому что…

– Ты хотел бы услышать ее сейчас? – перебил Город. – Ох и сентиментален же ты.

– Вовсе нет. Просто чувствую, что было бы в самый раз…

Город кивнул и двинулся по газону, переливчато сияющий и страшный в разноцветных огнях подсветки. От него исходили резкие синтезаторные ритмы. В своем теперешнем измерении Коул мог эту музыку фактически видеть. Пересекаясь, звуковые волны образовывали кубистические узоры, очень даже неплохо украшающие данную аранжировку.

Коул шел следом в нескольких шагах, ступая по плюмажу из облаков.

Собаки набросились на Город, как только он оказался в зоне досягаемости. В следующий миг они с воем отскочили, кровя сломанными о его каменную плоть зубами.

Распахнулась передняя дверь, и человек с винтовкой… рухнул замертво через долю секунды после выстрела, получив от Города прошедший навылет, как сквозь вату, удар кулаком в живот.

– Эй, задняя дверь не открывается! – послышался чей-то голос.

– Ну и хер с ней! – крикнул кто-то в ответ, в то время как Коул вслед за Городом проходил в захламленную, потом пропахшую гостиную. Из нее спиной к Коулу выбегали люди, теснясь и напирая друг на друга на лестнице в подвал.

– Эта хрень Билла завалила! Робот тот 'баный!

– Взрывчатку хватайте, только осторожней!

– Ставьте на таймер, а сами уходим, через подвальное окно…

– Окно заклинило! Выбить не могу!

– Эй, не поворачивай тот…

Коул был на полпути вниз по лестнице, когда дом взлетел на воздух. На гребне ударной волны он смотрел, как сквозь него, не причиняя вреда, пролетает скопище обломков – непонятно даже, кто сквозь кого.

Он любовался величаво оседающим каскадом из бетона, дерева, пластика, крови и густой пыли. Взрыв удался на славу.

ВЫХОД

Кэтц Вэйлен сняла наушники. В темном павильоне студии она сидела одна: звукооператор часа два как ушел, оставив Кэтц ключи. Слабый свет исходил лишь от индикаторов на пульте. Спина и бока у нее вспотели, в ушах стоял звон.

Уронив лицо в ладони, она зарыдала без слез – так она избавлялась от нервного напряжения.

Спустя какое-то время Кэтц выпрямилась. Голосом, чуть надтреснутым от усталости, она спросила:

– Стью! Ты сейчас рядом?

Ответа не последовало. Но что-то определенно шевельнулось в темном углу комнаты – заблудший сквозняк, должно быть.

Встав, Кэтц потянулась, легонько хрустнув суставами. Затем во весь рост растянулась на ковре и попыталась расслабиться. Губы были сжаты, но она взывала; взывала из самого нутра.

«Спасибо, что сумела-таки до меня дотянуться», – донесся голос Стью из заполненного небом окна под потолком студии. Она различила там его отражение, оно было без тени.

Неважно; он все равно ее слышал.

«Ты мудачина конченый, сукин ты кот…» – пошла костерить она, и на этот раз слезы обильно потекли по ее щекам.

Зыбкий облик Коула в окне тихонько улыбался, пока словесный поток не иссяк.

– Ну что, так легче? – спросил он, когда она смолкла.

– Ты дал ему себя забрать, – блеклым голосом сказала она, сидя раскинув ноги на ковре.

– Иначе было нельзя, – ответил Коул. – Но я все равно с тобой. Я по-прежнему…

– Блин! Ты насчет «я-всегда-буду-в-твоем-сердце», что ли? Да пошел ты! Насчет «всегда» ты мне не нужен! Не хватало мне еще этих комплексов. Я тебе что, монашка, – о тебе, размазне, всю жизнь горевать? Я время от времени еще не прочь перепихнуться и не желаю, чтобы ты откуда-то на меня пялился!

Коул засмеялся, Кэтц – нет.

– Мне нужно было тебе это сказать, – произнес он после паузы.

– Ох уж понимаю, – в голосе Кэтц была горечь.

– Что ж, мне пора.

– Ну, конечно.

– Я буду помогать тебе в карьере. Думаю, что смогу…

– Не надо мне никаких поблажек! – отрезала она и, встав, быстрыми шагами пошла к двери, по пути сердито ударив по

выключателю.

Вместо этого звук, наоборот, включился – и комнату, словно эдакий классный взрыв, затопило грохотание группы Кэтц.

Кэтц ушла. Коул какое-то время ждал, слушал. А затем отправился в другой город, к другой музыке.

notes

Примечания

1

Angst *(нем.)* – страх, ужас. – *Примеч. пер.*

2

БЭМ – Акционерная компания «Банковские электронные машины». – Примеч. ред.

3

Слова из знаменитой песни «Роллинг Стоунз» «Сочувствие дьяволу» (Sympathy for the Devil). – Здесь и далее примеч. пер.

4

Blue Oyster Cult – «Культ Голубой Устрицы», знаменитая рок-группа 70-80-х гг., родоначальник американского хэви-метала

5

Отк. 11, 13, 16

6

Алькатрас – остров неподалеку от Сан-Франциско.

7

«Космическая игла» – туристическая достопримечательность г. Сиэтла